

Монастирський Вісник

№ 2 [14]
ФЕВРАЛЬ
2015

СТАРЧЕСТВО.
ТАИНСТВО
ДУХОВНОГО
РУКОВОДСТВА

ЧТО ТАКОЕ СТАРЧЕСТВО В ЖИЗНИ
ДУХОВНОЙ? ОНО ПЕРЕКЛИКАЕТСЯ
С ТАКИМИ НЕОБХОДИМЫМИ
ПОНЯТИЯМИ, КАК «ОТЕЦ», «МАТЬ»,
«ДОЧЬ», «СЫН», ВЗЯТЫМИ ИЗ САМОЙ
ЕСТЕСТВЕННОЙ ЯЧЕЙКИ ЧЕЛОВЕЧЕ-
СКОГО ОБЩЕСТВА – СЕМЬИ.
Старчество имеет ту же основу,
что и жизнь любой семьи,
где младшие пользуются
руководством старшего, где
в родительской любви заложена
основа правильного возрастания
ребенка в «мужа совершенна»
иоанниния Игнатия (Музик)

[4] Официальные материалы. События

[7] ПРАЗДНИК
Высоко-Петровский монастырь
открыл череду торжеств,
посвященных 700-летию обители

ТЕМА НОМЕРА

[10] Основа старчества – духовный опыт.
Беседа с Алексеем Бегловым
Сергей Кириллов

[20] ПРАЗДНИК
Слово на Сретение Господне
Святитель Амфилохий Иконийский

[24] БОГОСЛОВИЕ
Принципы общежительного
монашества по учению отцов
Архимандрит Елисей

[32] БОГОСЛОВИЕ
Игумения как духовная мать
Игумения Феоксения

[40] ИНТЕРВЬЮ
«Нужно любить оставаться
в своей келье».
Схиархимандрит Гавриил (Бунге)
Екатерина Орлова

[48] ИСТОРИЯ
«Зосимова пустынь» среди шумной
столицы. Неизвестный
Высоко-Петровский монастырь
Елена Балашова

[60] ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ...

Антониево Надкопанье
Юлия Гойко

[68] ИСКУССТВО
Образ столпничества
в христианском искусстве
Дарья Гордиенко

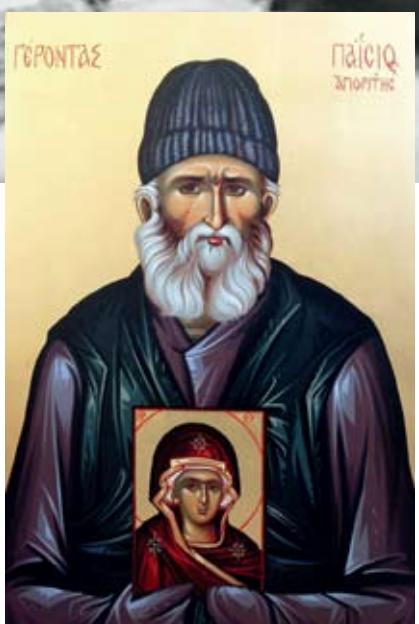
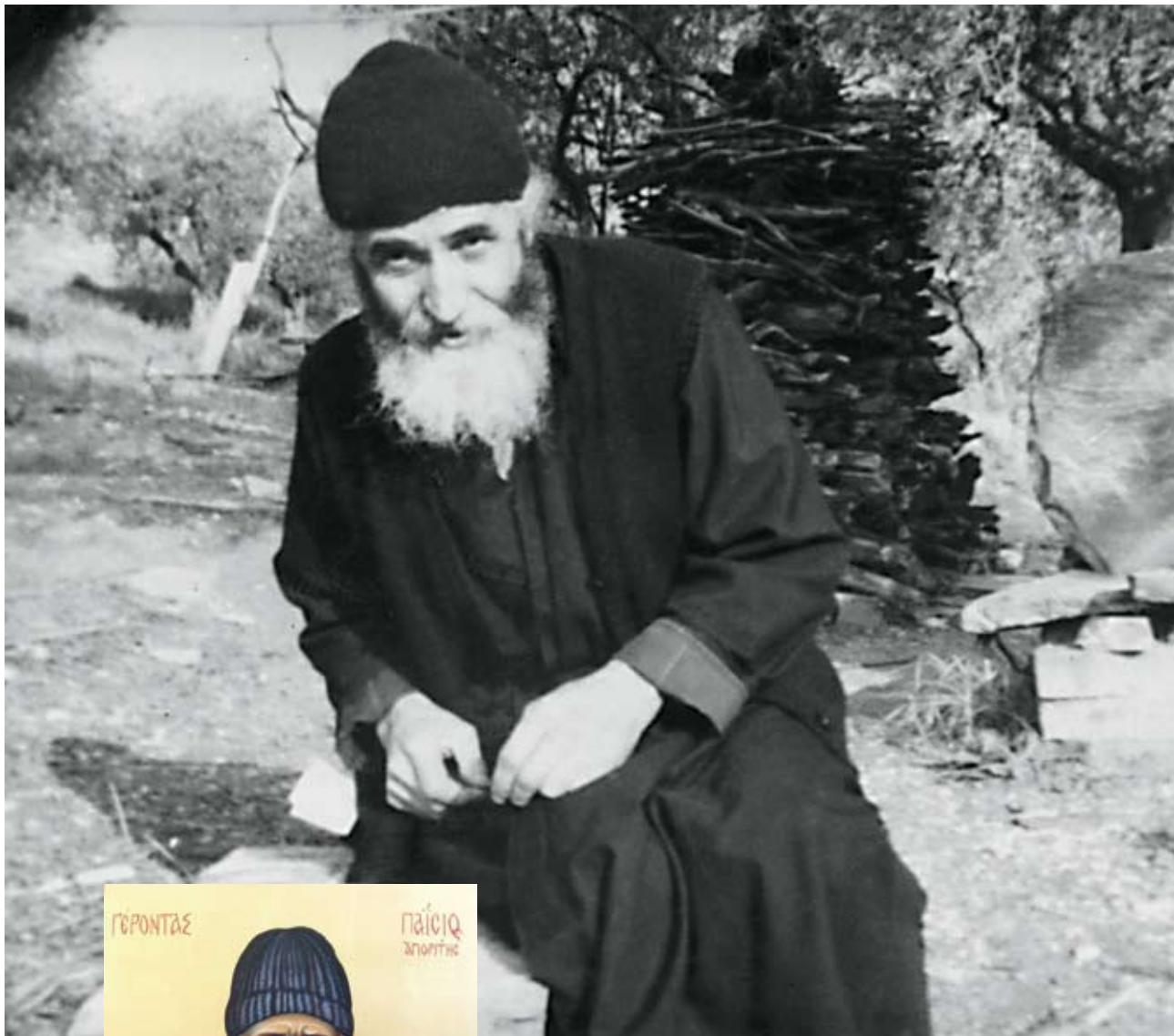
[76] ДУХОВНАЯ ГЕОГРАФИЯ
Костомарово.
Русская Каппадокия
Христина Полякова

[96] ОТЦЫ ЦЕРКВИ
Преподобный Иларион Великий
«Бог явил людям Своего
раба и прославил его»
Анастасия Михалос

[104] КНИЖНАЯ ПОЛКА | РЕЦЕНЗИЯ
Неакадемические
размышления
тайной монахини
Алексей Беглов

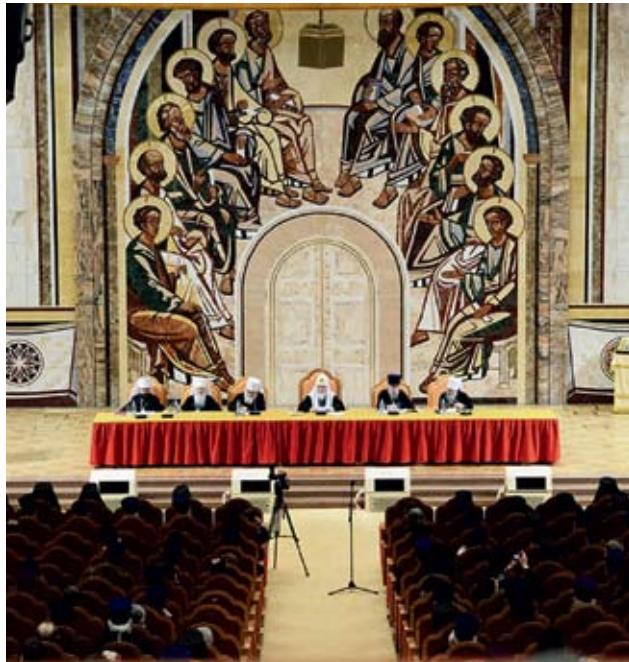
[106] КНИЖНАЯ ПОЛКА |
ФРАГМЕНТ КНИГИ
«Слово о старчестве»
Монахиня Игнатия (Пузик)

[110] ЭССЕ
Преподобный Прохор Лебядник.
«Хлебом от былия
и солио от пепла»
Иван Пырков

КАНОНИЗИРОВАН СТАРЕЦ ПАИСИЙ Святогорец

Священный Синод Вселенского Патриархата официально заявил о причислении старца Паисия к лику святых Православной Церкви: «Во вторник, 13 января 2015 года, Священный Синод собрался на очередное заседание под председательством Патриарха Варфоломея. Темой заседания явился доклад Комиссии по канонизации святых, в котором было предложено причислить старца Паисия к лику святых. После подробного изучения представленных фактов Синод единогласно постановил причислить к лику святых схимонаха Паисия Агиорита».

Святейший Патриарх Кирилл подвел итоги деятельности монастырей в 2014 году

23 декабря 2014 года в Зале церковных соборов кафедрального соборного Храма Христа Спасителя под председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла состоялось годичное Епархиальное собрание столицы. В Епархиальном собрании приняли участие среди прочих наместники мужских обителей и настоятельницы женских монастырей г. Москвы, а также наместники ставропигиальных монастырей Русской Церкви. Святейший Патриарх Кирилл напомнил участникам собрания о состоявшихся в монастырях в прошедшем году юбилейных торжествах и подчеркнул роль монастырей в организации катехизаторской деятельности на приходах.

Его Святейшество отметил, что в настоящее время в непосредственном подчинении Предстоятелю Церкви находится 32 монастыря: 15 мужских и 17 женских, включая Марфо-Мариинскую обитель милосердия, которая получила статус ставропигии. Всего (в том числе и те, кто исполняет послушание в Московской Патриархии и на монастырских подворьях) в них подвизается 1 828 человек: в мужских – 932 насельника, в женских – 896 насельниц.

Наблюдается небольшой рост числа насельников монастырей. Так, увеличение братии мужских

обителей на 9 человек по сравнению с прошлым годом произошло в связи с пополнением числа насельников Оптина пустыни, Валаамского и Сретенского монастырей. Общее количество насельниц женских ставропигиальных монастырей возросло на 10 человек. В течение минувшего года Патриарх Кирилл, по сложившейся традиции, посещал ставропигиальные монастыри как в Москве, так и за ее пределами. Его Святейшество поблагодарил всех наместников и игумений, насельников и насельниц монастырей за ту большую работу, которую они осуществляют, и подчеркнул, что отдельного упоминания достойны наместник Свято-Троицкой Сергиевой лавры, Председатель Синодального отдела по монастырям и монашеству архиепископ Сергиево-Посадский Феогност с братией, понесшие значительные труды в юбилейном 2014 году. При этом Патриарх Кирилл обратил внимание игуменов и игумений на важность индивидуальной работы с послушниками и послушницами, на то, что не нужно жалеть сил на их воспитание и подготовку к постригу. К сожалению, иногда постриг воспринимается как некая форма поощрения, как ступень карьерного роста. Каждый, кто стремится к постригу, должен ясно осознавать, что постриг – это восприятие особой ответственности, связанной с полным посвящением себя исполнению данных обетов.

В ГРУЗИНСКОМ МОНАСТЫРСКОМ КОМПЛЕКСЕ ДАВИД ГАРЕДЖИ ОБНАРУЖЕНА МОЛЕЛЬНЯ ЗАЛЬНОГО ТИПА

Об этой находке сообщили грузинские телеканалы спустя несколько часов после уникального обнаружения. В Давид-Гареджийской лавре, в скале монастыря Додос Рка (Рог Додо), археологи раскопали вековые наслонения, скрывавшие сооруженную внутри скалы молельню зального типа, до сих пор не известную науке.

По информации Национального агентства защиты культурного наследия (НАЗКН), с научной точки зрения это – беспрецедентное обнаружение. Несмотря на наличие богатейшего культурного наследия, в Грузии еще и до наших дней можно обнаружить значительный памятник, не зафиксированный в исторических и научных источниках, констатируют эксперты.

Генеральный директор НАЗКН Ника Антидзе уже побывала на месте события. Принято решение о проведении неотложных укрепительно-спасательных работ на территории молельни с участием археологов, архитекторов и специалистов по настенной живописи.

Примечательно, что фрески, датируемые XIII в., в молельне монастыря Додос Рка сохранились почти полностью.

Обновлен Свято-Троицкий Зосимо-Савватиевский собор Соловецкого монастыря

Рождественское богослужение 2015 года в Спасо-Преображенском Соловецком ставропигиальном мужском монастыре было совершено в Свято-Троицком Зосимо-Савватиевском соборе более чем через 90 лет после того, как в нем была отслужена последняя Божественная литургия.

В этом году на праздник Рождества Христова собралось так много паломников и прихожан, что Свято-Троицкий храм был заполнен. Поэтому, как сказал архимандрит Порфирий в слове перед освящением храма, предполагается, что после установки иконостаса и светильников церковных будет совершен чин малого освящения храма и Свято-Троицкий Зосимо-Савватиевский собор станет главным теплым храмом обители, где круглогодично будут почивать мощи преподобных и совершаться полный суточный круг богослужения.

По окончании богослужения в Троицком соборе с Рождественским поздравлением к братии и прихожанам обители обратился наместник Спасо-Преображенского Соловецкого ставропигиального мужского монастыря архимандрит Порфирий (Шутов):

«Рождество 2015 года знаменательно, потому что встречаем мы его в этих стенах, которые больше 90 лет ждали, чтобы вновь огласиться пением священных гимнов. Мы с вами стали участниками великого торжества: нам Бог дал совершить и малое освящение этого собора, и первую литургию в нем. Конечно, сегодня живо и ярко вспоминается бытие этого собора в лагерное время. Здесь располагалась так называемая карантинная рота, то есть около 80 тысяч человек заключенных, которым суждено было понести свои страдания, а часто и смерть в Соловецких лагерях, побывали в стенах этого святого храма, обращенного в тюремные застенки».

**3 ЯНВАРЯ 2014 ГОДА
Высоко-Петровский монастырь
открыл череду торжеств,
посвященных 700-летию обители**

3 января Высоко-Петровский монастырь отпраздновал зимний престольный праздник — день преставления основателя обители святителя Петра, митрополита Киевского, Московского и всея России чудотворца.

Божественную литургию в Сергиевском храме возглавил архиепископ Сергиево-Посадский Феогност, председатель Синодального отдела по монастырям и монашеству. Его Высокопреосвященству сослужили наместник Высоко-Петровского монастыря игумен Петр (Еремеев), наместник Николо-Угрешского монастыря игумен Варфоломей (Петров), настоятель храма Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках прото-

иерей Олег Клемышев, духовник сестричества во имя святителя Петра протоиерей Михаил Крутинь, братия монастыря в священном сане.

За литургией молилась настоятельница Троице-Одигитриевской Зосимовой пустыни игумения Фаина (Кулешева).

Владыка Феогност в своей проповеди отметил, что «Москва — столица православной Руси — стоит молитвами святителя Петра, основавшего здесь перво-святительскую кафедру», ведь именно «святитель Петр принимает важное решение, предопределившее дальнейшую судьбу Москвы как духовного и политического центра Руси».

Особенностью совершенного накануне праздничного Всенощного бдения стало то, что, помимо хора Высоко-Петровского монастыря под управлением

регента Алексея Любимова, за богослужением пели прихожане обители и паломники. «В этом году часть песнопений за Всенощной исполнили сами прихожане. Подготовка длилась несколько недель. Хор спел акафист, тропарь, кондак, а также величание. Прихожане обители из числа активных слушателей Петровской богословской школы сами проявили инициативу. В нашей практике такое происходит впервые – обычно за богослужениями поет монастырский хор», – поясняет иеромонах Лаврентий (Полешкевич), директор Петровской богословской школы при монастыре.

Кроме того, впервые со времени возрождения обители был совершен массовый крестный ход по улицам, прилегающим к монастырю. Верующие во главе с архиепископом Феогностом обошли монастырь по Петровскому бульвару, улице Петровке и Крапивенскому переулку.

Возрождению памяти святителя Петра монастырь придает большое значение. Его личность сейчас

как никогда актуальна. Во-первых, он переносит кафедру Киевских и всероссийских первовспомятелей из Владимира в тогда еще совсем незначительный город Москву, чьи пределы, по сути, ограничивались кремлевскими стенами (из разоренного в 1240 году татаро-монголами Киева столица и митрополичий стол переехали во Владимир; хотя митрополит продолжал титуловаться «Киевским»). Но менее чем через сто лет уже Москва становится первопрестольным градом. Во-вторых, сам святитель Петр родом с Волыни, а это нынешняя Украина. И на сегодняшний момент, когда братская Украина выбирает свой путь развития, важно вспомнить о митрополите Петре. Великая, и Малая, и Белая Русь объединяются в его личности, в его подвиге.

Торжества в рамках празднования 700-летия основания Высоко-Петровского монастыря продолжатся. Главные праздничные мероприятия намечены на сентябрь 2015 года.

НОВОСТАМИ ВАШЕГО МОНАСТЫРЯ МОЖНО ПОДЕЛИТЬСЯ, НАПИСАВ НАМ mon_vestnik@mail.ru

Основа старчества – духовный опыт

О СТАРЧЕСТВЕ ЖУРНАЛ «МОНАСТЫРСКИЙ ВЕСТНИК» БЕСЕДУЕТ С БЕГЛОВЫМ АЛЕКСЕЕМ ЛЬВОВИЧЕМ. АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ – КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, СТАРШИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН, ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ ПАМЯТИ МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО И КОЛОМЕНСКОГО МАКАРИЯ (БУЛГАКОВА) 2009 Г. В НОМИНАЦИИ «ИСТОРИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ» ЗА КНИГУ «В ПОИСКАХ «БЕЗГРЕШНЫХ КАТАКОМБ». ЦЕРКОВНОЕ ПОДПОЛЬЕ В СССР», ПУБЛИКАТОР ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО МОНАШЕСТВА XIX И XX ВЕКОВ, В ТОМ ЧИСЛЕ ПО ИСТОРИИ ТАЙНЫХ МОНАШЕСКИХ ОБЩИН СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА. В СФЕРЕ ЕГО НАУЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ – ИСТОРИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В XIX–XX ВЕКАХ, В ТОМ ЧИСЛЕ – ИСТОРИЯ РУССКОЙ АСКЕТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В ЭТОТ ПЕРИОД

Алексей Львович, когда вообще в церковной истории появляется феномен старчества?

Если мы понимаем под старчеством духовное руководство, которое является особой христианской практикой, направленной на очищение ума и сердца христианина или, более узко, подвижника, то такая аскетическая практика по определенным документам фиксируется достаточно рано. Один из авторов начала XX столетия приводит текст из Оригена (III век), в котором фактически описывается практика духовного руководства. Поэтому можно сделать вывод, что подобная практика появляется одновременно с христианским аскетизмом, вместе с такими его составляющими, как молитва, пост, бдение и т.д. Естественно, что практика духовного руководства получает особый импульс с появлением монашества. И далее именно внутри монашества старчество активно развивается, разрабатывается, конкретизируются методики духовного руководства. Что касается самого термина «старец», то оно достаточно позднее. Первоначально духовный руководитель назывался «отцом», на востоке – «авва».

То есть о старчестве можно говорить, только начиная с новозаветных времен?

Теоретически мы можем проводить параллели между деятельностью старцев и библейских пророков, их духовным руководством. Но поскольку подробных данных об этом вопросе не имеется, то мы в каком-то смысле специально сужаем тему и говорим про духовное руководство именно в христианской Церкви.

Наблюдается ли развитие понятия «старец»? Когда и в III веке и сегодня в этот термин вкладывается один и тот же смысл?

Трудно сказать, когда появляется слово «старец», или по-гречески «геронта». Предположу, что это яв-

ление XIX или XX века. В афонском монашестве, в том числе русском еще в начале XX столетия старцем назывался любой руководитель монашеских послушаний. «Старцем» называли не духовного руководителя, а монаха, отвечающего за какое-либо направление монастырских работ. С течением времени понятие «старец» приобрело новое значение. Поэтому я стараюсь всегда говорить именно о «духовном руководстве», а не о «старчестве», хотя в данном случае для меня это синонимы.

Старец – это обязательно монах? Обязательно священник? Как можно охарактеризовать старчество?

Это важный вопрос, и на него по-разному отвечали авторы, писавшие о старчестве. Если резюмировать историографию вопроса, то нужно сказать, что от старца, прежде всего, требуется духовный опыт. Не какие-то чрезвычайные дары, не чудотворство, не пророчество, а именно духовная опытность, т.е. способность вести других по пути духовного восхождения. Это принципиальный момент. Более того, древние отцы – Иоанн Лествичник, Симеон Новый Богослов, например – подчеркивают, что послушник должен выбирать старца, который знает, как врачевать его (то есть послушника) духовные болезни, который опытен в борьбе именно с теми страстями, что для послушника характерны. Все остальные дары перед навыком духовного рассуждения как бы отступают на второй план для духовного руководителя. Кем может быть старец? Прежде всего нужно сказать, что далеко не всегда духовная харизма сакраментально связана со священством, и это доказывают первые поколения монашества, потому что в то время выдающиеся духовными руководителями, как правило, были просто монахи, не священники. Старец-духовник, т.е. священник, который исповедует братию, безусловно,

более позднее российское, греческое явление XVII – XX вв. Хотя даже в России этого периода есть очевидные примеры, когда духовные руководители не имеют священного сана – например, преподобный Зосима (Верховский). Более того, нужно подчеркнуть, что бывают такие исторические условия, когда духовное руководство вообще не связано с формальным положением в Церкви. В качестве духовных наставников могут выступать и епископы, и монахи-священники, ими могут быть мужчины и женщины. Например, известный подвижник и руководитель XIX века Георгий Задонский был рясофорным монахом. Среди авторитетных духовных наставников XIX века русское монашество даже называло «великого раба Божьего» Ивана Ивановича Троицкого, который пострига не имел, но при этом вел аскетическую (фактически монашескую) жизнь и был духовным наставником нескольких женских монашеских общин. Иначе говоря, духовное руководство не требует формального церковного статуса. Хотя все-таки следует признать, что и Иван Иванович Троицкий, и Георгий Задонский – случаи экстраординарные. Их появление во многом обусловлено историческим контекстом, исторической ситуацией, в данном случае – очень непростым положением русского монашества в синодальную эпоху. Конечно, как правило, духовный руководитель – именно монах, хотя бы монах, поскольку именно монашество хранит аскетическую культуру православия и развивает аскетические практики, в том числе практику духовного руководства.

Можно ли сказать, что старец – это субъективная оценка ученика по отношению к учителю?

Не совсем. Как правило, и те, кто не является прямым послушником какого-либо старца, его духовные соратники, духовные братья, так или иначе признают его дары духовного руководства. Хотя прежде всего те, кто приходят к нему, ищут этого духовного руководства, но и окружающие порой говорят свое слово свидетельствования об этом. Поэтому я бы не сказал, что это

субъективная оценка послушника. Все-таки это некая объективная реальность: имеет человек дар рассуждения или нет, ведет он человека ко спасению или нет.

Когда началось систематическое богословско-историческое изучение этого вопроса в мире и в нашей стране? Имена каких исследователей Вы бы отметили?

Я бы разделил работы о старчестве на две части: ранние работы о старчестве, которые во многом носили апологетический характер и так или иначе были связаны с жизнеописаниями первых русских духовных наставников, например преподобного Паисия (Величковского). Второй этап – это когда делаются попытки более-менее академического описания этого духовного явления. Весь XIX век прошел под знаком апологетики старчества, потому что старчество было не совсем понятной практикой. Культура монашества находилась на таком уровне, что и старчество, и даже Иисусова молитва вызывали подозрения. И преподобному Паисию (Величковскому) и его ученикам приходилось защищать Иисусову молитву и старчество. Только в начале XX века появляются работы, которые пытаются рационально описать этот феномен. Одна из первых таких работ – диссертация будущего митрополита Трифона (Туркестанова), хотя во многом она носит еще апологетич-

Преподобный Паисий
(Величковский)

ский характер. Довольно интересны работы Игоря Корнильевича Смолича, Ивана Михайловича Концевича, которые писались уже в эмиграции. Но в России я бы выделил монахиню Ингатию (Пузик), ученицу старцев Зосимовой пустыни. И хотел бы обратить внимание на еще один интересный текст: это доклад 1917 года киевского ученого Василия Ильича Экземплярского, который является одним из первых примеров именно академического осмыслиния старчества. Очень важно было показать, и это делали и Концевич, и Экземплярский, место старчества в контексте христианского аскетизма и практики борьбы со страстями, практики «умного делания». Показать, что старчество занимает не изолированное место в христианском аскетизме, а является одной из практик. Что касается мирового контекста,

мне кажется, хотя специально этим вопросом я не занимался, изучение шло вслед за русскими работами. Хотя не все они были известны за границей (например, доклад В.И. Экземплярского не был известен). Есть очень достойные, на высоком уровне написанные академические исследования на английском языке. Например, исследование нашей соотечественницы, живущей в Эстонии, Ирины Пярт, которая написала на английском языке фактически первую полноценную монографию по истории русского старчества в XIX и XX веках, именно о старчестве как о духовном руководстве. Эта книга не переведена на русский язык. К сожалению, львиная доля уникальной англоязычной историографии об истории Русской Церкви в России практически не известна никому, кроме специалистов...

Из ваших лекций я сделал вывод, что старчество часто рассматривается в проблемной плоскости. Почему иногда это проблема для церковного сознания?

Монашество вообще как харизматическое и в некотором смысле внеиерархическое движение в Церкви, зародившись в Египте и Палестине, с самого начала было в довольно непростых отношениях с иерархией. Потребовалось несколько столетий, чтобы были выработаны неконфликтные формы взаимодействия с духовной властью.

Но нам важнее остановиться на ситуации в Русской Церкви. Ситуация в России с XVII до начала XX века была особенной. Подозрительное отношение к старчеству порождалось той системой синодального контроля над Церковью, которую насаждала имперская власть. И в рамках государственной церковности (заложенной еще Петром I) власть относилась к Церкви и, в частности, к монашеству достаточно утилитарно. Конечно, было определенное покровительство, но власть всегда так или иначе пыталась извлечь свою пользу, иногда достаточно прямолинейную, грубую, материальную, когда рассматривала монастыри и приходы в качестве фискальных единиц, иногда более тонко — когда рассматривали монашество или духовенство как опору государственной политики, как некий воспитательный

инструмент для народа. В рамках этой системы государственной церковности духовному руководству не то чтобы не было места, но оно как бы не укладывалось в эти рамки, было не очень понятно. Поэтому, когда духовное руководство громко заявляло о себе, в особенности когда старцы, в частности, Оптиной пустыни привлекали к себе не только монашествующих, но и мирян, это вызывало подозрения в нарушении церковной дисциплины, церковной субординации. Эти подозрения по отношению к старчеству были не только со стороны иерархии, но и в не меньшей степени со стороны белого приходского духовенства, которое обвиняло монахов, принимавших на исповедь и духовное руководство мирян, в некотором небрежении по отношению к приходским священникам. Нередко священники писали жалобы епархиальным властям, которые могли иметь опасные последствия для монастырей, для той же Оптиной пустыни, например. Эта ситуация, безусловно, связана с конкретным историческим моментом и судьбами монашества в синодальный период истории Русской Церкви.

Алексей, а если конкретизировать, какие «проблемы» могли создавать старцы? Люди приходят на исповедь, за духовным руководством – это ведь все укладывается в логику христианской жизни.

Почему, например, преподобный Лев (Наголкин), основатель традиции оптинского старчества, вместе со своим старцем Феодором Гоним из монастыря в монастыре? Прежде всего потому, что вокруг старца сформировался достаточно самостоятельный уклад духовной жизни, как кажется церковному начальству, противопоставленный игумену и епископу, который этого игумена поставил. Понятно, что история православного монашества знает примеры естественного взаимодействия игумена и духовного руководителя. Но для синодальной системы это вещь новая. Настоятели монастырей, поставленные, как правило, из учебного монашества, не имеющие опыта монастырской жизни, тем более жизни под руководством, такому альтернативному центру авторитета в монастыре со-

Преподобный Лев
(Наголкин)

противлялись. Это с одной стороны. С другой стороны, церковную власть крайне беспокоил факт обращения народа, мирян к авторитету монастырских духовных наставников, потому что синодальная система чётко себе представляла: приходской священник – для мирян, это их духовный отец, а в монастыре священник – это для монашествующих. Интересно, как синодальное, консисторское делопроизводство толкует слово «старец»: это духовник монашествующих, духовник братии. Не духовный руководитель, а духовник, то есть человек, который осуществляет исповедь. Духовного руководителя, тем более без священного сана, синодальная система формально не знает. Более того, «старец» в синодальной системе ещё осуществляет надзор над теми людьми, которые иногда присыпаются в монастырь на исправление, причём не над всеми, а только над теми из них, кто испытывает трудности с православным исповеданием веры, например, над сектантами или людьми, которые заблуждаются и высказывают какие-то еретические суждения. Вот их присыпают на исправление в монастырь и поручают руководству монастырского старца, духовника. Если это еретик, то духовник должен быть монашествующим, потому что считалось, видимо, что приходской священник недостаточно образован, недостаточно духовно подкован для

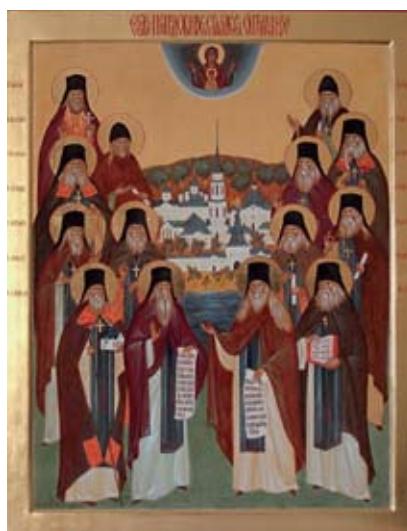
того, чтобы противостоять еретичеству. То есть синодальная система понимает духовного наставника очень узко. В данной системе никакого общения духовного руководителя и мирян, а кроме того и общения даже с монашествующей братией вне исповеди, собственно, нет. А старчество знает очень разные формы духовного руководства. И монашествующие вне исповеди постоянно, регулярно общаются с духовным руководителем. Монашествующие исповедуют помыслы ежедневно и даже ежечасно, что не назовешь собственно исповедью. А тут приходят ещё и миряне... Все это выбивается из привычных для того времени взаимоотношений.

Такой конфликт характерен только для синодального периода? Как менялась модель отношений в

XX веке и, главное, каковы эти отношения сейчас, что изменилось принципиально?

XX век принёс две вещи: во-первых, благодаря «массовому выходу» духовных руководителей в мир, само понятие «старец» начало деформироваться. И уже в начале этого столетия (это отмечали и современники, и поздние исследователи) существуют попытки спекуляций на авторитете старцев, на самом понятии старчества. Возникают общины, возглавляемые лжестарцами. Такие ситуации иногда даже доходят до синодального суда. Подобные примеры есть, в частности, в монографии Ирины Пярт. Девальвация понятия старчества начинается уже до революции. Об этом очень жёстко отзыается В.И. Экземплярский. С другой стороны, одно из последствий размытания понятия старчества – это именование «старцами», «старцами в миру» приходских священников, например, праведного Алексия Мечева, хотя совершенно понятно, что отец Алексий был образцовым приходским пастырем, создавшим именно приходскую общину. Старцем его именовали в переносном смысле. Во-вторых, XX век принес гонения с жёстким преследованием монашествующих, фактически с разгромом русской монастырской культуры, которая была очень высока. Понятно, что эта культура сохраняется в нелегальных монастырях, в подполье, формируется

даже новый феномен – «монашество в миру», однако воспитывать новые поколения духовных руководителей ситуация массовых антирелигиозных гонений все же не позволяет. Простой пример: старцы крупнейшего центра духовного руководства начала XX века – Свято-Смоленской Зосимовой пустыни (мужской монастырь к северу от Москвы; сейчас во Владимирской епархии) – после закрытия обители переселяются в Москву в Высоко-Петровский монастырь и в окрестности столицы. Вокруг этих старцев образуются тайные монашеские общины – и в этих общинах начинают воспитываться поколения молодых наставников. Но в условиях гонений практически все они, подхватившие «эстафету» знаменитых зосимовских старцев, погибают. И хотя отдельные члены этих общин дожили до нашего времени,

Собор преподобных
Оптинских старцев

сама традиция зосимовского духовного руководства прерывается в 1959 году, с кончиной последнего выжившего зосимовского старца отца Исидора (Скачкова). Прерывание традиции — это, конечно же, трагедия русской духовной и монашеской жизни. А что касается вопроса, были ли в XX веке конфликтные ситуации по линии «духовная власть — старец» или «старец — белое духовенство», то очевидно: гонения все эти конфликты отодвигают на второй план, и даже если они были, то были менее заметны, чем раньше. Перед лицом богооборческой власти все элементы церковного организма — иерархи, монашествующие, белое духовенство, миряне — сплачиваются.

А сегодня, в период церковного возрождения, какое место занимает старчество в религиозной жизни нашего общества?

Этот вопрос очень сложный, потому что трудно дать объективную оценку происходящего. Как я сказал, с одной стороны, в советский период была фактически разгромлена монашеская традиция. Можно пересчитать монастыри, которые не то что духовную школу имеют, но хотя бы живут по устоявшемуся укладу. Собственно, самые очевидные примеры — Псково-Печерский монастырь, Троице-Сергиева лавра. Все остальные монастыри, по сути, создаются с нуля. И если во время войны, в 40-е годы, когда стихийно открывались монастыри на оккупированной территории, были живы представители духовной традиции, то сегодня старцев, которые могли бы выйти из подполья и возглавить монастырь, нет. С нуля создаётся монастырский уклад, собирается братия... Большому количеству наставников, старцев просто неоткуда взяться. Настоящих духовных руководителей мы можем пересчитать по пальцам одной руки. С другой стороны, совершенно очевидно можно наблюдать такое специфическое явление, как «ажиотажный спрос» на старца в большинстве случаев со стороны мирян. При этом старец воспринимается как пророк, чудотворец — то есть не совсем так, как воспринимает его православная аскетическая традиция. Дошло до того, что в интернете можно увидеть рекламные предложения «турор к старцам». Это та подмена и искажение образа старчества, которую отмечали ещё в начале XX столетия. Поэтому говорить о современном старчестве очень трудно. Нужна определенная временная дистанция, чтобы, с одной стороны, русское монашество

осознalo своих духовных столпов, а с другой – чтобы массовое церковное сознание несколько «успокоилось» по этому поводу.

Главная роль в деле возрождения старчества отводится монашеству?

Я повторюсь, что, хотя нет никаких формальных критериев, которые бы обязательно привязывали дар духовного руководства к монашеству или священству, все же именно монашество является той средой, которая хранит и совершенствует аскетическую культуру православия, в том числе культуру духовного руководства. Поэтому старчество, прежде всего, должно возродиться в монастырях и для монастырей.

Как бы Вы описали образ старца в русской культуре? Как он появился, закрепился и развивался?

Конечно, в первую очередь надо назвать Ф.М. Достоевского, образ старца Зосимы в «Братьях Карамазовых». Хотя есть и менее известные фрагменты его произведений, в частности, глава «У Тихона» из «Бесов», которая, правда, не вошла в окончательный текст романа. Безусловно, явление духовного руководства, старчества, в внеправославном культурном ареале стало известно благодаря Достоевскому. Хотя было достаточно много ищущей европейской, американской интеллигенции, было определенное внимание к культуре православия со стороны западного общества. На английский язык, например, переводились «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу». Героиня одного из рассказов Джерома Селинджера находится под большим впечатлением от чтения «Рассказов странника...». Что касается русской культуры, то здесь вот какой важный момент: Оптина пустынь была не только местом, где соединилась собственно российская и эмигрантская духовная традиция (связанная с именем Паисия Величковского); Оптина была местом, где церковное сознание, церковное предание встретились с русским образованным обществом. Еще в 40-е годы XIX века видные представители, прежде всего, московской интеллигенции, будущих славянофилов,

в частности, братья Киреевские, стали ездить в Оптину пустынь, окормляться у старцев, в том числе у старца Макария (Иванова), и привлекались к издательской деятельности Оптины пустыни. И здесь произошла встреча европейски образованного российского общества с подлинными традициями русского православия и монашеской духовной жизни. В Оптиной русское старчество непосредственным образом формировало культурную среду страны. Недаром потом кто-то из славянофилов сказал, что их направление мысли «родилось в монастырских стенах».

Какие русские старцы, на Ваш взгляд, наиболее влиятельны и какие существуют школы русского старчества?

В целом верующие люди ассоциируют старчество прежде всего с XIX веком и с началом XX – с Оптиной пустынью, с Зосимовой, с другими такого рода обителями. Но надо чётко представлять себе, что все выдающиеся представители русского монашества, насчитывающего тысячелетнюю историю, во многом были и духовными руководителями. Даже если не рассматривать домонгольский период, а перейти к XIV – XV вв., то преподобный Сергий Радонежский, безусловно, является духовным руководителем. В скобках стоит отметить, что Игорь Корнильевич

*Старец Макарий
(Иванов)*

Смолич не находил в житии преподобного Сергия указания на его старчество, но это, безусловно, является недоразумением, потому что Игорь Корнильевич искал прямых указаний на старчество преподобного в виде, например, каких-то уставных рекомендаций и тому подобного, а на самом деле затушеванные указания есть. В частности, Епифаний Премудрый, автор жития преподобного Сергия Радонежского, описывая отношения подвижника с его племянником Феодором, будущим основателем московского Симонова монастыря, замечает между прочим, что Феодор помыслы свои открывал преподобному чуть ли не ежечасно. Это прямое указание на практику исповедания помыслов, которое является одним из элементов духовного руководства, то есть старчества. Таким образом, преподобный Сер-

гий был, по крайней мере, для части своей братии, не только игуменом, но и духовным руководителем, старцем. Видимо, эта практика была настолько естественна для русского монашества той поры, что Епифаний не считал нужным специально на ней останавливаться, говоря об этом, как о чем-то само собой разумеющемся. Преподобный имел колоссальное влияние и на русское монашество, и на все русское общество своего времени. Поэтому и в истории он остался как безусловный столп и светоч. Что касается более позднего времени, XVII–XX веков, то можно назвать много имён выдающихся наставников, которые способствовали укреплению, углублению духовного руководства, старчества. По географическому принципу их можно разделить на две части: монашествующие наставники, вынужденные в условиях секуляризации церковных имений и предшествующих непростых десятилетий XVIII столетия, покинуть Россию. Это, прежде всего, Паисий Величковский и его круг. Потом уже его ученики возвращаются в Россию, продолжая паисиевскую традицию. С другой стороны, продолжала существовать традиция духовного руководства внутри страны, в Рославльских лесах, на островах Ладожского озера и т.д. Безусловно, такой самобытный духовный руководитель – это преподобный Зосима (Верховский). Тут

необходимо заметить: не следует путать собеседников и учеников. Есть сведения, что преподобный Зосима и его старец, преподобный Василиск, состояли в духовном общении с преподобным Паисием и его учениками; но это еще не делает их самих его послушниками и учениками. Они собеседники, а не ученики. Позднее, в XIX веке, – это Оптинская пустынь, в начале XX века – Зосимова пустынь как крупнейший центр духовного руководства. Не нужно забывать и про женские центры духовного руководства – Аносину пустынь, Усть-Медведицкий монастырь...

В целом, святоотеческая литература, обращенная во многом к монашествующим, советует искать духовного руководителя, старца созвучным внутренним

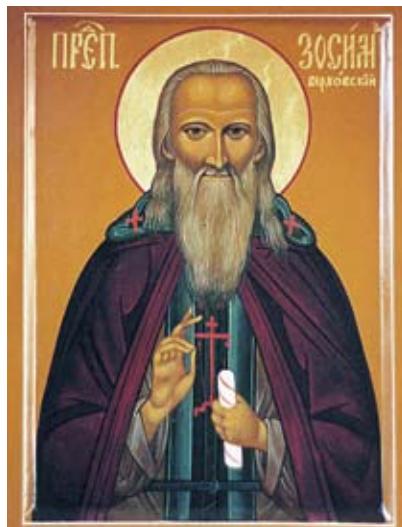
миром. А для мирян искать старца – это явление какого порядка?

Перебрасывать мостик между академическими исследованиями и практическими рекомендациями я бы не стал, делать собственно выводы в данном случае надо с осторожностью. Когда Поместный Собор 1917–1918 гг. пытался описать правильные, должные формы церковной жизни, одним из важнейших принятых тогда документов был приходской устав, имевший обширное богословское введение. Одним из авторов этого введения являлся священномученик Серафим (Чичагов), который, кстати, руководил соборным отделом по монастырям и монашеству. Так вот, в этом документе было чётко обозначено, что приходская община, руководимая священником, имеет центральной целью спасение своих членов, то есть в самой общине заложен сoteriологический смысл...

Когда миряне начали окормляться в монастырях? Есть мнение, что монах не всегда может адекватно понять обстоятельства жизни мирянина...

Общение между монахами-отшельниками и приходящими к ним мирянами прослеживается на протяжении всей истории христианской Церкви. Так было и в египетской пустыне, и в Палестине; к преподобному Варсонофию приходили миряне –

об этом мы знаем из дошедших до наших дней ответов этого великого подвижника. Знаменитый авва Дорофей пришёл к преподобному Варсонофию еще будучи мирянином. Другое дело, что в истории Церкви существовали периоды наиболее активного взаимодействия старцев и мирских людей. Таким показательным периодом были, например, VIII–IX века в Византии – время иконоборческих споров. В России таким периодом, безусловно, можно считать XIX век, когда старчество из монастырских стен «выходит в мир». Это было вызвано тем кризисом приходской жизни, который имел место в сино-дальний период существования нашей Церкви. То есть «выход» старцев к людям, как правило, обусловлен внешними историческими событиями, историческим контекстом, носящим кризисный, проблемный характер.

Преподобный Зосима
(Верховский)

Слово на СРЕТЕНИЕ ГОСПОДНЕ

«А КОГДА ИСПОЛНИЛИСЬ ДНИ ОЧИЩЕНИЯ ИХ ПО ЗАКОНУ МОИСЕЕВУ, ПРИНЕСЛИ ЕГО В ИЕРУСАЛИМ, ЧТОБЫ ПРЕДСТАВИТЬ ПРЕД ГОСПОДА, КАК ПРЕДПИСАНО В ЗАКОНЕ ГОСПОДНЕМ, ЧТОБЫ ВСЯКИЙ МЛАДЕнец МУЖЕСКОГО ПОЛА, РАЗВЕРЗАЮЩИЙ ЛОЖЕСНА, БЫЛ ПОСВЯЩЕН ГОСПОДУ, И ЧТОБЫ ПРИНЕСТИ В ЖЕРТВУ, ПО РЕШЕННОМУ В ЗАКОНЕ ГОСПОДНЕМ, ДВЕ ГОРЛИЦЫ ИЛИ ДВУХ ПТЕНЦОВ ГОЛУБИНЫХ» (Лк.2:22–24)

По закону Моисееву, родильницы в течение сорока дней не могли являться в церковь Божию; по прошествии же этого времени обязаны были явиться в храм и от священника принять очистительную молитву. Подвергается сему закону и Пречистая Матерь Божия Дева Мария – не потому, чтобы имела нужду в очищении Родившая бессеменного Источника чистоты и святости, но дабы исполнить закон Божий и показать совершенный образец благочестия и смиренномудренного повиновения воле Божией. Посему Она, подобно прочим женам израильским, вместе со святым обручником Иосифом приносит предвечного Младенца Иисуса во храм Иерусалимский, чтобы представить пред Господа, ибо, по закону Божию, всякий первенец мужского пола посвящаем был Богу как Ему единому принадлежащий. Родители обязаны были искуплять его, давая в церковь малое количество серебра, и сверх того должны были в благодарность Богу принести в жертву: богатые – агнца, а бедные – двух горлиц или двух птенцов голубиных. Смысл этого закона имеет весьма важное значение. Чадородие есть дар Божий: кому же принадлежит первый плод, как не Богу, даровавшему его? Сверх того, закон искупления первенцев напоминал израильтянам чудесное их исцеление из Египта, когда Ангел Господень умертвил всех первенцев египетских, а израильских пощадил (Исх.13:2). Дабы исполнить закон, и Пресвятая Матерь Божия и Дева Сына Своего Первенца посвящает Богу; Искупителя рода человеческого искупляет; по бедности приносит в жертву двух птенцов голубиных за Того, Которого

Отец Небесный отдал в жертву за спасение человеков. В таком смирении приходит в первый раз в Иерусалим Господь и Спаситель наш... И кто Его встречает? Один только благочестивый старец Симеон и восьмидесятичетырехлетняя вдовица Анна, в посте и молитве безотлучно пребывавшая при церкви.

«Тогда был в Иерусалиме человек, именем Симеон. Он был муж праведный и благочестивый, чающий утешения Израиела; и Дух Божий был на нем. Ему было предсказано Духом Святым, что он не увидит смерти, доколе не увидит Христа Господня. И пришел он по вдохновению в храм» (Лк.2:25 – 27).

Все благочестивые патриархи и святые мужи Ветхозаветной Церкви со святым нетерпением ожидали пришествия обещанного Спасителя Израиля и больше всего желали видеть Его. Так же и праведный Симеон просил Господа, чтобы дожить ему до сего возведенного часа, – и за благочестие его Дух Святой обещал исполнить желание его: прежде смерти своей увидеть Иисуса Христа. И вот, повшущению Святого Духа, праведный старец приходит в церковь в то самое время, когда Преблагословенная Мария и Иосиф принесли в нее Иисуса. Он встречает в ней Избавителя мира, почему и установленный Церковью в воспоминание сего праздника называется Сретение Господне.

«И, когда родители принесли Младенца Иисуса, чтобы совершить над Ним законный обряд, он взял Его на руки, благословил Бога» (Лк.2:27 – 28).

Тот же Дух Святой, Который привел праведного Симеона в церковь для сретения Иисуса Христа, указал ему Сего предвечного Младенца, Которого дер-

жала в объятиях Пречистая Дева Мария. И с какою неизреченою радостью святой старец узрел Его и принял на руки свои! С какою беспредельною благодарностью Богу, удостоившему его сего несравненного счастья, воспел радостную песнь, благословив Бога. «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицем всех народов, свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля» (Лк.2:29–32). Увидев Спасителя, Которого столь сильно желал видеть, святой Симеон уже не хочет более жить: все желания его исполнились. С миром духовным, с полным упованиям улучить блаженную вечность верою в пришедшего Спасителя и с радостью оканчивает он временную жизнь. Очи его видели Спасителя всех людей, Просветителя не только иудеев, но и язычников – Царя Израилева, прославившего избранный народ Свой Рождением Своим от него: чего еще оставалось ему желать? С таким миром, надеждою и радостью разрешаются от уз плоти души праведных!

Кому из нас, братия, не жалтельно улучить таковую блаженную кончину? Но блаженная кончина есть плод праведной, добродетельной и благочестивой жизни. Что получить ее, надлежит, подобно праведному Симеону, прежде всего и более всего желать узреть Спасителя своего, хотя не плотскими, но умымы очами сердца. Когда узрим Его, тогда и мы с миром и радостью возляжем на смертный одр и перейдем от смерти в жизнь (Ин.5:24). Верно слово Его: «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня... и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам» (Ин.14:21).

Но обратимся к словам евангелиста: «Иосиф же и Матерь Его дивились сказанному о Нем» (Лк.2:33). Удивлялись Иосиф и Матерь Божия словам Симеона о предвечном Младенце не по незнанию своему, что Он есть Спаситель мира, но по смиренномудрию своему и по чувству глубочайшего благоговения к Богу, удостоившему Деву Марию быть Матерью Такого Сына, а Иосифа – попечителем Его. И благословил их Си-

меон и сказал Марии, Матери Его: «Се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий, – и Тебе Самой оружие пройдет душу, – да откроются помышления многих сердец» (Лк.2:34–35). Что глаголеши, старче праведный? Тот ли лежит на падение многих во Израиле, Который пришел восстановить падшее естество человеческое? Но слова Симеона верны, ибо они – глаголы Духа Святого. Иисус Христос пришел восстановить всех падших и спасти всех погибших, но Он не спасает нас без нас. Он пришел просветить всех и святит всем, но те только просвещаются, кто, во смирении сердца своего, признавая слабость и заблуждение ума своего, веруют светоносным и спасительным словам Его. Он пришел избавить и спасти всех от грехов – но те только избавляются от греховного ига, кто с сердцем сокрушенным раскаивается и исповедует грехи свои и с верою ищет прощения у милосердия Его. Он пришел восстановить всех падших, даровать всем благодатные силы сделаться добродетельными, благочестивыми и святыми – но те только приемлют эти дары, кто, признавая немощь свою, неотступно просят у Него духовных сил,

верно исполняя живоносные заповеди Его. Этим-то во смирении духа верующим, с сокрушенным сердцем кающимся Иисус Христос лежит на восстание из тьмы в свет, из неверия в веру, из греха в добродетель и святость, из немощи в силу, из смерти в жизнь Вечную. Но Он же лежит и на падение тем, кто, гордясь своим умом и темною земною мудростью, не верует светоносным словам Его и, любя тьму, не приемлет Его света; на падение тем, кто, при всей внутренней нечистоте и гнусности сердец своих, превозносясь ложными добродетелями своими, не признает своих грехов и не ищет у Него спасения от них; на падение тем, кто, надеясь или на силу свою, или на славу свою, или на богатство свое, без страха нарушает заповеди Его и вместо того, чтоб исполнять волю Божию, святую и совершенную, следует своей злой развернутой воле. Так Иисус Христос лежит на падение и восстание многим.

**БЛАЖЕННАЯ КОНЧИНА
ЕСТЬ ПЛОД ПРАВЕДНОЙ,
ДОБРОДЕТЕЛЬНОЙ
И БЛАГОЧЕСТИВОЙ ЖИЗНИ.
ЧТОБ ПОЛУЧИТЬ ЕЕ,
НАДЛЕЖИТ, ПОДОБНО
ПРАВЕДНОМУ СИМЕОНУ,
ПРЕЖДЕ ВСЕГО И БОЛЕЕ
ВСЕГО ЖЕЛАТЬ УЗРЕТЬ
СПАСИТЕЛЯ СВОЕГО, ХОТЯ
НЕ ПЛОТСКИМИ, НО УМНЫ-
МИ ОЧАМИ СЕРДЦА**

И как верно исполнились эти слова праведного Симеона на иудеях! Гордые их законоучители и книжники, хвалящиеся ложными добродетелями фарисеи, превозносящиеся силою и славою своею архиереи и князья, ожидающие видеть в Мессии царя победоносного и облеченного мирскою славою и богатством, а истинного Мессию — смиренного и уничиженного Иисуса — отвергшие, — разве не пали они за неверие и гордость? Но восстали смиренные рыбари, кающиеся мытари, слабые жены, всею верою принявшие Его и всею любовью прилепившиеся к Нему. «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр.13:8): и ныне, и всегда те же падают, и те же восстают. Верно слово Его: «Ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк.18:14).

«Се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий..., — продолжает Симеон, — да откроются по мышлениям многих сердец». Иисус Христос лежит в предмет пререканий. То есть во всей Его жизни и делах ум человеческий, не озаренный светом веры, сердце наше, не привыкшее безусловно исполнять заповеди Божии, и самолюбие наше находят беспрерывные противоречия. Для ума человеческого непостижимо: как Спаситель наш есть и Бог, и вместе человек; предназначенный Сын Бога Отца — и получивший начало бытия Сын Девы; невместимый небом и землею — и вмещающийся в тесных яслях; и Тот, Кто держит в руке Своей всю вселенную, — и Тот, Кого держит руками старец Симеон. Не постигая сего, ум без веры противоречит тайнам спасения и не верует им. Но при свете веры эти противоречия исчезают: озаренные сиянием веры, мы веруем этим непостижимым тайнам, ибо знаем, что для Бога нет ничего невозможного (Мк.10:27).

Для растленного сердца человеческого спасительные и живоносные заповеди Иисуса Христа кажутся весьма тягостными и невозможными к исполнению, потому оно беспрерывно им противоречит; но при надежде на всемогущую силу благодати Его, которая «совершается в немощи» (2Кор.12:9), исчезает это

противоречие: и для истинно верных сердец заповеди евангельские не тяжки (1Ин.5:3); иго Христово для них благо и бремя Его легко (Мф.11:30). Для развращенного самолюбия нашего последование крестной жизни Иисуса Христа представляется невыносимым. Нам бы хотелось, чтобы путь в Царствие Небесное мы могли совершать в беспрерывных радостях и удовольствиях и, не вкусив от горькой чаши Креста Христова, переселились на Небо для вечных наслаждений. Потому самолюбие наше беспрерывно противоречит путям Креста, единому вводящему в Вечную жизнь. Но противоречие это исчезает при излиянии в сердца наши истинной любви к Богу, для которой Крест Спасителя есть вожделенное всех сокровищ света и слаще всех радостей мира. Так Иисус Христос лежит в предмет пререканий, которым испытываются и истинная вера, и истинное повиновение, и истинная любовь наша к Богу!

«И Тебе Самой оружие пройдет душу» (Лк.2:35), — говорит праведный Симеон Деве Марии. Кому, кажется, более приличествовало в беспрерывной радости провождать жизнь, как не Пресвятой и Преблагословенной Деве Марии —

Матери Спасителя, Источнику и Подателю вечной радости? Но Симеон предвещает Ей не удовольствия и веселье, а скорби, которые, подобно острому мечу, проникнут всю святую Ее душу: «И Тебе Самой оружие пройдет душу». И чьи скорби и страдания могут сравняться с болезнью материнского Ее сердца, когда Она, стоя при Кресте Спасителя и Сына Своего, была зрительницей Его беспредельных страданий и поноской смерти? Как же после сего мы, бедные грешники, оскорбленные беззакониями, можем жаловаться, когда милующая десница Божия посещает нас бедствиями и скорбями, спасения ради душ наших? «Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает» (Евр.12:6; Притч.3:12).

Прилепимся, братие, всею силою веры и любви нашей к Богу и Спасителю нашему, да будет Он нам на восстание в жизни сей: от веры — в веру, от силы — в силу, а по кончине нашей — в жизнь Вечную. Аминь.

Архимандрит Елисей,
настоятель монастыря
Симонопетра
(Святая Гора Афон)

ПРИНЦИПЫ ОБЩЕЖИТЕЛЬНОГО МОНАШЕСТВА ПО УЧЕНИЮ ОТЦОВ

Если попытаться серьезно поговорить об основах общежительного монашества согласно учению великих отцов, потребуется провести целое научное исследование. По этой причине мы постараемся наметить в общих чертах те начала, которые стали неизменными принципами для православного монашества

Основоположниками этих начал были преподобные Антоний, Пахомий, Савва Освященный. Запечатлел их в уставе святитель Василий Великий, преподобный Феодор Студит, его подражатель, а также преподобный Афанасий Афонский, который был последователем учения преподобного Феодора Студита на Афонской Горе.

Когда мы говорим о святых отцах, речь идет об общем наследии, передаваемом из поколения в поколение, которое золотой нитью проходит через это неписаное предание. Поразительно, что по благословению Божию мне дано жить на Святой Горе вот уже более тридцати лет и воочию наблюдать невероятное возрождение православного монашества.

В 70-е годы, когда я, будучи молодым, не достигшим и тридцати лет, прибыл на Святую Гору, там жили только очень пожилые и по большей части неграмотные отцы. Со своим багажом учености и прочитанных книг я считал, что кое-что все же знаю. Каково было мое удивление, когда я обнаружил, что эти старцы обладали гораздо лучшими и большими знаниями о монашестве, хотя и не могли выразить их в богословских категориях. Они на практике исполняли устав и заветы святых отцов — с точностью, с благоговением, со священным трепетом. И традиция не прерывалась. Поэтому все вышеизложенные великие отцы как будто никогда и не умирали, а были живы. Так я узнал, что Церковь ничего не утратила из богатства их наследия и достаточно, назвав себя их учениками, точно следовать традиции, чтобы сегодня получить те дары и харизмы, которые были у них.

Обратимся к двенадцати основополагающим началам монашеской жизни.

1. ИСТОЧНИК МОНАШЕСТВА – ЕВАНГЕЛИЕ И ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

Появившись почти одновременно в разных частях экумены в начале IV века, монашество не было случайным явлением. Хотя ему и предшествовали в течение веков различные аскетические движения, развитие институционального монашества стало откликом на насущную потребность Церкви, которая, освободившись от угрозы гонений, находилась в новых условиях и рисковала утратить тот запал евангельской проповеди, каким она жила во времена мученичества. Первые монахи, как мы видим из жизнеописаний Антония Великого, Пахомия Великого и других, имели в качестве отправной точки стремление подражать своей жизнью апостольской общине в Иерусалиме, где «было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но всё у них было общее» (Деян. 4:32). Никогда истинное православное монашество не противопоставляло себя Церкви как иерархии, Церкви организованной.

Старец Емилиан (Вафидис) учил нас, что монашеская жизнь – это жизнь соборная, поскольку она берет свое начало от Церкви, утверждена в Церкви, и, собственно, жизнь Церкви – это и есть жизнь монашества. Таким образом, общежительный монастырь представляет собой место, куда сходятся единодушные и единомышленные верующие, поставившие целью своей жизни осуществление евангельских заповедей.

2. ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Полным самоотвержением, посвящением себя делу Божьему монахи подражают ангелам. Поэтому монашескую жизнь многие святые отцы называют «Таинством восьмого века».

В то время как мир движется к разложению и смерти, монастыри остаются оплотом, который противостоит волнам современного обмирщения, и, как говорится в каноне Святой Пасхи, призывают «иного жития вечного начала». Это обращение к иной жизни, превышающей законы падшего мира. Монашество есть нечто, что миру «слухом не услышать и очами не увидеть», и оно должно оставаться таковым и противостоять различным угрожающим ему тенденциям, чтобы соответствовать своей миссии. Гарантией выполнения этой миссии и служит постоянство и абсолютное самоотречение, какие мы видим у монахов, что подчеркивают великие отцы, называя монашеское посвящение вечным браком. С другой стороны, святые отцы говорят о важности

сохранения основ устроения, на которых зиждется жизнь в монастыре. Как святой жертвенник храма утверждается во веки и остается непоколебимым, монастырь тем более должен оставаться непоколебимым в своем предназначении.

3. НЕПРЕСТАННОЕ СОБРАНИЕ В ЦЕРКВИ

Как свидетельствует один из первых текстов, описывающих жизнь подвижников в Египте, монашеская жизнь есть «ожидание Бога в песнопениях». Монастырь в первую очередь есть место присутствия Бога. Регулярные молитвы и суточный круг богослужений уподобляются непрестанному славословию ангелов и святых у подножия Престола Божия, и в соответствии со своей верой и подвигом каждый монах приобретает опыт славословия Бога – не для того, чтобы уладить себя самого, но во имя всей Церкви.

Собранные «сего ради» в соборном храме, монахи ощущают себя внутри храма, как в родном доме, и чувствуют это небесное вечное измерение. Сознание Таинства, которое монах проживает ежедневно, по прошествии лет приводит к тому, что монашеский подвиг становится как бы его внутренней сущностью.

4. МОНАШЕСТВО И УСТРОЙСТВО ЦЕРКВИ

Развитие монашества шло параллельно с развитием Церкви, и процесс этот долго был автономным, поскольку на протяжении столетий монахи причислялись к мирянам, не считались частью клира. Их дела рассматривались гражданским законодательством.

Такое самоуправление монашества сохранялось до тех пор, пока в IV веке не возникла необходимость в закладывании каких-то принципов, потому что аскетическое движение вызывало большое воодушевление, однако в нем уже зародились предпосылки для различных искажений. Это стало делом святых отцов, в особенности святителя Василия Великого, который, вместе со всем своим семейством, был воодушевлен монашеским путем благодаря примеру Евстафия Севастийского – его пламенным проповедям и подвижнической жизни. После некоторого времени, проведенного в уединенных подвигах, святой Василий удалился в Понтийскую область и там приступил к написанию неких канонов, которые, с одной стороны, были правилами юридическими, а с другой – соответствовали евангельскому принципу, то есть могли быть применяемы при основании монастырей, согласно духу учения Евстафия

Взаимное служение братий является деятельным возрастанием в любви, которая выражается в деликатном отношении друг к другу. В каждодневном общении монахи должны прилагать все усилия к тому, чтобы ни в чем не задеть, не ущемить других братьев. Мерилом истинного братства старец Емилиан полагал любовь между братиями. Сердце каждого должно быть «открытым, исполненным простоты, искренности и сочувствия». Это взаимоуважение выражается и в избегании любых конфликтов

Севастийского (поскольку в то время, как уже было сказано, начались не вполне церковные харизматические движения, к примеру, ересь мессалиан).

Отношения монашества и церковной иерархии и далее в истории будут иметь избирательный характер, держаться в рамках плодотворного диалога, который препятствовал Церкви впасть в обмирщение, а монашеству дал богословское и каноническое обоснование, обеспечивавшее его существование во все времена.

При этом надо заметить, что почти всегда основание больших общежительных монастырей являлось следствием духовной деятельности какого-либо подвижника. Ученики собирались вокруг старца-отшельника и, несмотря на желание оставаться наедине с одним лишь Богом, он, следуя воле Божией, основывал монашеское братство на началах общежития. Мы видим это и у преподобного Пахомия.

5. Монашеское братство

Монастыри очень рано стали именоваться «братствами». Этим показывалось, что монахи, отринувшие любые родственные связи, между собой считаются

братьями. Во многих святоотеческих текстах их называют просто «христианами», которые имеют всё общее «брашна, питие и одежду» и место жительства. «Для всех членов (братства) общий Бог, общее дело спасения, общее всё».

Общность выражается, прежде всего, через единомыслие: «Одно мнение, одна воля, равно как и борение, и единомыслие во всем». Там, где есть место самомнению и своеволию, будут тесноты и огорчения, и монахи не смогут зреТЬ горня — учит нас старец Емилиан, который всегда придавал этому принципу огромное значение для выживания монастыря.

Разумеется, временами Церковь мирилась с существованием идиоритмических или особножительных монастырей, но это было вызвано тяжелыми историческими обстоятельствами и всегда происходило ради икономии с осознанием, что такая форма монашества не соответствует традиции.

6. Преимущества общежития

Помимо богословского и экклезиологического аспектов, общежительная форма монашества дает братии

**Если наставление совершается
правильно, то в монастыре не понадо-
бятся ни насаждение строгой
дисциплины, ни многочисленные
замечания. Монахи, полностью
осознавая свою ответственность
перед Богом и старцем, с готовностью
будут исполнять послушания,
нацеленные, в том числе, на
слаженную работу всего братства как
единого организма. Исполняющие
послушание будут чувствовать,
что не просто выполняют некую
работу, а священодействуют, упраж-
няя при этом и свое тело, и свой разум**

возможность на практике реализовать евангельскую заповедь любви.

Живущие в общежитии могут достичь совершенства учит преподобный Пахомий. В наше время старец Ефрем Катунакский любил повторять: «Я шестьдесят лет прожил в пустыне Святой Горы, но верю только в истинность общежития!»

Другим преимуществом общежития является то, что братия могут приносить свои таланты и дарования в помощь друг другу — и таким образом строится единое братство. Братия друг другу помогают, друг друга опекают с тем, чтобы братство существовало как единое тело, поскольку в едином теле наиболее удобно исполнение заповедей Христовых. Замечательно пишет об этом преподобный Макарий: «Пользу имеют братия, когда все творят между собою в любви и радости... Ни молящийся не осуждает работающего за то, что он не молится, ни работающий не осуждает молящегося, что тот оставил его в трудах, ни служащий не осуждает того, кто не служит ему».

Взаимное служение братий является деятельным возрастанием в любви, которая выражается в деликатном отношении друг к другу. В каждоднев-

ном общении монахи должны прилагать все усилия к тому, чтобы ни в чем не задеть, не ущемить других братьев. Мерилом истинного братства старец Емилиан полагал любовь между братиями. Сердце каждого должно быть «открытым, исполненным простоты, искренности и сочувствия». Это взаимоуважение выражается и в избегании любых конфликтов.

Обычно в монастырских Уставах и отеческих поучениях подчеркивается уважение к инакости и особенностям других людей и запрещается делать замечания или давать советы другим братьям, причем этот запрет распространяется на всех братьев, кроме монахов, поставленных на особое послушание. Таким образом, в духе единения и соработничества монахи могут сделать свой общий образ жизни основой для непрерывного продвижения каждого из них к Богу.

7. СТАРЕЦ

Главной движущей силой этого служит старец, занимающий в братстве место Христа в лице Апостолов. Он является здимым и во всем подобным им собратом, но стоящим на месте Бога, по тому же образу и подобию, что и епископ в поместной Церкви. И даже

более действенным и непосредственным образом, поскольку старцу вверяется полная ответственность за души находящихся у него в послушании. Старец делается последней инстанцией, критерием, мерилом и глубиной каждого монаха, чтобы ему самому достичь свободы, славы детей Божиих.

С начала становления монашества сделаться монахом означало следовать за кем-либо, кто своей жизнью уже воплотил евангельский идеал и удостоился от Господа дара водительства душ.

«По избрании же и утверждении игумена хочу и желаю, чтобы он имел всякую власть и господство во всех делаах духовных и телесных, не останавливаемый и не препятствуемый никем», — пишет преподобный Афанасий Афонский. Именно это мы встречаем в житиях большинства ктиторов — основателей общежительных обителей. Даже когда монастыри после кончины ктитора и его святых преемников приобретали совершенную, законченную форму, место игумена продолжало иметь харизматичный характер, то есть многое зависело от личности игумена общежития. Поэтому-то ктиторы так заботились о том, чтобы найти достойного преемника. Иной раз не находили, и тогда им приходилось прибегать к составлению духовного завещания, которое бы заменило на некоторое время отсутствие преемника. (Так, например, поступили прп. Феодор Студит, преподобный Афанасий Афонский и некоторые другие).

«Благословение старца — это всепроникающая сила, на которой держится общежительный монастырь. Она отсекает личную волю, управляет разум, дает правильное суждение о Боге и обеспечивает единство», — говорит архимандрит Емилиан.

Личный пример старца должен вдохновлять монахов следовать за ним, не теряя при этом своей индивидуальности и не притворяясь.

8. ПОУЧЕНИЕ, «СЛУЖЕНИЕ СЛОВА»

Главнейшая роль духовного отца состоит в «служении слова» — говорит ли он при всех во время регулярных наставлений братии или в личных беседах с находящимися у него в послушании. Его служение слова не должно ограничиваться только принятием исповеди. Игумен, по выражению старца Емилиана, является «смазчиком души» каждого своего послушника. Общие наставления — обязательны, хотя, к сожалению, часто ими пренебрегают даже на Святой Горе. Старец Емилиан говорил, что монастыри, не

имеющие живого наставления в вере, соблюдающие лишь формальную сторону монастырского Устава, осуждены на духовное угасание и гибель.

Однако при этом наставление не должно быть чисто теоретическим и интеллектуальным. Оно направлено не на передачу знаний, которые братья могут почерпнуть и без старца, а на то, чтобы взрастить в сердцах монахов божественное воодушевление, разжечь в них ту первую любовь, которая подвигла их оставить всё в мире и прийти в монастырь. Смысл наставления еще и в том, чтобы не допускать нарушения канонов, но не просто перечисляя запреты, а объясняя их смысл. Наставление должно являться плодом постоянной и напряженной молитвы старца.

9. ПОСЛУШАНИЕ И СВОБОДА

Если наставление совершается правильно, то в монастыре не понадобятся ни насаждение строгой дисциплины, ни многочисленные замечания. Монахи, полностью осознавая свою ответственность перед Богом и старцем, с готовностью будут исполнять послушания, нацеленные, в том числе, на слаженную работу всего братства как единого организма. Исполняющие послушание будут чувствовать, что не просто выполняют некую работу, а священнодействуют, упражняя при этом свое тело, и свой разум.

Безропотное послушание старцу и всем братям, отвечающим за отдельные дела, служит доказательством того, что монах общается в духе братства и не принимает никаких других помыслов, которые могли бы однажды привести к его уходу из монастыря. Это делание способствует любви и единению братии и придает, по словам старца Емилиана, «возвышение и радость сердцу». Монах искренне радуется своему деланию, зная при этом, что его вклад в общее дело, совершаемый им ради братства, является в то же время частью его жизни.

Однако наиболее существенным и действенным делом, совершаемым монахом как в общежитии, так и в пустыне, остается молитва и непрестанное взыскание Бога.

10. БОГОСЛУЖЕНИЕ И ТАИНСТВА ЦЕРКВИ

Будучи «собранием Церкви», монастырь естественным образом представляет собой, прежде всего, литургическое, богослужебное собрание, в котором, как было сказано выше, славословие Бога должно быть непрестанным, по примеру Небесных Сил.

Некоторые монахи старались буквально исполнить заповедь «непрестанно молиться» (1 Фес. 5; 17). Например, преподобный Александр из обители Неусыпающих, разделивший братство из трехсот учеников на четыре сонма, которые служили 24 чинопоследования, а между ними читали Неусыпаемую Псалтирь в храме. К слову, я знаю, что чтение Неусыпаемой Псалтири совершается сегодня во многих русских монастырях.

В других местах не требовалось столь точного следования этой традиции, и за основу был взят Устав лавры преподобного Саввы Освященного – это происходило как на Святой Горе, так и в большинстве других монастырей.

Богослужение является для монахов средоточием жизни, поскольку там они находят осуществление своих надежд и общение в Таинстве Тела и Крови Господа. Богослужебная жизнь имеет органическую связь со всей жизнью братии. На нее должна отводиться значительная часть времени в распорядке монастыря, но в разумных пределах, чтобы она не препятствовала исполнению других необходимых служений (в том числе послушаний, которые выполняются, по возможности, в промежутках между основными богослужениями суточного круга).

Совершение богослужений должно быть сообразовано с внутренним уставом той или иной обители, но с учетом возможностей братии и ее первостепенных потребностей. При этом не должно нарушаться единство и духовное возрастание самих братий. Надо признать, что этот тонкий вопрос касается многих монастырей, где существует опасность впасть в некий богослужебный формализм, который со временем умерщвляет духовный порыв братии к совершению богослужений.

11. ПРЕИМУЩЕСТВО НОЧНОЙ КЕЛЕЙНОЙ МОЛИТВЫ

Все устройство общежительного монастыря должно быть нацелено на то, чтобы братия ежедневно подпитывалась келейной молитвой.

Келья является местом непосредственной встречи монаха с Богом. Его персональный подвиг протекает главным образом ночью, в течение довольно продолжительного времени, так что у каждого из братьев есть возможность в ночной молитве прочувствовать и осознать, в каком состоянии находится его душа и духовная жизнь.

Монах не должен ограничиваться назначенным ему игуменом молитвенным правилом, представляющим собой лишь минимальную обязанность по отношению к Богу. Вочные часы монах должен заниматься либо умно-сердечной молитвой; либо прилежным изучением Священного Писания и аскетических текстов; либо, через совершение поклонов или другие телесные подвиги, выражать свою радость и жажду встречи с невидимым Богом, как если бы он предстоял Богу воочию. Тогда в безмолвии молитвы он может исследовать совесть, сражаться с помыслами, выказывать героизм в борьбе с небрежением и рассеянностью и всматриваться в открывающиеся глубины своего сердца.

Поэтому в конце ночи, когда приходит время иди в храм сослужить и петь псалмы вместе с братьями, монах спешит туда уже с нетерпением, в предвкушении опыта братского общения и уверенности, что в монастыре ни один день не похож на другой. Каждый день дает ему повод для новых впечатлений и позволяет сделать шаг вперед на пути, ведущем на небеса. И тогда монах перестает беспокоиться, даже если провел минувшую ночь в некотором небрежении, в сонном или бесчувственном состоянии, потому что он знает, что посвящает настоящее «доброй борьбе в вере», трофеи которой будут принесены за него на горнем жертвеннике.

Наконец, последним безошибочным критерием, по которому можно понять, правильно ли монах направляет свою духовную жизнь к Богу, служит радость, которая должна наполнять его сердце, несмотря на трудности, с какими он неизбежно сталкивается, живя в монастыре. Радость, которая заставляет его восклицать, подражая псалмопевцу Давиду: «Как хорошо и как приятно жить братям вместе!» (Пс. 132; 1).

12. ИСИХИЯ, ИЛИ СВЯЩЕННОБЕЗМОЛВИЕ, В ОБЩЕЖИТЕЛЬНОМ МОНАСТЫРЕ

Когда общежительный монастырь устроен таким образом, что оставляет возможность для обустройства личной келейной жизни братьев, каждый день становится поводом для нового духовного подвига. Это подобно огненному кольцу, где, по словам Псалмопевца, «день дню передает речь, и ночь ночи открывает знание» (Пс. 18:3). В этой органической связи общежительного сосуществования братии наряду с подвигами в священномолвии и молитве и со-

БЕЗОШИБОЧНЫМ КРИТЕРИЕМ, ПО КОТОРОМУ МОЖНО ПОНЯТЬ, ПРАВИЛЬНО ЛИ МОНАХ НАПРАВЛЯЕТ СВОЮ ДУХОВНУЮ ЖИЗНЬ К БОГУ, СЛУЖИТ РАДОСТЬ, КОТОРАЯ ДОЛЖНА НАПОЛНЯТЬ ЕГО СЕРДЦЕ, НЕСМОТРЯ НА ТРУДНОСТИ, С КАКИМИ ОН НЕИЗБЕЖНО СТАЛКИВАЕТСЯ, ЖИВЯ В МОНАСТЫРЕ. РАДОСТЬ, КОТОРАЯ ЗАСТАВЛЯЕТ ЕГО ВОСКЛИЦАТЬ, ПОДРАЖАЯ ПСАЛМОПЕВЦУ ДАВИДУ: «КАК ХОРОШО И КАК ПРИЯТНО ЖИТЬ БРАТЬЯМ ВМЕСТЕ!» (Пс. 132: 1)

крыт ключ к учению всех святых отцов, рассматривавших монастырь как арену духовной браны и отправную точку для непрерывного движения вперед к «Царству будущего века».

К сожалению, нередко в истории монашества та или иная духовная составляющая оказывалась в некотором небрежении. До недавнего времени (даже на Святой Горе Афон) монахи, воспылавшие жаждой взращивания умного делания, были вынуждены выходить из общежительных монастырей в скиты или в кельи, где богослужебная жизнь и труды не столь обильны и тяжелы, чтобы оставалось время для занятия умной молитвой. Но этот способ чреват другими трудностями: он лишает монаха испытаний со стороны других братьев, которых необходимо потерпеть прямо по изречению святых отцов: «молитва возносит, а братия испытывают».

Слава Богу, с возрождением монашеской жизни на Святой Горе, основанной, главным образом, на учении отцов Добротолюбия и на примере великих современных подвижников-исихастов, а также на прочих формах подвижничества, может претворяться в жизнь синтез общежительной жизни и возрастания отдельных подвижников в духовной жизни во Христе. Думается, это вполне отвечает духу древних великих отцов основателей общежительного монашества.

Старец Емилиан дал следующее определение общежительному монашескому жительству:

— Что есть монастырь? Это шатер Бога, населенный человеками. Это жизнь и «жительство», где все уготовано Богом для осуществления брака Господа и человека. Это лаборатория, где созданы специально подобранные и веками просчитанные условия, а устремления направлены не на что-то, чего мы желаем, но на Самого Желаемого, на того Бога, что сходит в мир и живет прямо в человеческих сосудах, в каждом из нас.

Монахи, как и все люди, имеют свои слабости, ведут свою борьбу, духовную брань, имеют взлеты и падения. Но они никогда не останавливаются на достигнутом, напротив, сегодня своими трудами приобщаются к мученикам, а завтра, даст Бог, воссядут со всеми святыми.

В чем же состоит совершенство киновийного жительства? В его организации? Разумеется, нет. В идеальных отношениях между братьями? Нет, конечно: они никогда не были и не будут совершенными. Так в чем же? Только в личном открытии каждого монаха, вне зависимости от внешних условий, которым он подчинен, — в том, что он открывает для себя заветные слова «Царство Божие внутри вас есть». И когда в его сердце зазвучит голос: «Авва Отче». Чтобы это свершилось и чтобы монах удостоился блаженства Господа, ему нужно многое принять и претерпеть, как говорится в чинопоследовании пострига, во Имя Христово.

Тогда и само общежитие, и жизнь в монастыре станут Небесами, будут восприниматься как дар, рай, как «общение жизни совершенное».

Игумения Феоксения,
настоятельница монастыря
Хрисопиги, о. Крит

Игумения как духовная мать

Своими корнями монашеский образ жизни уходит в апостольский период. И в особенности общежительное монашество действовало и действует в соответствии с апостольской заповедью иметь все общее. Пусть у монахов разнятся дарования, но есть общность аскетического подвига и эсхатологического устремления, то есть чаяния встречи с воскресшим Христом, которое опытно переживали христиане ранней Церкви

В монашеской жизни, близкой к образу жизни первохристианских времен, преобладающая роль отводится личности духовного отца, а в женских общежительных монастырях – весьма часто и личности игумении, матери, аммы. Она подвизается вместе с сестрами, несет крест каждой сестры и поддерживает ее с любовью и материнской заботой на пути христианского спасения.

История женского монашества уходит в первую половину IV века, когда в Египте с одной стороны реки Нила был мужской монастырь преподобного Пахомия, а напротив находилась женская обитель, где игуменией была его родная сестра – Мария. Также и родная сестра святителя Василия Великого Макрина управляла общежитием. Широко известны имена святых пре-

подобных подвижниц Феодоры, Синклитикии, Сарры и множества других.

Закононадатель общежительного монашества святой Василий Великий в своих «Подвижнических уставах», основополагающем творении для православного общежительного монашества, подчеркивает, что общежитие существует не только для мужчин, но и для женщин. Он упоминает об игумении как о лице, которому оказывается полное доверие и признание. Смотря на игумению, всё сестринство видит в ней истинную мать истинных чад. Амма, игумения, старица — это лицо, которое обладает неограниченной любовью ко всем, благодаря своей способности наставлять, снисходить и вразумлять, а также, что существенно, благодаря своей зрелости и опыта.

В общежительном монастыре, который живет согласно евангельским заповедям, святоотеческому преданию и священным канонам, решения игумении выражают собой сознание всего сестринства. Присутствие настоятельницы устраниет своеование и хранит единодушие сестринства. По словам святителя Григория Нисского, она — союз единодушия, свет руководимых ко спасению душ.

Игумения отвечает за руководство всем монастырем и берет на себя все попечения о нем. Но это не означает, что она перестает непосредственно общаться с каждой монахиней, ободрять и утешать каждую из сестер. Эта духовная связь, если она глубока, истинна и согласуется с волей Божией, продолжается и в будущей жизни. Жизнь в киновии представляет собой соединение лиц во единое тело. Разные сестры при помощи духовного руководства своей игумении идут вместе и подвизаются ради того, чтобы достичь Царства Небесного. Согласно святому Василию, столь разные люди, собранные в монастыре, становятся как бы одной душой и одним мнением при множестве тел.

В монашеском общежитии игумения — первейшая невеста, как называет ее Феодор Студит, — своим опытом, словом и самим своим положением показывает пример жизни для вверенных ей сестер. Сама игумения своей преданностью Богу уподобляется Пресвятой Богородице. Эта преданность выражается в первую очередь в известных словах Пречистой Девы Марии: «Се, раба Господня; да будет Мне по слову твоему» (Лк. 1, 38). Игумения призвана стать образцом для своих сестер в следовании по пути спасения и научить их основным монашеским добродетелям.

Конкретнее, она призвана научить своих сестер послушанию, этой основе монашества и тайне духовной жизни, как говорил преподобный Порфирий. Послушание может быть смыслом жизни тогда, когда человек преодолевает свою собственную волю не насилино, но свободно, стремясь уже здесь вкусить жизнь Царства Небесного. В таком случае отсечение самоволия и умерщвление собственной воли становится по сущности даром любви к Господу и монашеская жизнь предстает как истинное предание себя Богу.

Игумения также призвана стать примером девственного образа жизни. Это вседневное шествие за Женихом Христом, которое, согласно святому Мефодию Олимпийскому, ведет к святости тела и духа. Как замечает святитель Иоанн Златоуст, монахиня должна настолько сиять чистотой и святостью, чтобы одно ее появление среди людей поражало так, как поражает явление ангела. Игумения ободряет и наставляет сестру ради того, чтобы она достигла чистоты, но это ни в коем случае не бывает насилием, порабощением душевных сил. Напротив, это преодоление земных страстей, радостопечаль, приближение к девственному ликованию святых.

Обет нестяжания должен исполняться в общежитии без принуждения и насилия. Напротив, нестяжание должно быть свободным выбором. Это отречение от пристрастия к чему-либо земному и любовь к добровольной нищете, собирающей богатство на небесах.

В духовной борьбе, которую ведет сестринство, игумения лично берет на себя крест, чтобы нести немощи и недостатки каждой души и при помощи благодати Божией разрешать трудности и исцелять душевые недуги. Чтобы этого достичь, игумения должна завоевывать духовную любовь сестер к себе, вразумлять их с любовью и терпеть их немощи, как Бог терпит всех нас.

Святой Пахомий, устроитель общежительного монашества, советовал игуменам, чтобы они несли свой крест с более благим расположением, чем прощие. Святитель Василий Великий отмечает, что настоятельница монастыря не должна искать только того, что приятно сестрам, и не должна покоряться их желаниям, чтобы завоевать их расположение. Она даст ответ за все непозволительные ошибки в монастыре. Святитель Василий считает, что для игумении исцеление немощей сестер и служение сестринству — это предлог не к превозношению, но, скорее, к смирению, скорби и борьбе.

Святитель Василий Великий отмечал, что настоятельница монастыря не должна искать только того, что приятно сестрам, и не должна покоряться их желаниям, чтобы завоевать их расположение. Она даст ответ за все непозволительные ошибки в монастыре. Святитель считал, что для игумении исцеление немощей сестер и служение сестринству – это предлог не к превозношению, но, скорее, к смиреннию, скорби и борьбе

Действительно, для того, чтобы общаться с сестрами и наставлять их, требуется большая рассудительность. Исцеляющее вмешательство в душу человека – это дар, которыйается по благодати Божией и по молитвам сестринства. Но этот дар также основывается и на личном неустанном подвиге, смирении и самоукорении игумении и на ее сознании, что сестринство страдает и от ее собственных недостатков.

Духовная мать должна найти или создать «мотики» между членами сестринства, чтобы устраниить причины, которые держат их души на расстоянии, и привести сестер к взаимопониманию, единству и согласию во Христе. В том случае, когда в сестринстве есть такое единодушие, его монашеская жизнь достигает полноты.

Высшее дело и призвание игумении – это передать сестринству дыхание вечности. Она вдохновляет сестринство и душу каждой сестры ежедневно предвкушать Царство Небесное, переживать это через совместное шествие и постоянное ощущение духовного родства членов сестринства. Их связывает между собой нерасторжимыми узами любовь к Жениху Христу. Это ощущение придает смысл и эсхатологические размеры и богослужению, которое является основой нашей жизни. Тем самым исключается возможность того, что совершение богослужебного круга превратится в повседневную обязанность. Это же чувство должно сопровождать и духовное чтение Священного Писания, которое может стать неисчерпаемым источником радости, веселия и божественного воодушевления.

Святой Нектарий, который основал женский монастырь святой Троицы на Эгине и был его духовником, подчеркивает, что настоятельница монастыря живет не для себя, но для сестринства, а живя для сестринства – живет для Бога. И Бог принимает такую жизнь, которая предполагает отречение от себя и умерщвление всякого личного желания, как добровольную жертву.

Святитель Нектарий называет игумению духовной матерью сестер, ответственной за благочиние общежития, и советует монахиням открывать помыслы матушке, даже если эти помыслы оскорбительны или вызывают отчаяние, а игумению он призывает принимать сестер с любовью, чтобы искушения были побеждены. Он учит монахиню, в душе которой вошли помыслы неприязни к игумении, что ее состояние вызвано влиянием демона, скрывающегося в ее душе, чтобы уничтожить благодарность сестры к игумении, которая трудится ради ее же спасения. А самой матушке-настоятельнице святитель советует так: «Ты должна знать, что, когда ты духовно здорова, тогда здоровы и твои сестры, даже если они терпят что-либо; а если ты страдаешь, то страдают даже твои здоровые сестры. Знай, что твое благодушие просветляет лица сестер и превращает монастырь в рай; от тебя зависит радость сестер, и ты обязана заботиться о том, чтобы радость всегда была в их сердцах. Делай это всегда, даже если тебе придется понуждать себя».

Преподобный Феодор Студит в одном из своих писем к игумении Евфросинии, отмечает: «Дорогая

**УЧИ И УЧИСЬ, ПРОСВЕЩАЙ И ПРОСВЕЩАЙСЯ, РУКОВОДИ И
САМА ШЕСТВУЙ ЭТИМ ПУТЕМ, НАПРАВЛЯЙ К БОГУ И НАПРАВ-
ЛЯЙСЯ К НЕМУ САМА. С ДУШОЙ, ПОЛНОЙ ЛЮБВИ, ХРАНИ
СПЛОЧЕННОСТЬ СЕСТРИНСТВА, НАПРАВЛЯЯ СВОЮ БДИТЕЛЬ-
НОСТЬ К ТОМУ, ЧТО ВЕДЕТ К БОГУ**

Святой Феодор

моя, ты, у которой Жених – Христос, ты должна отдать даже свою душу только тому, чтобы заботиться о сестрах и не только об их душе, но и об их теле <...> Паству, которую вручил тебе Бог, паси свято, как мать духовная, а не как начальствующая по-человечески. Будь примером в том, что ты заповедуешь, и не требуй превышающего силы сестер».

Настоятельница, благодаря своему служению, упражнению в послушании, пониманию сестер, снисходительности к ним, постоянной борьбе за преодоление их страстей, преодолевает и собственные страсти и немощи. Поэтому святой Феодор побуждает: «Учи и учись, просвещай и просвещайся, руководи и сама шествуй этим путем, направляй к Богу и направляйся к Нему сама. С душой, полной любви, храни сплоченность сестринства, направляя свою бдительность к тому, что ведет к Богу».

Постоянно бодрствуя ради сплоченности сестринства и спасения душ, которые она приняла на себя, одновременно с этим настоятельница должна укреплять сестринство в основах православной веры и в том убеждении, что только истина дает свободу, а крайности и самоволие отделяют и отдаляют от спасения, потому что отторгают от Церкви. Духовная мать и руководительница призвана, как говорит святой Феодор Студит, питать невест Христовых чистым хлебом Православия, потому что единство с Православной Церковью – это путь общения с Богом, истинная жизнь, соединение со святыми, шествие к блаженной вечно-

сти. Монашеское общество может шествовать от земной жизни к вечности, если оно приобрело сознание, полностью тождественное с сознанием церковным, и если сестринство переживает тот факт, что в Церкви мы все – одно, как говорил об этом преподобный Порфирий. Тем самым освящение монашеского братства может способствовать общему во Христе преображению всего тела Церкви.

В рукописях первых веков говорится очень красноречиво: настоятель – это друг души. Так, ирландский святой Колумб, живший в VI веке, был наставником множества монахов и монахинь и всегда плакал вместе с кающимся братом. В том же ключе освящается роль настоятеля в Лествице преподобного Иоанна. Мы читаем там, что настоятель должен учить и исцелять кроткими и спокойными словами. Руководить сестрами со снисходительностью и любовью побуждает и святой Феодор. Он советует настоятельнице: «Заботься о том, чтобы пасти своих сестер, и руководи ими во Христе с долготерпением и любовью. Стремись к тому, чтобы они исполняли свои обязанности, но не принуждай их чрезмерно». Еще в одном письме он пишет: «Дели свою любовь равно между всеми сестрами, не отдавая предпочтения той или другой. Одну утешь, другую подбодри, третьей придай решимости и вообще каждой предложи то, что ей необходимо».

Старец Паисий Величковский в своем письме к игумении Марфе пишет: «Наставляй своих сестер на путь спасения. Укрепляясь помощью Божией, саму

**ЧТО БЫ ТЫ НИ ДЕЛАЛА, ДЕЛАЙ ИЗ ЛЮБВИ К НЕБЕСНОМУ ЖЕНИХУ, ИЗ БОЖЕСТВЕННОГО РАЧЕНИЯ,
А НЕ ТАК, ЧТОБЫ ДУМАТЬ ТОЛЬКО ОБ АДЕ.
МОНАШЕСТВО ДОЛЖНО БЫТЬ НЕ БЕГСТВОМ
ИЗ-ЗА ТОГО, ЧТО ЧЕЛОВЕК ГНУШАЕТСЯ МИРОМ,
НО БЕГСТВОМ ИЗ-ЗА БОЖЕСТВЕННОЙ ЛЮБВИ.
МОНАШЕСКАЯ ЖИЗНЬ – ЖИЗНЬ РАДОСТНАЯ**

преподобный старец Порфирий Кавказаливич

себя представляй им в образец всякого благого дела, благодаря прилежному исполнению заповедей евангельских, любви к Богу и ближнему, кротости и смиреннию с материнским к ним милосердием».

Известный и особенно любимый в Сербии преподобный старец Порфирий Кавказаливич духовно наставлял многие женские монастыри во многих православных странах. Он подчеркивал, что игумении нужно быть снисходительной, она должна чувствовать сердце каждой сестры и молиться за нее. Нужны определенные условия, чтобы душа игумении находилась в подобающем духовном расположении. Для того чтобы человек мог принимать ближних и руководить ими, выслушивать их помыслы, он должен сам быть святым, советовать, а не диктовать, быть кротким и любить ближних.

Старец Порфирий говорил, что в руководстве сестринством необходима рассудительность. Самым главным условием для сближения сестер с игуменией он считал доверие, так чтобы сестра чувствовала уверенность и защиту, открывала свои помыслы и погрешности и не боялась, что ее отвергнут. Он уверял, что, когда игумения чувствует настояще сострадание и боль из-за трудностей и борьбы сестер, тогда начинается стадия исцеления души. В этот момент начинается истинное делание, посредством которого, при благодати Божией, человек рождается духовно и устремляется к новым духовным горизонтам. Старец Порфирий говорил, что настоятельница призвана любить сестер

духовной любовью, не замечать их ошибок и вести их к свету и красоте рая. Он считал очень важной тайную молитву игумении за каждую сестру и говорил, что ее молитвы объединяют сестринство и приносят радость. Настоятельницам, которые огорчаются из-за ошибок своих сестер, старец советовал не говорить много в трудные минуты и моменты искушений, но призывать души к новой борьбе.

Относительно строгости в обхождении старец Порфирий был очень осторожен. Он говорил, что в монастыре может существовать строгий порядок, а монашеской жизни не будет. Он считал ошибочным всех равнять, применять непреклонную строгость, а не держаться индивидуального подхода к воспитанию в соответствии с личностью, характером, особенностями душевного состояния каждой сестры.

Конечно, старец Порфирий считал, что опыт послушания необходим для настоятельницы. Об этом он высказывался так: нужно самому пройти через послушание, чтобы быть в состоянии встать на место того, кто должен тебя слушаться.

Во всех ситуациях старец Порфирий подчеркивал, что радость и свобода дают человеку силу преуспевать на пути монашеской жизни. Чтобы человек в монастыре преуспевал, он должен подвизаться без насилия. Все с радостью, с готовностью, с удовольствием, а не по принуждению — говорил старец. Что бы ты ни делала, делай из любви к Небесному Жениху, из Божественного рачения, а не так, чтобы думать

только об аде. Монашество должно быть не бегством из-за того, что человек гнушается миром, но бегством из-за Божественной любви. Монашеская жизнь — жизнь радостная.

Преподобный старец Порфирий считал здоровье тела столь же важным, как и душевное равновесие. Разговаривая с монастырями по телефону или посещая их (когда ему позволяло здоровье), он часто советовал обращать внимание на влажность окружающей среды, заботился об отоплении келий, питании и здоровье сестер. Он считал полезным для монахинь гулять и двигаться и расстраивался, когда видел, что игумения не понимает, насколько это важно. При помощи данного ему от Бога дарования он видел, что перемена рукodelного послушания на занятие на свежем воздухе помогает сестрам быть более радостными и оптимистичными. Интересовался он и качеством питьевой воды в монастыре. Поэтому многим монастырям он давал совет, где выкопать источник, и говорил, что вода очень влияет на состояние желудка и здоровье человеческого организма в целом.

Хотелось бы упомянуть и о приснопамятной игумении Феосемнии, с которой Бог даровал мне счастье и благословение жить рядом. Матушка Феосемния основала сестринство Хрисопиги 35 лет назад, а почила она в 2000 году. Игумения Феосемния была не только духовным руководителем нашего монастыря, но и мудрой наставницей других монахов, монахинь и игумений. У матушки был дар от Бога, и она учila своей жизнью — поведением, улыбкой, примером. Она показывала, как нужно жить, как преуспевать, ее умиротворяющий взгляд успокаивал немирность любого, а миролюбивое слово целительно действовало на душу. Рядом с ней мы научились делить тяжесть послушаний, заботиться друг о друге, потому что и сама она вела себя таким же образом. Живым примером она учila, что единственный способ исцеления души — истинно осознать наше монашеское призвание, а это, в свою очередь, путь понимания немощей каждой сестры. У матушки был очень действенный способ обучать души, хотя по характеру она была молчаливой, склонной к безмолвию. Она управляла монастырем без суеты, у нее всегда находилось время побеседовать наедине с каждой сестрой. Одной она давала послушание собирать траву или чай в горах, другой показывала, как мастерить что-нибудь, третьей, не очень любящей трудиться, предлагала вместе с ней ходить в горы, как советовал старец Порфирий.

Любовь матушки Феосемнии к природе была славословием Богу за Его дары. Природу она ощущала как прикосновение к Божественной красоте. Она переживала то, о чем говорил старец: все кругом нас — это отпечаток Божией любви. Красота природы — это малая любовь, которая ведет к любви великой, ко Христу. Такое отношение к жизни матушка передала всему сестринству как урок ее личного совершенного делаия, так что сестры радовались, даже когда они несли тяжелые телесные труды на строительстве монастыря. В своих трудах матушка пребывала до смерти.

В настоящее время монахини, приходящие в наши монастыри, — это в основном лица с высоким уровнем культуры и образования, некоторые из них побывали во многих странах и изучили много научных дисциплин. Но эти сестры выбирают монашескую жизнь, потому что ищут Христа как Жениха. Уже 2000 лет в нашей Церкви существует духовный опыт, свидетельствующий, что для того, чтобы эти молодые сестры смогли с последовательностью идти по высокому, крестному монашескому пути, они нуждаются в атмосфере постоянного духовного воспитания, трезвения. Всякому повседневному делу должен быть придан духовный смысл.

Долг игумении — постоянно укреплять своих сестер, чтобы они хранили ревность и не боялись выбирать трудное, а не легкое, работу, а не отдых, жертвовали собой, а не предъявляли требования и настаивали на своих правах. Всегда сохраняется опасность, что иные монастыри усваивают дух обмирщения, а он может свести на нет монашеские качества, которые истинны только тогда, когда монах хранит верность обете креста и смерти.

Екатерина Орлова

«**Схиархимандрит Гавриил (Бунге): ужно любить оставаться в своей келье»»**

В России побывал схиархимандрит Гавриил (Бунге). Уже много лет отец Гавриил изучает труды отцов Церкви и является одним из ведущих исследователей творений Евагрия Понтийского (345–399). В 2010 году отец Гавриил принял Православие и теперь подвизается в Крестовоздвиженской пустыни близ г. Лугано (Швейцария). Его приезд в Россию связан с проходившей 11–12 декабря 2014 года в Национальном исследовательском ядерном университете МИФИ Второй международной патристической конференции на тему «Преподобный Симеон Новый Богослов и его духовное наследие». 11 декабря отец Гавриил участвовал в презентации трех своих книг, посвященных страстям уныния, гнева и чревоугодия. Презентация состоялась в Духовной семинарии Сретенского монастыря. Эти труды изначально были задуманы отцом Гавриилом как руководство в духовной борьбе со страстями для его послушника, ныне монаха, Рафаила и духовных чад. О книгах, уставе Крестовоздвиженского скита в Швейцарии и особенностях монашеской жизни после присоединения к Русской Православной Церкви он рассказал на презентации в Сретенском монастыре, а также ответил на вопросы ее участников.

Отец Гавриил, расскажите о своей научной деятельности. Как возник интерес к монашеству и любовь к святоотеческой литературе?

Святых отцов я открыл для себя еще в молодые годы. Это была середина прошлого века. В 50-е годы я ходил в школу. Тогда было совсем мало подобной литературы. Не было полного собрания сочинений древних отцов — были только маленькие выдержки, цитаты из Патерика, «Собеседований» прп. Иоанна Кассиана Римлянина; не было полного издания «Русского паломника» — только первые четыре рассказа из этого сборника; и я все собирал, искал, читал. А потом мне попалась замечательная книга Игоря Смолича «Жизнь и учение старцев. Путь к совершенной жизни». И у меня постепенно выстроился образ монаха, каким он мог быть в IV веке.

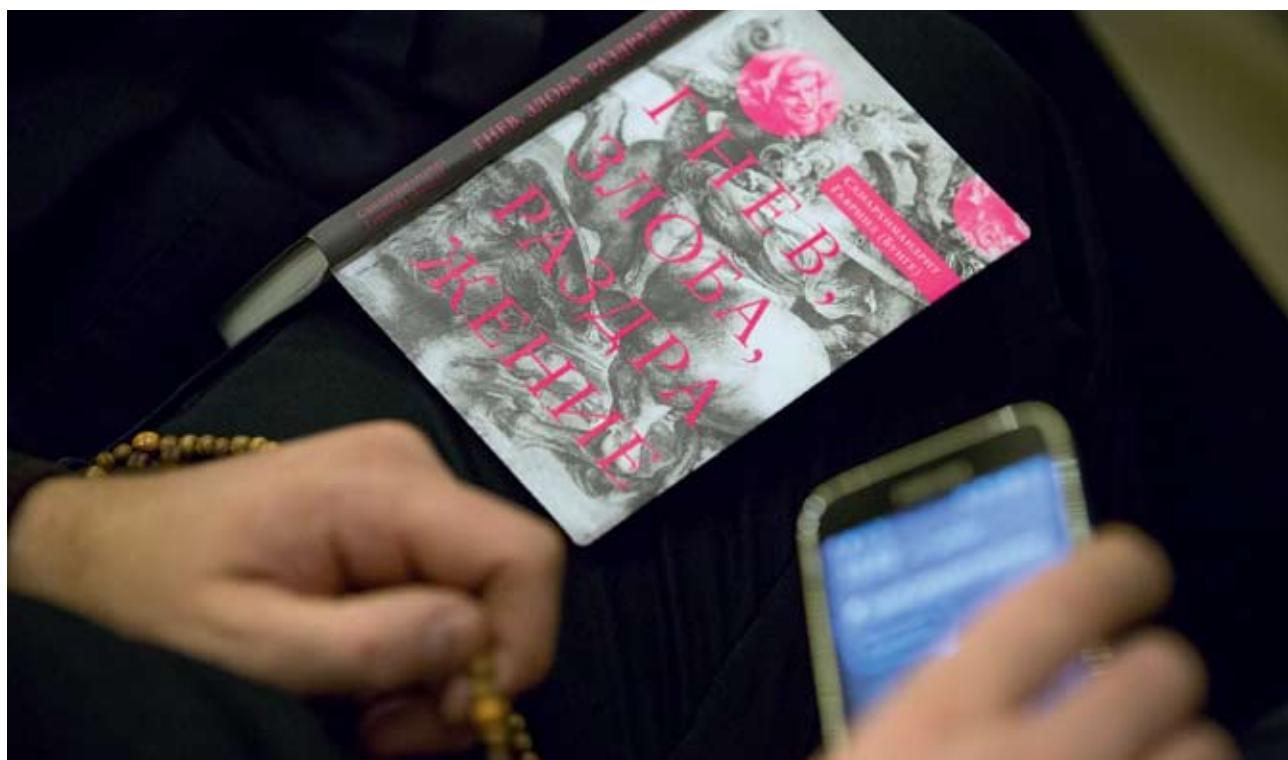
Следующий этап — опытный путь: побывал на Святой Горе Афон и встретил там архимандрита Серафима. Тогда я еще не знал, что это известный старец, духовник, но я увидел истинное лицо монаха. О таких я читал только в книгах. Это меня вдохновило изучать труды святых отцов и самому принять монашество. Восемнадцать лет я прожил в бенедиктинском монастыре, а в 1980 году поселился в пустыни, в лесу. Изучал

древние языки, затем переводил отеческие тексты, делал к ним комментарии, чтобы они стали доступны современным людям, интересующимся духовной жизнью. Ведь нас разделяет 1700 лет! И, конечно, мир очень изменился.

Есть еще вторая причина, почему появились эти книги. Через пять лет после моего поселения в скиту ко мне пришел молодой тессинец (житель южного кантона Тичино, Швейцария. — Peg.). Он стал монахом, и восемнадцать лет мы подвизались вместе. Я хотел передать ему те знания, которые нашел у Святых отцов. Можно сказать, что это опорный конспект, руководство в духовной жизни. Наверное, их не прочтешь за ночь, как художественную литературу. Эти книги структурированы, как учебник. Я бы советовал читать их с маркером или карандашом в руках, чтобы лучше усвоить важные вещи.

Что такое духовная брань? Различна ли она у монахов и мирян и какова цель аскетической борьбы?

Духовность необходима и мирянам, и монахам, так как у нас один Учитель — Иисус Христос. И у всех одна цель — быть со Христом. Так же, как и враги у нас тоже одни и те же. Демоны не принадлежат к каким-то от-

ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ Я ПРОЖИЛ В БЕНДЕКТИНСКОМ МОНАСТЫРЕ, А В 1980 ГОДУ ПОСЕЛИЛСЯ В ПУСТЫНИ, В ЛЕСУ. ИЗУЧАЛ ДРЕВНИЕ ЯЗЫКИ, ЗАТЕМ ПЕРЕВОДИЛ ОТЕЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ, ДЕЛАЛ К НИМ КОММЕНТАРИИ, ЧТОБЫ ОНИ СТАЛИ ДОСТУПНЫ СОВРЕМЕННЫМ ЛЮДЯМ, ИНТЕРЕСУЮЩИМСЯ ДУХОВНОЙ ЖИЗНЬЮ. ВЕДЬ НАС РАЗДЕЛЯЕТ 1700 ЛЕТ! И, КОНЧЕЧНО, МИР ОЧЕНЬ ИЗМЕНИЛСЯ *схиархимандрит Тихон (Булкин)*

дельным конфессиям. Но подлинную традицию можно найти только в Православной Церкви, потому что она передается от родителей детям. И задача духовенства — помогать людям глубоко изучать эту традицию, направлять тех, кто ею интересуется. Ведь 99% приходящих в монастыри исповедоваться, задать духовный вопрос — это миряне. Так что и средства борьбы с природой страстей для мирян и монахов одинаковые.

Ваш духовный путь начался в Римско-католической церкви. Как Вам представляется, много ли среди современных католиков — монашествующих и мирян — тех, кто пытается идти святоотеческим путем?

Многие ли разделяют Ваше отношение к Православию, одобряют ли Ваш выбор?

Это очень деликатный вопрос. В Католической Церкви я прожил 50 лет и могу сказать, что она неоднородна. Одна часть по своему мышлению близка к протестантам. С другой стороны, есть духовенство и монашествующие, миряне, кто интересуется Православной Церковью, кто питается от древних отеческих традиций. Ведь Святых отцов никто не отменял. Но люди не знают, как пользоваться инструментом живой традиции. Эти книги я писал, чтобы помочь католическим верующим вернуться на путь подлинного предания. Это возможно, если у них будет желание и интерес...

Конечно, сегодня образ монаха отличается от образа жизни пустынников: нет песка, жары, скудной пищи, одежда не так примитивна, но главное, что смысл остался прежним. Как сказал авва Моисей, «оставайся в своей келье, и келья всему тебя научит» схиархимандрит Гавриил (Бунге)

Когда я стал православным, то владыка Иларион (митрополит Волоколамский. — Ред.) сказал, что я всегда был православным, но важно иметь общение с православными в Таинствах. С тех пор как я стал православным, многие мои чада, которые у меня исповедуются, тоже приняли Православие. И все больше людей спрашивает меня о том, как стать православным. Даже священнослужители. Для них это очень тяжело, потому что возникает вопрос, как жить, содержать семью, если они выйдут из Католической Церкви. Молитесь за этих людей. Их много. И будет еще больше.

Расскажите о жизни скита. Какой у Вас распорядок, устав, принимаете ли Вы паломников?

Наш монастырь — это несколько домиков в лесу, в горах. Раньше здесь была конюшня. Если у Вас есть Интернет, то вы сможете увидеть наш скит с высоты птичьего полета.

Есть маленький садик. Мы находимся на высоте 800—900 метров. К нам нельзя добраться на машине — только пешком. Идти 10—15 минут по крутой горе вверх. И попасть без приглашения, наверное, будет тяжело, потому что все заперто на ключ. У нас есть телефон в трапезной, по которому нам звонят и оставляют сообщения на автоответчике, а потом я перезваниваю. Так мы общаемся с миром. Утро посвящено молитве, научным трудам, а во второй половине дня я работаю по хозяйству. У нас печное отопление, я сам заготавливаю дрова, работаю на огороде, встречаюсь с посетителями. Ведь это тоже часть моей работы. Предварительная договоренность по телефону позволяет уделить время каждому.

Многое изменилось после того, как я принял Православие. Вы знаете, монашество в Православной Церкви — это не что-то маргинальное: это сердце нашей Церкви. Мирыне относятся к монашествующим с большой любовью и участием. У меня намного больше стало визитеров, чем раньше. Они приезжают из Италии, Франции, из разных уголков Швейцарии по празд-

никам. Как правило, снимают номер в гостинице и посещают богослужения. Раньше такого не было. Сегодня я оказался менее одинок, чем раньше. Но на все воля Божья, и я принимаю эту волю такой, какая она есть.

В остальном наша жизнь не отличается от жизни обычных монахов. Мы много молимся, у нас нет постоянного общего богослужения, только литургия по воскресным дням и по праздникам. Служим вместе, потому что у меня уже не те силы, что раньше. У меня есть помощник. Молодой человек, украинец, студент консерватории, который учится в Лугано. Его нанял русский приход, чтобы он мне помогал. Он ездит за продуктами, а еще он поет на литургии, так что мне повезло, но вечером у него не получается заучить, и поэтому на вечернем богослужении у нас поют гости, которые умеют петь, даже женщины.

Сегодня моя жизнь с помощниками не так уж и сложна, но жить по-монашески очень трудно. Монаху надо много двигаться, работать. Мы привыкли к интернету, телефону, не представляем жизни без удобств. Для нас не должно существовать ничего внешнего. Нужно любить оставаться в своей келье. Конечно, сегодня образ монаха отличается от образа жизни пустынников: нет песка, жары, скудной пищи, одежда не так примитивна, но главное, что смысл остался прежним. Как сказал авва Моисей, «оставайся в своей келье, и келья всему тебя научит».

Как часто надо прибегать к Причастию? И как часто это получается у Вас?

Я хочу ответить словами святых отцов, вы все это можете найти в Лавсаике. Это лучшая, подлинная традиция. Так, святой Макарий пишет: «Настоящего смиренного монаха можно узнать по тому, что он регулярно и часто подходит ко Причастию». Таков перевод этой цитаты в греческом тексте: «очень часто». Ну, разумеется, подходить к этому надо с рассуждением, и явный признак прелести, если монах отказывается от Причастия, говоря, что у него нет необходимости

ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ ПОЧУВСТВОВАТЬ И ПРИЗНАТЬ, ЧТО ОН ТЕРЯЕТ ВЕРУ, КОГДА НАРУШЕНА ЦЕПОЧКА, КОГДА ОН НЕ ЗНАЕТ, КТО ПРЕДШЕСТВОВАЛ ЕМУ, И НАДЕЕТСЯ НА СЕБЯ В ТАКИЕ МОМЕНТЫ. ПОЭТОМУ МЫ ГОВОРИМ ОБ АПОСТОЛЬСКОМ УЧЕНИИ, О ТОМ, ЧТО НАША ЦЕРКОВЬ ЕДИНАЯ И АПОСТОЛЬСКАЯ И ЧТО ВАЖНО НЕ ТЕРЯТЬ ИНТЕРЕС К ИСТОРИИ схиархимандрит Гавриил (*Буне*)

мости в Причастии. Один мой хороший друг, епископ, занимается литургией, он как-то сказал, что в текстах литургии святого Василия Великого и святого Иоанна Златоуста нет упоминания о людях, которые не подходят к Причастию. Эти люди не предусмотрены. То есть, слова «дай нам и всем здесь присутствующим» означают «всем людям, которые остались, когда из храма вышли оглашенные».

Расскажите о значении молитвы.

У меня есть книга «Скудельные сосуды». Название ей дала цитата из апостола Павла о богатстве, которое содержится в скучельничих сосудах. Если этот сосуд

разобьется, то не будет и содержимого. Как с бутылкой вина. Разбейте ее — и вино все вытечет.

Книга появилась после того, как ко мне пришел будущий отец Рафаил. Тогда он ничем не отличался от современной молодежи и в голове его было столько безумных идей! Например, он собирался медитировать: сесть на пол со скрещенными ногами и молиться. Я сказал ему: «Послушай, если ты не будешь молиться как христианин, то ты никогда не узнаешь настоящей молитвы». «Это не важно как — стоять или сидеть», — ответил он. «Нет, это не все равно, — сказал я, — поскольку каждая религия создает для своего учения формы. Например, мусульмане, какова бы ни была ар-

хитектура здания, всегда молятся на Мекку; иудеи, когда были Иерусалимский Храм, обращались в его сторону; буддисты молятся вне направления. Христиане строят храмы алтарем к Востоку». Я стал рассказывать ему, что у отцов много говорится об элементах молитвы. Почему мы стоим, почему накладываем крестное знамение, делаем коленопреклоненные молитвы в определенное время и так далее?.. «В молитве, — говорит святой Климент Александрийский, — тело становится иконой души». То есть мы обращаемся к Богу, поскольку мы имеем лицо. Грешник стоит спиной к Богу; если он обращается, то оборачивается лицом к Богу. Соответственно, моя душа предстоит Богу, и поэтому я стою, а не сижу. К Нему я возношу свои руки... Мы называем Христа Солнцем Правды, но обращаемся не к солнцу, а к тому месту, где солнце восходит. Мне понадобился целый год, чтобы убедить новоиспеченного монаха Рафаила, чтобы он молился так. В конце концов, он признался, что как будто стена рухнула перед ним. И тогда он попросил, чтобы я записал все это на бумаге, потому что многие этого не знают. Книгу издали сначала на румынском, потом на французском, на немецком и русском языках. Но когда я писал, больше думал о тех бедных людях, которые живут на Западе и потеряли все это.

Отец Гавриил, расскажите, что такое вера? Как она начинает действовать в человеке и что делать, если ты теряешь веру?

Когда речь заходит о вере, надо отдавать себе отчет, что речь идет не о чем-то принадлежащем только тебе, то есть я и передо мной мой Бог. Давайте вспомним Первое Соборное Послание апостола Иоанна: «О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни, ибо жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам, — о том, что мы видели и слышали, возвещаем вам, чтобы и вы имели общение с нами: а наше общение — с Отцем и Сыном Его, Иисусом Христом» (1 Ин. 1 – 3).

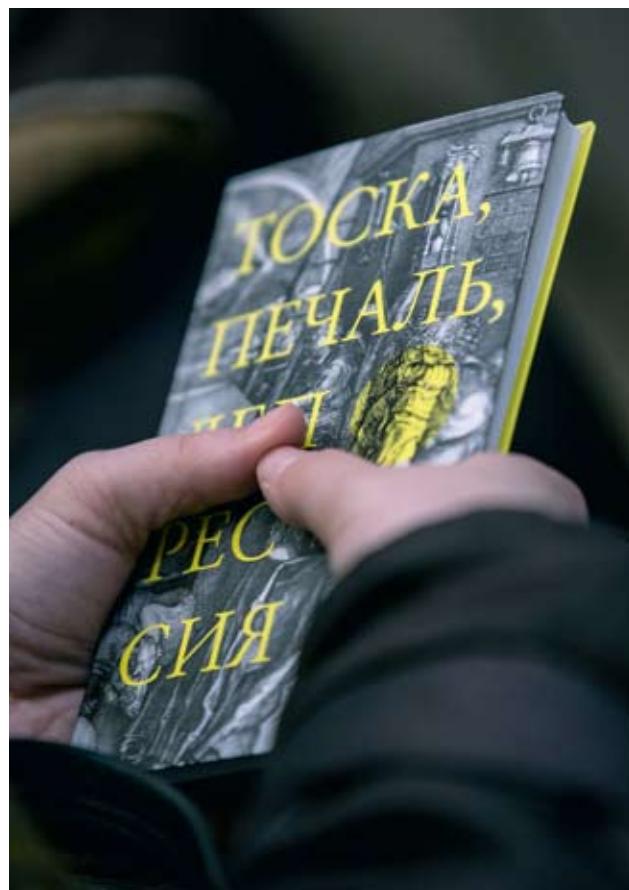
Это приобщение ко Христу, приобщение к апостольской Церкви, учению свидетелей тех эпох, которые были до нас. И поэтому Бог Отец достичим для нас только через Своего Сына — Христа. Апостольское учение делает для нас доступным Евангельские тексты и учение Христа, и так происходит из поколения в поколение. Человек может почувствовать и признать,

что он теряет веру, когда нарушен цепочка, когда он не знает, кто предшествовал ему, и надеется на себя в такие моменты. Поэтому мы говорим об апостольском учении, о том, что наша Церковь единая и апостольская и что важно не терять интерес к истории.

В России сотни тысяч мучеников, исповедников веры, и надо искать возможность приобщиться к их опыту. И вы это делаете. Отрадно, что вы не прячете свою веру. Всюду иконы, почитание святынь. Тот, кто исправно молится, никогда не потеряет веру.

Что бы Вы посоветовали читать монашествующим и тем, кто интересуется монашеской жизнью?

Надо читать базовые тексты: житие святого Антония Великого, Патерик, Лавсаик, письма святого Макария. Очень хорошо разобраться в этих текстах, чтобы понять дух произведений. Если вы поймете дух Святых отцов, то остальное станет намного легче. Как в теологии: если Вы сможете разобраться со Священным Писанием, будет доступна и наука о Боге.

СОЕДИНЕНІЕ ОРЛИСТОВАНИЯ ВЫСОКО-ПЕТВЕСКАГО МОНАСТЕРЯ.

«Зосимова пустынь»)) СРЕДИ ШУМНОЙ СТОЛИЦЫ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ВЫСОКО-ПЕТРОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Заходя с улицы Петровка в древний Высоко-Петровский монастырь, основанный святителем Петром Московским еще в XIV веке, видя старейший здесь храм святителя Петра, 500-летие которого мы отмечали в прошлом году, храмы эпохи Петра I – Боголюбской иконы Божией Матери, преподобного Сергия Радонежского и другие, мало кто задумывается, что, одни из самых славных страниц в истории обители были написаны в XX веке, а точнее – с 1923 по 1935-й годы

«Все здесь было не как у всех»

Сколько ни труден монашеский путь во дни церковного мира, много труднее он в годы, когда Церковь становится гонимой. Старцы говорили, что главное делание инока – молитва и никакие земные попечения не должны отвлекать монаха от этого делания. Сколько же возрастает духовный подвиг монаха, который во всей полноте совершает свой молитвенный труд в условиях, когда, кажется, весь мир со всеми своими невзгодами, бурями и войнами обрушивается на него. И не укроешься за монастырскими стенами – стены эти отбирают, оскверняют, разрушают; не припадешь со слезами к дорогим сердцу духов-

Вид Высоко-Петровского монастыря
с улицы Петровка.
Фото конца XIX века

ным наставникам — их убивают, сажают в тюрьмы, изматывают непосильным трудом в концлагерях; не уединишься для тихой молитвы, если совершаешь свой монашеский путь тайно, в миру, или сам находишься в тюрьме, где вокруг убийцы и воры, грязная брань и ненависть, стоны и хохот... Остается только Бог. «Один Бог да душа — вот монах», — сказал еще святитель Феофан Затворник. И тогда приходят в сердце и исходят из него, освещая путь многим ищущим духовного утешения, слова: «Слава Богу за все случившееся — это одно можем сказать! С Ним везде хорошо, и на Фаворе, и на Голгофе!»¹. Это строки письма из заключения к духовным чадам преподобномуученика Игнатия (Лебедева), одного из последних старцев Зосимовой пустыни и Высоко-Петровского монастыря.

Многие монастыри, закрывшиеся в годы безбожной власти, просияли именами святых новомучеников, но немногие сумели сохранить полнокровную монастырскую жизнь в суровых условиях тех лет. До нас дошли документы, а также воспоминания людей, бывших духовными чадами тех столпов Православия, которые стали преемниками старцев Оптиной и Зосимовой пустыней, сохранивших удивительный дух старчества вплоть до разгрома общины Высоко-Петровского монастыря в 1935 году.

В начале 1923 года большевиками была закрыта Свято-Смоленская Зосимова пустынь, и епископ Сергиевский Варфоломей (Ремов), незадолго до этого назначенный настоятелем храмов Высоко-Петровского монастыря (как монастырь обитель формально была закрыта еще в 1918 году, к 1923 году у верующих оставался только храм преподобного Сергия Радонежского, остальные были отняты), пригласил оставшуюся без крова братию Зосимовой пустыни — тех, кто сможет устроиться с жительством в столице — во вверенную ему обитель. Владыка Варфоломей был духовным чадом старцев-зосимовцев — последнего настоятеля Зосимовой пустыни схиигу-

мена Германа (Гомзина), а после его смерти — иеросхимонаха Алексия (Соловьева), ныне прославленных Православной Церковью².

Владыка Варфоломей был пострижен в Зосимовой пустыни в 1911 году и всю жизнь продолжал оставаться верным чадом зосимовских старцев. Он искренне любил все, что связано с православным богослужением, любил духовный труд и молитву. Вот что вспоминает о нем известный философ Алексей Федорович Лосев, который вместе с супругой изучал под руководством отца Варфоломея симитическую филологию: «Я наблюдал его на богослужении в Зосимовой пустыни. С 11 вечера до 7 утра в церкви: полунощница, утреня, литургия. У него были противники, которые говорили о нем разное. Но я видел его в пустом храме, и я видел, как он стоит на амвоне и отвечает поклоны — 300 поклонов, трехсотницу, или пятисотницу...»³.

10 августа 1921 года, в день празднования Смоленской иконы Божией Матери, Святейший Патриарх Тихон в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря совершил хиротонию отца Варфоломея во епископа Сергиевского, викария Московской епархии. Сергиевской кафедры прежде не было, поскольку Сергиев Посад не был городом. Владыка Варфоломей стал первым архиереем на вновь образованной кафедре. При рукоположении его во епископа и вручении архиерейского жезла Святейший Патриарх сказал ему: «Тебе Господь дал женское сердце. Сердце женское умеет сострадать, быть милостивым и брать на себя чужое горе... Твой путь — нести скорби народа Божия»⁴. Эти слова определили характер пастырского служения владыки, его жертвенность, его трепетную любовь к духовным детям.

Став настоятелем Высоко-Петровского монастыря в 1922 году, владыка сразу ввел здесь монастырский уклад по примеру Зосимовой пустыни. А через год пригласил сюда оставшихся без крова зосимовцев.

По благословению старца Алексия братия приняла приглашение владыки. Это стало началом новой

1. Схиархимандрит Игнатий (Лебедев). Письма из заключения старца Зосимовой пустыни и Высоко-Петровского монастыря. // Альфа и Омега, 1997, № 1 (12). С. 100.

2. Сам отец Герман был духовным сыном иеросхимонаха Александра (Стрыгина; †1878), старца Гефсиманского скита, который в свою очередь был учеником преподобного Леонида Оптинского. Таким образом, по линии духовного родства зосимовские иноски были прямыми потомками оптинских старцев.

3. Бибихин В. В. Из рассказов А. Ф. Лосева. // Вопросы философии, 1992, № 10.

4. Архиепископ Варфоломей (Ремов). «Мы владеем всерадостной тайной» // Альфа и Омега, 2000, № 1 (23). С. 89.

Храмъ Всехъ Святыхъ - видъ отъ воротъ.

МНОГИЕ МОНАСТЫРИ, ЗАКРЫВШИЕСЯ В ГОДЫ БЕЗБОЖНОЙ ВЛАСТИ, ПРОСИЯЛИ ИМЕНАМИ СВЯТЫХ НОВОМУЧЕНИКОВ, НО НЕМНОГИЕ СУМЕЛИ СОХРАНИТЬ ПОЛНОКРОВНУЮ МОНАСТЫРСКУЮ ЖИЗНЬ В СУРОВЫХ УСЛОВИЯХ ТЕХ ЛЕТ. ДО НАС ДОШЛИ ДОКУМЕНТЫ, А ТАКЖЕ ВОСПОМИНАНИЯ ЛЮДЕЙ, БЫВШИХ ДУХОВНЫМИ ЧАДАМИ ТЕХ СТОЛПОВ ПРАВОСЛАВИЯ, КОТОРЫЕ СТАЛИ ПРЕЕМНИКАМИ СТАРЦЕВ ОПТИНОЙ И ЗОСИМОВОЙ ПУСТЫНЕЙ, СОХРАНИВШИХ УДИВИТЕЛЬНЫЙ ДУХ СТАРЧЕСТВА ВПЛОТЬ ДО РАЗГРОМА ОБЩИНЫ ВЫСОКО-ПЕТРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ В 1935 ГОДУ

духовной жизни обители, в которую зосимовские иноски принесли уклад монастырской жизни своей пустыни, началом подпольного монастыря, главной задачей которого стало продолжение в условиях жесточайших гонений на Церковь настоящей аскетической традиции. Паstryрское окормление, исповедание помыслов учеником и его послушание старцу, воспитание смирения перед Богом и друг перед другом — эти основы монашества во что бы то ни стало стремились сохранить духовники. Шесть бывших зосимовцев: сам епископ Варфоломей, игумен Ми-

трофан (Тихонов), архимандрит Агафон, в схиме Игнатьй (Лебедев), архимандрит (тогда еще иеромонах) Никита (Курочкин), в то время еще не рукоположенные, но позже ставшие архимандритами — Зосима (Нилов) и Исидор (Скачков) — составили костяк монастыря, вокруг которого сформировалась тайная община. Позднее к ним присоединились их ученики — архимандрит Герман (Полянский), иеромонах Феодор (Богоявленский) и другие. Нередко приходили в монастырь и окормляли своих духовных чад, в том числе монахинь закрытого московского

Епископ Варфоломей

Игумен Митрофан
(Тихонов)Архимандрит Агафон,
в схиме
Игнатьй (Лебедев)Архимандрит
Никита (Курочкин)

Алексеевского монастыря, иеромонахи Мелхиседек (Лихачев), келейник преподобного Германа Зосимовского, и Иннокентий (Орешкин), не только духовное чадо, но и духовный друг зосимовских преподобных отцов.

Сохранилось воспоминание игумена Митрофана (Тихонова), духовника обители, о последнем богослужении Святейшего Патриарха Тихона в Высоко-Петровском монастыре: 18 июня (1 июля) 1924 года Святейший Патриарх отслужил всенощное бдение в день празднования Боголюбской иконы Божией Матери — престольный праздник одного из храмов обители. Интересно, что уже 3 июля (н.ст.) вышло постановление Президиума Моссовета: «Опечатать все здания культа Высоко-Петровского монастыря и акт опечатания направить в срочном порядке в Отдел Админ. надзора...»⁵ Впрочем, это был еще не конец — к концу лета братия вернулась в обитель и продолжила служение именно в Боголюбском соборе. «Служил как-то всенощную в Петров-

ском монастыре Святейший Патриарх. Монастырь этот был известен в то время своим необыкновенным личным составом, начиная с настоятеля — премудрого епископа Варфоломея (Ремова) — и кончая последним послушником. Все здесь было не как у всех: все делалось по уставам и святоотеческим завещаниям и преданиям давно не существующих пустыней и скитов разгромленных ныне; по каким-то забытым уже всеми и только лишь здесь соблюдавшимся традициям. Служили неизменно — дольше всех, кланялись — ниже всех, выглядели — смиреннее всех. Все было свято, благолепно и по чину... Даже кадила возжигали и тушили тогда, когда это было положено по типикону, а не как пономарю или свечкойду взглянется или вздумается.... Всенощная прошла прекрасно... и действительно, все служившие, начиная с самого Святейшего Патриарха (не говоря уже о молящихся), богослужебной обстановкой Петровского монастыря всегда оставались весьма "утешены"⁶.

5. ЦАГМ. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 74. Л. 101.

6. Губонин М.Е. Современники о Патриархе Тихоне. Часть III. Машинопись. С. 191. (Из личного архива С.А. Беляева).

7. Беглов Алексей. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М.: Издательский Совет РПЦ, «Арефа», 2008. С. 47.

8. Монахиня Игнатья. Старчество на Руси. М.: Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1999. С. 72.

9. Воспоминания монахини Анны. Машинопись. Из личного архива Алексея Беглова.

Иные люди

1924 – 1928 годы стали периодом складывания общин вокруг духовников. К 1928 году общины сформировались. 1928 – 1935 гг. стали периодом их численного роста. В начале 1930-х годов число тайных постриженников достигало 170 – 200 человек (при общем количестве прихожан примерно в 1000 человек). Возможно, это была одна из крупнейших тайных монашеских общин Патриаршей Церкви⁷.

Первые тайные постриги начались в 1926 году. «В условиях нового государственного строя, — писала позже одна из тайных постриженниц обители, матушка Игнатия (Петровская-Пузик), — могла осуществиться та великая идея, которая была сформулирована как монастырь в миру. Идея монастыря в миру — идея богочеловеческая: монашество не могло прекратиться, когда упразднены были монастырские стены. Монастырь в миру — монастырь без стен и одежды — мог быть осуществлен теми, кто искал служения единому Богу в своей жизни. Теперь эти незримые для мира иноки должны были, по мысли старцев, нести свое послушание в миру со всей ответственностью и серьезностью, как перед очами Божиими»⁸.

Другая прихожанка Высоко-Петровского, пришедшая в общину после смерти своего духовного отца,protoиерея Валентина Свенцицкого, также оставила воспоминания о монастыре и о владыке Варфоломее. «Где бы ни находились служители этого храма, весь дух “Петровского монастыря” оставался тем же. Оставался все тот же строй церковных служб, то же пение и чтение, а главное — та же духовная и глубокая любовь старцев, которую встречала каждая приходящая душа, желавшая спасения. Можно сказать, что это было настоящее чудо, что в XX веке среди шумной столицы находился такой уголок “Зосимовой пустыни” <...>

Здесь было много хороших пастырей, но главным лицом был Владыка Варфоломей. Он был подобен как бы большому орлу, который парил над всеми и собирал птенцов своих под крылья свои. Каждая душа находила место в его сердце, он имел какую-то особую способность всех вмещать в свою душу. <...> Владыка указал мне трех лиц, из которых я должна была выбрать себе духовного отца...»⁹

В то время Православной Церкви приходилось выживать в очень тяжелых условиях. Безбожная со-

Преподобномученик Игнатий и его духовная семья

Тайные постриженицы отца Игнатия

ветская власть хотела уничтожить Церковь любыми средствами — от физического уничтожения священников и архиереев до подрыва веры народа в Церковь через организацию и поддержку раскольнических движений: обновленчества, «Живой» церкви и т. п. — через принуждение архиереев и священников к сотрудничеству с органами ОГПУ.

В самом сердце государства, в центре Москвы, в это самое время действует нелегальный монастырь. Это была единственная в столице действующая в течение столь долгого времени монастырская община, жившая полнокровной церковной жизнью, руководствуемая старцами, поддерживающая на богослужениях строгий монастырский устав, тайно от властей даже осуществлявшая духовное обучение как правопреемница Московской духовной академии.

Настоятель, клирики и прихожане Высоко-Петровского оказывали помощь многим священникам, находящимся в заключении, лагерях и ссылках. Так, известно, например, что священномученик Леонид Марийский (Антощенко) (1872–1938), находясь с 1930 года на каторжных работах по строительству железной дороги между Пинюгом и Сыктывкаром, духовно

окормлял христиан, находящихся в лагере — исповедывал и причащал Святыми Дарами, присыпаемыми из Москвы епископом Варфоломеем (Ремовым)¹⁰.

В конце мая — начале июня 1929 года был закрыт и Боголюбский собор. Поводом к закрытию послужило письмо коммунистов, проживавших в общежитии, устроенном в Нарышкинских палатах:

«На территории дома №28 по Петровке находится б. Высокопетровский монастырь, имевший 6 церквей и 4 жилых флигеля. Жилые дома были национализированы по Декрету, а 5 церквей были закрыты в 1922 году... Шестая же церковь и колокольня были переданы в пользование верующим. К сожалению, такая передача церкви является большой ошибкой, так как в этой церкви действительно верующих самое небольшое количество, а заправляют всеми делами церкви и общины архимандрит, попы и монахи б. Петровского монастыря. На бумаге это бывший монастырь, а в действительности он остался по-старому в полной неприкосновенности со всем своим мракобесием... Так, в самой церкви не только происходит религиозная служба, но постоянно происходят какие-то собрания и очень часто до часу

ночи... Кроме того, этот монастырь имеет разлагающее действие... на все окрестное население... В доме проживают около 600 рабочих и служащих и большинство из них возмущаются деятельностью этих паразитов монахов... В колокола монахи не звонят и их до сих пор не сняли, в то время когда республика переживает острый голод в цветных металлах.

На основании всего вышеизложенного мы просим Административный Отдел закрыть последнюю церковь б. Петровского монастыря и помещение церкви передать в распоряжение библиотеки Наркомздрава или под другое применение...»¹¹

После изгнания из стен родной обители братство Петровского монастыря обрело приют неподалеку – в храме преподобного Сергия Радонежского на большой Дмитровке (ныне не существует), настоятелем которого снова был назначен епископ Варфоломей. А в октябре 1933 года, когда был закрыт и этот храм, петровское братство перешло в храм Рождества Богородицы в Путинках. И все же, несмотря на переходы из храма в храм, тайный монастырь продолжал оставаться все тем же Высоко-Петровским. Судя по письмам и воспоминаниям, община продолжала восприниматься, оставаясь «петровской» вплоть до конца февраля – начала марта 1935 года, когда были арестованы владыка Варфоломей, схиархимандрит Игнатий, игумен Митрофан, иеродиакон Филарет и некоторые другие активные участники жизни тайного монастыря. Даже советские власти документально подтверждают это: при арестах в 1935 году, через 6 лет после запрещения богослужений в последнем из храмов обители, было заведено групповое «дело нелегального Высоко-Петровского монастыря».

Епископ Варфоломей поддерживал зосимовский монастырский уклад во всех храмах, в стенах которых совершала свое служение Петровская община. Владыка был как бы общим отцом всей большой петровской семьи. Многим он указал путь, к какому именно духовнику идти, судя по духовному устроению каждого из приходящих в обитель. Благодаря пастырскому подвигу владыки Варфоломея, в течение почти 12 лет в самом центре столицы безбожного государства со-

хранялась полнокровная жизнь монашеской общины, ставшей наследницей того пути монашеского делания, который был основой иноческой жизни Оптиной и Зосимовой пустыней – древней аскетической традиции, действительно делающей человека «иноком», то есть иным для мира, преображающим свою душу для Бога серьезным ежедневным духовным трудом послушания, молитвы, участия в церковном богослужении, откровения помыслов духовнику и чтения аскетической литературы. В годы гонений на Церковь в монастыре осуществлялись не только постриги мужчин, становившихся иеродиаконами и иеромонахами, но также, и даже в большей степени, тайные постриги женщин, искавших христианского совершенства.

Тайная монашеская община Высоко-Петровского монастыря состояла из духовных семей, образованных вокруг старцев. Духовным отцом самой большой из таких семей был преподобномученик Игнатий (Лебедев). Летом 1927 года для своих духовных дочерей он благословил создать недалеко от монастыря женский скит в честь иконы Божией Матери «Знамение». В скиту должны были находить духовный приют все сестры, вступающие на иноческий путь. Скит располагался в подчердачном помещении дома № 3 по Печатникову переулку (несколько лет назад этот дом был снесен ради строительства крупного торгового центра). Монахиня Игната (Петровская), одна из духовных дочерей и первых тайных постриженниц преподобномученика Игната, воспоминания которой помогли нам многое узнать о жизни обители, писала позже: «Многие чувствовали себя после пострига зернышками, попавшими в горсть милостивого отца; и зернышкам от этого так светло, тепло и радостно: почему они вдруг взяты от всех других? Они же такие, как и все, может быть, даже и хуже, но они взяты в любовную горсть... и им отрадно. Так созидался постепенно новый образ жизни, новый человек, инон»¹².

«ЧЕРНЫЙ АВВА»

Трудно себе даже представить, что в то время, которое сегодня для многих из нас наполнено только трагическим звучанием, могла протекать исполненная

10. Мануил (Лемешевский В.В.), митр. Русские православные иерархи. Т.4. С.154.

11. ЦАГМ. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 74. Лл. 181, 181об.

12. Игната, монахиня. Старчество в годы гонений. М.: Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2001. С. 156.

Летом 1927 года преподобномученик Игнатий (Лебедев) благословил создать недалеко от монастыря женский скит в честь иконы Божией Матери «Знамение». В скиту должны были находить духовный приют все сестры, вступающие на иноческий путь.

истинной духовной радости монашеская жизнь. Это был особый монастырь, «без стен и одежды», монашество в миру. Необходимым для монаха исполнением послушания становилась та светская работа, которой был занят член тайной общиной. «От человека батюшка требовал, — пишет матушка Игнатия, — не только честного, но просто даже ревностного отношения к гражданским и служебным обязанностям, вменяя их как святое послушание. И жизнь наполнялась до краев. Протекая в тех же внешних формах, она получала вдруг иное содержание, иную окраску, все делалось теперь уже во имя Бога и ради Бога — так учит батюшка...»¹³.

Конечно, жизнь тайного монастыря не была без облачной: клириков и прихожан общины Высоко-Петровского монастыря подвергали арестам, ссыл-

кам, лагерям. Но тайный монастырь жил и благодарно помнил своих духовных отцов — преподобных зосимовских старцев.

2 октября 1928 года преставился преподобный Алексий Зосимовский. На следующий день состоялось погребение старца. «Раннюю литургию в храме свв. апп. Петра и Павла совершаает настоятель Московского Высоко-Петровского монастыря епископ Варфоломей (Ремов) в сослужении 10-ти иеромонахов... После поздней литургии, на которой сослужили пять архиереев, состоялось отпевание. На отпевание... епископ Варфоломей не облачался, а взял на себя обязанности распорядителя и хранителя порядка при отпевании»¹⁴. Среди сослужащих на отпевании названы и клирики Высоко-Петровского архимандрит Агафон (Лебедев), иеромонахи Никита (Курочкин) и Зосима (Нилов), отец Алексий (Сергеев). «Обилие представителей Высоко-Петровского монастыря объясняется тем, что ранее почти все они были насельниками разгромленной Зосимовой пустыни, а затем приютились под омофором монахолюбивого настоятеля Высоко-Петровского монастыря, епископа Варфоломея (Ремова; «черного аввы» — как называли его)»¹⁵.

Монахиня Игнатия писала о нем: «Владыка Варфоломей — епископ, а позднее архиепископ Московской епархии — был, несомненно, выдающейся личностью и кончил свою жизнь как исповедник и новомученик Русской Церкви в тяжелые для нее годы <...> его путь — это путь человека, с детских лет отмеченного Богом, одаренного в научном отношении и, главным образом, одаренного живым чувством в поисках пути духовного. <...> Это был человек, внутри которого как бы никогда не угасали огонь любви к Богу, ревность по Богу, радование, горение о Нем. Движения его были решительны, определены, хотя прирожденный жар его души и связывался постоянно со смирением. <...>

Владыка был расстрелян в июне 1935 г., и могила его, место его погребения известно только Богу <...> Так и стоит образ владыки — огненного и вдохновенного исповедника Христа и Церкви Христовой, страдальца и новомученика, перед внутренним взором всех нас, воспитанных им во Христе и Церкви Христовой...»¹⁶.

Еще одно воспоминание о владыке как о духовнике приводится в книге митрополита Мануила (Лемешевского) (имя написавшей воспоминания в книге не указано). «Узнала я его как епископа и старца, духовно-

ОТ ЧЕЛОВЕКА БАТЮШКА ТРЕБОВАЛ НЕ ТОЛЬКО ЧЕСТНОГО, НО ПРОСТО ДАЖЕ РЕВНОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ГРАЖДАНСКИМ И СЛУЖЕБНЫМ ОБЯЗАННОСТЯМ, ВМЕНЯЯ ИХ КАК СВЯТОЕ ПОСЛУШАНИЕ. И ЖИЗНЬ НАПОЛНЯЛАСЬ ДО КРАЕВ. ПРОТЕКАЯ В ТЕХ ЖЕ ВНЕШНИХ ФОРМАХ, ОНА ПОЛУЧАЛА ВДРУГ ИНОЕ СОДЕРЖАНИЕ, ИНУЮ ОКРАСКУ, ВСЕ ДЕЛАЛОСЬ ТЕПЕРЬ УЖЕ ВО ИМЯ БОГА И РАДИ БОГА – ТАК УЧИЛ БАТЮШКА...

монахиня Игнатия (Петровская)

го руководителя большой духовной его семьи. Он был ревнителем полной продолжительной службы и монашеского устава. Любил подпевать народу и певчим, стоя на кафедре во время богослужения... При своей доброте, он часто отдавал последнее, так что оставался сам без четок. В таком случае он укорял себя словами: "Плохой я монах, я даже без четок". Раздавал и деньги. Он был очень болезненным... Ввиду болезни он не мог управлять епархией, а находился как бы на покое, но трудился неустанно и полагал душу свою как за братию свою, так и духовных чад. К нему я пришла, когда лишилась духовного отца, и он участливо отнесся ко мне и спросил: "Переданы ли мы кому?"... Он говорил, что "откровение помыслов и вообще высказывание всего так необходимо, как необходима отдушина в комнате, куда все и должно уходить". Как-то раз я открыла ему в письме свой помысел против него. Он взял мое письмо и поцеловал его. Этим он показал свое глубокое смиление и этим смирил мою гордыню»¹⁷.

Своим духовным чадам владыка напоминал о духовном родстве с Зосимовой. В одном из его писем читаем: «Спаси тебя Господь за панихиду по батюшке¹⁸, твоем духовном дедушке, да воистину это еще

крепче роднит... Усиливайся хранить свет и добро в душе твоей. Молитва, ах, она все может сделать с нами. И ее нужно держать во всю, со всем усилием. Вот почему жаль, когда в тебе ослабевает молитовка. Возгревай ее и принуждай себя...»¹⁹ После расстрела иеромонаха Мелхиседека (Лихачева) в июне 1931 года в слове на его заочном отпевании владыка Варфоломей говорил: «По совести сказать, среди нас, духовных детей батюшки о<тца> Германа, самый преданный, самый проникновенный духовный сын был именно о<тец> Мелхиседек. Никто из нас не может сравниться с ним в его удивительном благоговении, в преклонении перед душой батюшки. А батюшка не только ласкал и гладил по голове о<тца> Мелхиседека (хотя ценил и любил его), – и вспоминается мне, как батюшка был строг, как не щадил очень его, не щадил в нем многое. И наши духовные дети, которые иногда позволяют себе сердиться на духовного отца, когда им только покажется, что к ним строг духовный отец, пусть постыдятся облика о<тца> Мелхиседека, который с величайшим благоговением научился принимать паче обличения от руки своего духовного отца...»²⁰ «...Он батюшку [отца Германа]

13. Цит. по: Письма из заключения схиархимандрита Игнатия (Лебедева).

Предисловие. // Альфа и Омега, 1997, № 12. С. 95.

14. Цит. по: Современники о патриархе Тихоне. Сост. М. Е. Губонин. М.: ПСТГУ, 2007. Т. 2. С. 589–590.

15. Там же.

16. Игнатия (Петровская), монахиня. Высоко-Петровский монастырь в 20-30-е годы. // Альфа и Омега, 1996, № 1(8). С. 117–120.

17. Мануил (Лемешевский В.В.), митр. Русские православные иерархи. Т. 2. С. 72–75.

18. Схигумен Герман (Гомзин).

19. Из личного архива Алексея Беглова.

20. Еп. Варфоломей (Ремов). Слово на заочное отпевание отца Мелхиседека. // Альфа и Омега, 2000, № 1(3). С. 105.

**С РАЗГРОМОМ ОБЩИНЫ ВЫСОКО-ПЕТРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ В 1935 ГОДУ ЖИЗНЬ
ОТДЕЛЬНЫХ ЕГО ДУХОВНЫХ СЕМЕЙ НЕ ЗАКОНЧИЛАСЬ. ТАЙНЫЕ МОНАХИ, МОНАХИ-
НИ И БЫВШИЕ ПРИХОЖАНЕ ПРОДОЛЖАЛИ ОКОРМЛЯТЬСЯ У СТАРЦЕВ И КЛИРИКОВ
ОБИТЕЛИ, КОТОРЫЕ ЖИЛИ В РАЗНЫХ МЕСТАХ ПОДМОСКОВЬЯ. В САМОЙ ЖЕ МОСКВЕ
ВПЛОТЬ ДО 1979 ГОДА ПРОДОЛЖАЛАСЬ МОЛИТВА В ЗНАМЕНСКОМ СКИТУ**

постоянно вспоминал, приводя на память его слова, наставления, примеры из жизни, как заботился он о том, чтобы не прошло мимо поучение от жизни старца нашего. Бывало, он говорил мне перед днями <памяти> о <тца> Германа, а, что святой владыко, а вот не приходит ли вам на мысль, что сказать о батюшке в поучение? И вспомнит какое-либо назидание. Это он побудил меня вспомнить в поучение слова, которыми Батюшка укорял себя: "всех-то я хуже, всех грешнее"..."²¹

ЧАДА ЗОСИМОВСКИХ СТАРЦЕВ

После смерти преподобного Германа духовником епископа Варфоломея (Ремова) стал игумен (по некоторым данным — архимандрит) Митрофан (Тихонов). Он был опытным духовником, считался преемником преподобного Алексия Зосимовского. Путь к монашеству его начинался в Гефсиманском скиту, где он пять лет был послушником, а потом по ходатайству игумена Германа (Гомзина) он был перемещен в Зосимову пустынь, где исполнял различные послушания в течение 26 лет.

«На него в Высоко-Петровском монастыре ложилось принятие важных духовных решений, — пишет матушка Игнатия. — Например, он определял, можно ли такому-то принять схиму и подобное. Его духовное руководство было простым, тихим и смиренным. Он не любил входить в детали, разбирать помыслы и не благословлял своим духовным чадам их писать. "Что писать, — говорил он, — все одно и то же". Постоянного твердого правила не давал, заповедью его было: "Будь всегда с Богом". Постриги в рясофор, когда они случались, никак не обставлял, особой обстановки не создавал: задернет занавески на окнах и пострижен. Но был он великим старцем и прозорливцем, предчувствовал и предсказал Великую Отечественную войну»²².

«Нам бы всем быть как батюшка Митрофан: и обличает с прямотою, но и с кротостию, и утешает в мире и по Божьи», — писал о нем владыка Варфоломей²³. Владыка хотел возвести его в сан архимандрита

та, однако игумен Митрофан, отказываясь от этого сана, ответил: «Нет уж, Владыко, ты на меня эту шапку (т. е. митру — Б.Е.) не надевай»²⁴.

В 1929 году он был арестован и четыре года был в ссылке. После освобождения вернулся в общину Высоко-Петровского монастыря. Вновь был арестован в ходе разгрома общины в 1935 году и сослан в Каширу.

М. Е. Губонин вспоминал об отце Митрофане: «Духовник Высоко-Петровского монастыря, старец о. игумен Митрофан, весьма почтенный,уважаемый и благодатный старец (он запечатлен на одном из полотен П. Д. Корина в серии картин-портретов «Уходящая Русь»), пользовался огромным почитанием народа. Он был выходцем из Зосимовой пустыни и считался одним из столпов духовного строя Петровского монастыря в период управления последним Преосвященным Варфоломеем (Ремовым). После разгрома монастыря все его лучшие монахи были, конечно, сосланы в разные концы земли Русской. По-видимому, эта же участь постигла и отца Митрофана.

В середине двадцатых годов, в период тайного воссоздания иерархии во избежание пресечения благодатного преемства в Церкви (т.к. епископат находился в тюрьмах и концлагерях) был упорный слух о том, что отец Митрофан является одним из тайно хиротонисанных архиереев, которые обязаны были до поры до времени скрывать свое епископство, дабы не подвергнуться общей участи с епископами явными.

Было ли это в самом деле так (в отношении отца Митрофана), в наше время, по прошествии многих лет, судить трудно, но что тайных архиерейских хиротоний в те годы было немало — факт несомненный и общеизвестный»²⁵.

Находясь в ссылке, батюшка не оставлял попечения об общине Высоко-Петровского монастыря. Преподобномученик Игнатий (Лебедев) передавал ему через своих духовных чад поклоны и просьбы о молитве. У него окормлялся архимандрит Исidor

(Скачков), который по его благословению взял на себя попечение о духовных чадах почивших старцев — духовников Высоко-Петровской обители отца Игнатия (Лебедева), архимандрита Никиты (Курочкина) и архимандрита Зосимы (Нилова). После кончины архимандрита Никиты был под его духовным руководством и преподобномученик Феодор (Богоявленский) — он практически сразу узнал об аресте батюшки, что и сподвигло его самого начать подготовку к грядущему аресту.

Отец Митрофан был арестован в 1941 году и заключен в тюрьму, из которой уже не вернулся. Дата и причина смерти его неизвестны. Предположительно, он был расстрелян в 1943 году²⁶.

Обращусь еще раз к воспоминаниям Губонина. Вот, что он пишет о Высоко-Петровском монастыре: «В последние годы своего существования монастырь прославился особо уставными службами, совершившимися в нем, и усердно посещался верующими москвичами; монастырские храмы и другие помещения закрывались и отбирались постепенно, пока, наконец, действующим остался один храм (с захоронениями Нарышкиных). Несмотря на то что все монашествующие жили на частных квартирах, богослужебная дисциплина держалась на высшем уставном уровне, обеспечивавшемся строгими требованиями настоятеля, епископа б. Сергиевского Варфоломея (Ремова), пребывавшего (по болезненному состоянию) на покое с настоятельством практически несуществующего (кроме одного действующего храма монастыря). Состав братии, подстать настоятелю, был необычным: в него вошли некоторые отцы из разогнанной Зосимовой пустыни и неофиты из мирян и, даже, обращенных коммунистов (иеромонах о. Зосима). Упомянем великого аскета, присноболящего старца (и, как говорили, очень строгого духовника), архимандрита о. Агафона (наместника и, кажется,

задававшего духовный тон самому настоятелю), иеромонахов о.о. Митрофана и Никиту, иеродиаконов Германа (Полянского Бориса, сына известного миссионера), Алексия (Сергеева, впоследствии печально прославившегося архиепископа), Серафима (Крутия, закончившего дни свои в сане схиигумена в Одесском архиерейском доме), среди послушников монастырских было несколько интеллигентных молодых людей: «брать» Аникита, Г.В. Александров, некий Василий Петрович, обладатель обширной конспиративной богословской библиотекой, — окончивший дни свои на Соловках и мн. др.»²⁷.

С разгромом общинны Высоко-Петровского монастыря в 1935 году жизнь отдельных его духовных семей не закончилась. Тайные монахи, монахини и бывшие прихожане продолжали окормляться у старцев и клириков обители, которые жили в разных местах Подмосковья. В самой же Москве вплоть до 1979 года продолжалась молитва в Знаменском скиту. Только после кончины старших монахинь этого скита — монахинь Евпраксии и Ксении — оставшиеся перестали собираться для общей молитвы в Печатниковом переулке. Перекинулись ниточки живой связи с тайной общиной и в наши дни: матушка Игнатия — профессор, доктор медицинских наук — по благословению Святейшего Патриарха Алексия II почти в 100-летнем возрасте приняла постриг в схиму, который совершил насельник Высоко-Петровской обители игумен Петр (Пиголь). Автор статьи несколько раз общалась с последней из остававшихся в живых постриженниц Знаменского скита — монахиней Зиной (имя в рясофоре — Таисия). Духовные чада воспитанников старцев Высоко-Петровского монастыря занимают сегодня разные посты и трудятся в разных областях, но все с благодарностью почтывают память подвизавшихся в обители, передавших в наши руки нити духовного родства с зосимовским старчеством.

22. Монахиня Игнатия. Старчество на Руси. М.: Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1999. С. 74.

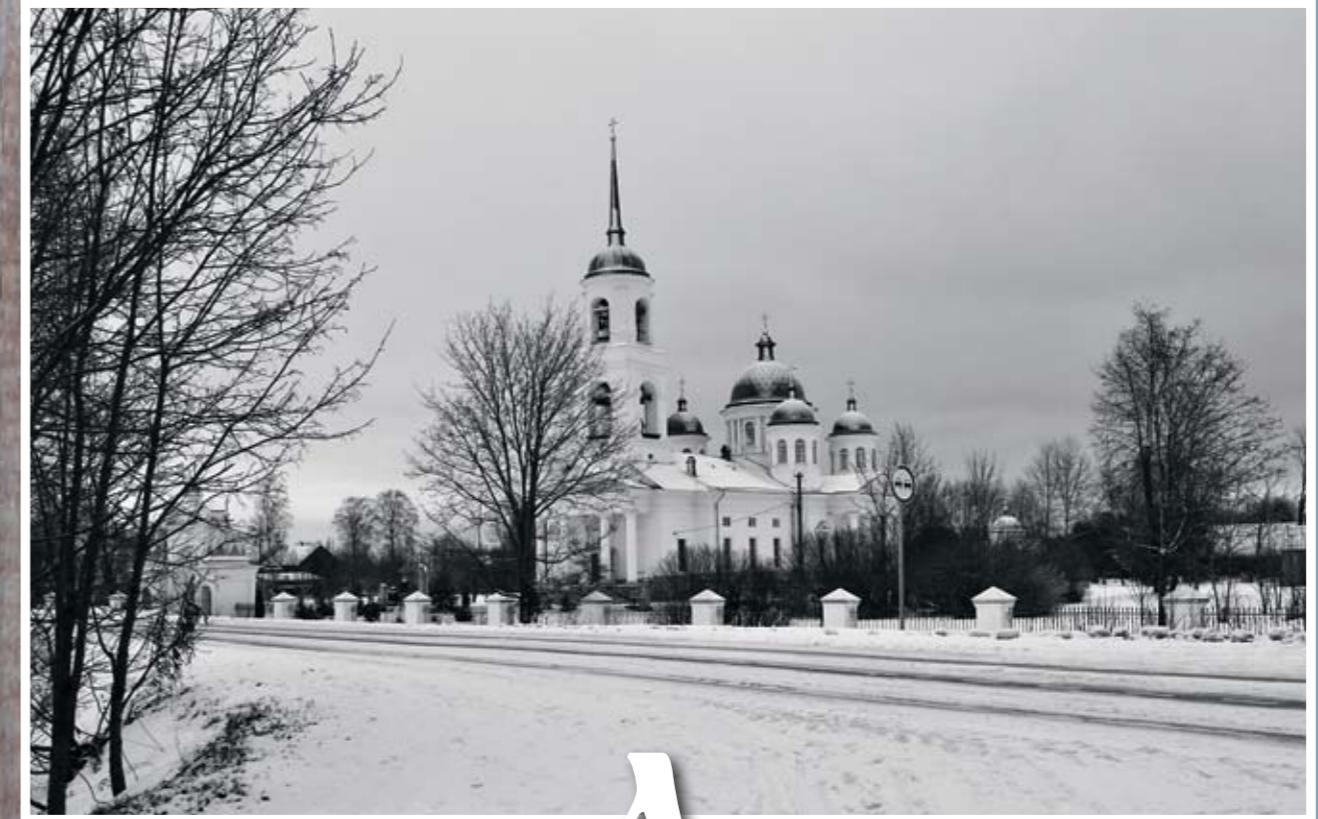
23. Письмо епископа Варфоломея неизвестному адресату. // Из личного архива Алексея Беглова.

24. Монахиня Игнатия. Старчество на Руси... С. 223.

25. М. Губонин. Современники о Патриархе Тихоне. Часть III. Машинопись. С. 498. (Из личного архива С.А. Беляева).

26. База данных ПСТГУ.

27. Губонин М. Современники о Патриархе Тихоне. Сборник печатных, рукописных и устных воспоминаний в двух томах. Т. 1. Машинопись. Москва, 1965. С.21. (Из личного архива Беляева С.А.)

Антониево Надкопанье

Встреча с отцом Антонием (Кузнецовым) – игуменом Стороженского монастыря под Петербургом – была долгожданной. Поэтому мне было легко встать ранним утром в выходной день, выбраться из теплой питерской квартиры, когда на улице настоящее болото из воды и подтаявшего снега – и все это под колпаком серого, как дым, неба; поехать на автовокзал на Обводном канале, купить билет на автобус по маршруту «Санкт-Петербург – Вознесение» и в полусл涅 проехать три с половиной часа...

СТО ЛЕТ ЗНАКОМЫ

Автобус останавливается возле небольшого продуктового магазина.

— Вы не знаете, что за остановка? — спрашиваю у попутчика.

— Не знаю. Какая-то неважная остановка...

Я решаю все же уточнить у водителя, как называется «неважная остановка». Деревня Паша. То, что мне и нужно. Водитель, который уже начал отъезжать от станции, снова открывает дверь — я выскакиваю прямо в лужу. Оглядываюсь по сторонам и решаю зайти в магазин: обычно продавцы знают всё. Так и есть. До Надкапанья километра три, пешком долго, лучше вызвать такси. Через десять минут приезжает машина.

— Праздник что ли какой? — спрашивает таксистка(!), когда я называю ей место прибытия.

— Да нет. Хотя, вообще-то, праздник...

У православных ведь каждый день — праздник.

Мы останавливаемся прямо у ворот храма. Переходо мной над деревенской округой возвышается великолепный белоснежный собор Рождества Христова. Здесь мы должны встретиться с отцом Антонием (Кузнецовым), настоятелем этого прекрасного храма, игуменом Стороженского мужского монастыря, который находится неподалеку. В лавке мне говорят, что батюшка сейчас на подворье, отдыхает. Это рядом, метров пятьсот от храма.

Я набираю номер отца Антония. В трубке слышится голос человека, с которым мы, судя по тону, должны быть знакомы лет сто, хотя еще ни разу не встречались. И я чувствую, что без всяких церемоний могу звонить и сверять каждый опознавательный пункт маршрута... «Батюшка, ну вот тут поворот воз-

ле моста...» — «Да, все правильно». — «А тут ворота, икона на них...» — «Заходи...» — «Я стою возле такого дома деревянного...» — «Сейчас, уже выхожу».

За спиной распахивается дверь, появляется человек, одетый в рабочую одежду и ватник. Большие добрые глаза.

— Ну что, добралась?

— Отец Антоний? Не признала...

МАКАРОНЫ, СОЕВОЕ МЯСО, ОВОЩИ

Мы направляемся к одному из невысоких домиков, расположенных на территории подворья. Отец Антоний по ходу показывает мне, где через полтора часа будет чаепитие. В коридоре паломнической гостиницы темно, каждый гасит за собой свет. Сразу чувствуется, что живут здесь не на широкую ногу, подход экономный.

— Ну, вот тут будешь сегодня ночевать.

В комнатке две кровати, стол и небольшой иконостас на полке. Я оставляю вещи, и мы с отцом Антонием выходим во двор.

— Мне сейчас надо по делам отлучиться. Вот тут наши ребята: с ними тебя оставлю — посмотришь, чем они занимаются. А потом в половине пятого чай будем пить.

Мы заходим в праздничную трапезную. Я здороваюсь с девушкой и парнем, которые чем-то очень заняты.

— Расскажите ей, что вы тут делаете... А я пошел, — отец Антоний оставляет меня с Таней и Кириллом, а сам куда-то исчезает.

— А с какой целью интересуетесь? — прищурившись, с улыбкой спрашивает Таня.

— С корыстной, — смеюсь я, — я из журнала, приехала с батюшкой познакомиться...

Рядом со столом стоят большие мешки с продуктами: макароны, соевое мясо, овощи. Таня и Кирилл расфасовывают все это по пакетам.

— Гуманитарная помощь, — объясняет Таня, указывая кивком головы на аккуратно сложенные на столе пакеты. — Нам предприятия жертвуют продукты, а мы их распределяем по малоимущим семьям в ближайших деревнях. Знаете, когда в деревне живешь, не нужно никаких комиссий, чтобы узнать о материальном положении: все на глазах, все друг друга знают... Батюшку недавно назначили председателем отдела по благотворительности Тихвинской епархии... Вот бывают такие люди, вокруг которых все созидаются. Здесь, в нашем районе, отец Антоний столько всего сделал и продолжает делать... Храм наш понравился? Вот... Это батюшка отреставрировал. Сам строит, сам служит... Тут, кроме него, практически никого нет. Немного трудников, немного таких помощников, как мы...

Из рассказа Тани я узнаю, что ребята послушаются на подворье. Кирилл живет в соседней деревне с семьей,

Таня — волонтер, приехала сюда некоторое время назад. До этого они с мужем работали в благотворительной организации, которая занимается детьми-инвалидами.

— Мы давно мечтали жить в деревне. И вот батюшка Антоний предложил: «А приезжайте сюда, давайте вместе заниматься здесь социальной работой». Мы и приехали.

Остается еще немного нерасфасованных продуктов, но на часах уже полпятого.

— Пойдемте чай пить, — говорит Таня.

«Жди!»

В трапезной собираются все наследники подворья: несколько молодых ребят-трудников, один инок и несколько бабушек. Вот и вся братия. Потом подтягиваются паломники, приехавшие в Надкопанье на выходные. Батюшка к чаю не приходит.

— Опять, видно, чем-то занят, — объясняет Таня.
— В пять вечерняя служба.

После чая идем в храм. На улице темнеет. К вечеру прихватил морозец — и по превратившейся в лед

сякоти идти нужно медленно и осторожно. Немногочисленные прихожане маленькими шажками двигаются к собору.

После всенощного бдения, которое длится здесь около двух с половиной часов, я подхожу к отцу Антонию в числе других прихожан. У каждого есть к батюшке вопрос, и его еще какое-то время после окончания службы не отпускают из храма.

— Ну, давай с тобой уже после ужина поговорим...

В восемь часов все снова собираются в трапезной, в том же составе. После благодарственной молитвы караулю батюшку в дверях трапезной.

— Жди, — и опять отец Антоний куда-то исчезает по делам.

Я послушно остаюсь ждать. Одна из женщин, заподозрив в моем лице явное праздношатание, сразу решает взять меня в оборот и ведет на кухню мыть посуду. Здесь, на подворье, как и в монастыре (это чувствуется сразу), не принято сидеть без дела. Только я открываю кран и начинаю мыть чашки, появляется отец Антоний. Женщина с укором в глазах отпускает меня из кухни...

«КРАСИВО ПОЛУЧИЛОСЬ?»

— Ну вот, немного освободился... Пойдем, повожу тебя по местности...

— Батюшка, у Вас сейчас столько дел... Вы б сказали, я бы позже приехала.

— Да у меня так всегда. Тут стройка идет. А когда стройка — это всегда аврал...

Отец Антоний первым делом ведет меня в подворский храм. Небольшой, напоминающий скорее часовню, храм освящен в честь иконы «Неупиваемая чаша».

— Много тут разных людей приезжает... Ну ты, наверное, уже поняла... Со всякими проблемами, зависимостями. Поэтому «Неупиваемая чаша». Здесь каждый вечер у нас читается вечернее правило. Вообще, день построен на подворье так, чтобы побольше времени было уделено молитве. Дай Бог, чтобы в монастыре столько молились, сколько здесь...

Перед нами мастерски выполненный кованый иконостас. Я такой вижу впервые.

— Это один мой товарищ сделал. Красиво получилось?..

Видно, что батюшка любуется работой. Я вспоминаю, что он сам художник, окончил Мухинское училище в Петербурге.

— Отец Антоний, а иконы, которые в храме, не Вы случайно писали? Такая техника необычная...

— Я... — батюшка как будто немного смущается.

— Не все, конечно... Что смог: Ионы Новгородского, Ксении Петербургской, Ильи Пророка... Мы все учимся понемногу чему-нибудь...

Наш разговор прерывается на полуслове. В храм заходят трудники.

— Что, уже девять? — спрашивается отец Антоний. — Ох, и время летит.

Начинается вечернее правило. После молебна перед иконой «Неупиваемая чаша» все расходятся. Мы с отцом Антонием продолжаем экскурсию по подворью уже в темноте.

— Батюшка, в комнате, которую вы мне отвели, фотография старца Николая Гурьянова на стене. Вас что-то связывает?

— Отец Николай меня благословил на монашество. Я к нему три раза ездил на остров. И после его благословения сразу за один год — от инока до иеромонаха. Тогда время было такое: быстро все происходило.

— Вы же сейчас игумен монастыря?

— Да, недалеко находится Стороженский монастырь. Но большую часть времени я провожу здесь, на подворье. Тут без меня никак. Если уеду, сразу вся работа остановится. Нужно следить за всем лично...

— А как Вы там братьев оставляете одних?

— Почему одних? Есть монах, который за всем следит. Там порядок, все устроено, как на скиту. А мне нужно здесь быть.

Со стороны каменного здания, к которому мы направляемся, начинает доноситься один из самых ярких запахов деревни...

— Коровник тут у нас. Коров немного, но много и не надо. Для себя только держим. Сыр, молоко, творог... Так, а тебе сюда нельзя! Коровы будут нервничать!

Я начинаю пятиться назад, но, оказывается, батюшкины слова адресованы Рэму, дружелюбной овчарке, которая, радостно виляя хвостом, крутится у батюшкиных ног... «Он должен сзади идти, он же не вожак стаи...» Из коровника доносится музыка: «Мне море по колено, мне горы по плечо...» — трудники оставили радио включенным. Батюшка убавляет звук. Идем дальше.

— А тут у нас гостиница. Вот сейчас покажу тебе что-то.

Отец Антоний открывает двери гостиницы. Стены небольшого «предбанника» от пола до потолка расписаны яркими сказочными картинками. Я присматриваюсь и вижу, что это своеобразная карта местности.

— Марина приезжала расписывать под моим чутким руководством. Смотри: вот это — наш подворский храм, это — Стороженский. А на этом месте, где была часовенка, мы построили маленький деревянный храмик. Сейчас в рамках федеральной программы все тут восстанавливаются. Вот здесь — маяк, самый большой в мире. А это — отец Антоний, Рэм идет за ним...

Заходим в гостиницу. Очень уютные коридоры, маленькие комнатки на два и на три человека. Здесь размещаются паломники, которые приезжают на подворье. В гостинице есть даже маленькая сауна. Все сделано на пожертвования. На втором этаже небольшая швейная мастерская, в ней работает одна из местных

бабушек. Кабинет отца Антония располагается практически на чердаке, как часто это бывает с мастерскими художников...

«ДЕТСКИХ ДОМОВ БЫТЬ НЕ ДОЛЖНО»

Идем по длинному коридору и попадаем в самое большое помещение в гостинице.

— Здесь мы собираем библиотеку. Пока из книг — только то, что нам отдают, классика в основном... Кто-то выкидывает, а мы подбираем. А вон там целый стеллаж со святоотеческой литературой. Вообще, эта комната предназначается для встреч, чтобы людей было куда приглашать. Недавно у меня здесь были дети из «Транзита». Знаешь, что это такое?

— Нет...

— Дети, которых отняли у родителей, какое-то время находятся во временном приюте, пока суд решает, вернуть ли их родителям или отправить в детский дом. И вот они у меня тут жили, занимались. Этот социальный проект называется «Гости батюшки». Вообще, детей оттуда никуда не отпускают, но в рамках проекта можно. Они приезжают в понедельник, проводят у нас неделю, в воскресенье причащаются и уезжают. Недавно меня назначили председателем епархиального отдела по благотворительности и социальной работе. И мы решили взять направление дети-сироты, подростки в кризисной ситуации. Всем помочь, к сожалению, невозможно, а самое главное — это дети. Я считаю, что детских домов не должно быть вообще, по природе... Вот стараемся делать, что можем. К нам приезжают и дети-инвалиды, и дети с особенностями развития. Работы очень много. Помощь нужна. Поэтому, если хочешь помочь, приезжай. Тут всегда найдется, чем заняться. Хотелось бы, конечно, сделать что-то постоянное для таких детей. Один мальчик перед отъездом мне сказал: «Отец Антоний, я, когда вырасту, хочу сюда приехать и остаться работать...» А еще каждый год к нам приезжают ребята из Петербурга на летнее трудовое поселение. Здесь они в течение двух недель живут, трудятся.

Спускаемся со второго этажа. Проходя мимо открытой двери в какую-то комнату, батюшка останавливается:

— А тут вот у нас живет Лев Васильевич... Приехал со своей женой Таней помогать с социальными проектами, на голом энтузиазме... — молодой человек поднимается из-за компьютера, приветливо с нами здоровается. Батюшка продолжает, указывая на гору вещей в углу:

— Вот и вещи свои перевезли... Правда, они боятся пока (батюшка смеется). Но ничего, я думаю, привыкнут скоро. Поправляйтесь, Лев Васильич!

Мы снова выходим на улицу.

— Здесь вообще ничего не было, ничего... — продолжает свой рассказ отец Антоний. — Все было разграблено, одни стены остались. В 1995 возродился приход, а я служу с 2000 года, пятнадцать лет уже. У меня в Сторожне два храма, здесь, в Надкапанье, два храма, в Паше один и один строится...

— А почему Вы один здесь?

— А кто тут будет служить? Я же на голом энтузиазме, зарплату не получаю. Если какая копейка появляется — все в стройку. В кубышку не складываю. И как-то потихонечку, люди помогают...

— А в больших монастырях Вы жили когда-нибудь?

— Нет, а зачем? Я вообще отсюда родом, из Надкапанья. Вот и вернулся сюда, к корням. У нас здесь жизнь простая, сермяжная... И я очень рад, что здесь так потихонечку все творится. Мы, наверное, и должны так жить. Сила Божия совершается в простоте... И народ прилепляется, у меня уже сколько чад — приезжают постоянно. Здесь тихо, спокойно, можно в тишине помолиться... Служенье муз не терпит суеты! (Смеется.) А я вот тебе еще фильм покажу про наших старушек...

На лодочке с другого берега

Мы подходим к деревянному домику, поднимаемся наверх по лестнице и оказываемся в келье батюшки. Глаза мои сразу «разбегаются» по стенам и углам. Такое чувство, что сюда переехал музей старины... Какая-то древняя мебель, рукописные иконы, старинные багеты, небольшой диванчик в углу, стол, накрытый кружевной салфеткой... Вот тебе и апартаменты игумена... Больше напоминает мастерскую художника небрежностью и безразличием к мелочам этого мира.

Заходит Таня. Она приносит чай и какой-то дивный вишневый пирог. И вот в течение часа под пирог мы смотрим фильм, который сделал отец Антоний о своих прихожанках. Три истории трех пожилых женщин. Три судьбы, три разных типажа. Все они послушаются при храме. Я поражаюсь, с какой любовью сделан этот небольшой фильм. Какая красота и внутренняя сила в этих женщинах, коим уже за 80. Больше всего меня впечатляет бабушка, которая летом каждый день на лодочке приплывает в храм с другого берега.

— Так обычно и получается, что сердце прихода — это как раз эти бабушки. Молодежь пока учится, ищет себя, а чем человек старше, тем он ближе к храму, тем больше времени он тут проводит, — размышляет отец Антоний. — Но это пока черновик еще, надо до ума доводить...

— Как Вас еще хватает на какое-то творчество?

— Так ведь по-другому нельзя. Если не замечать красоту жизни, которая нас окружает, не видеть красоту в людях, то никаких сил не будет, чтобы жить и что-то делать.

Батюшка провожает нас с Таней вниз, и я отправляюсь в гостиницу.

Расти большой, жемчужина!

На следующий день, проснувшись поздно (от свежего деревенского воздуха сплю богатырский сном), я иду в храм. Там уже началась литургия. У церковной ограды несколько машин. Люди приезжают не только из близлежащих деревень, но и из Петербурга.

Литургия заканчивается очень поздно, в полтретьего. Все из-за того, что батюшка служит один и один исповедует всех, кто приехал на службу. В очереди на исповедь меня находит Таня. Я признаюсь ей, что впервые присутствую на такой продолжительной литургии. Таня смеется и сообщает, что у них так почти всегда: «Воскресенье посвящаем Богу!.. Зато потом такой обед вкусный будет...» Последнее известие, к моему стыду, меня очень подкрепляет. Среди прихожан я вдруг различаю знакомое лицо в оранже-

вом платочек. Где же я его видела? Так ведь вчера, в кино. Это она плавает в храм на лодке. Таня подводит меня к «нашей звезде Галине Степановне». Бабушка с добрыми молодыми глазами оказывается еще интереснее в жизни, чем на экране. Она сразу заявляет: «А я в эту девочку уже влюбилась. Я ее сразу заметила утром, как она бегала с фотоаппаратом. Думаю: вот не зря я сегодня красивый платок надела!» Галина Степановна меня крепко обнимает, приговаривая, что за меня помолится и все у меня будет теперь очень хорошо.

После службы собираемся в трапезной. Батюшка Антоний в очень хорошем расположении духа, шутит, веселит всех собравшихся. После трапезы все расходятся отдыхать. Не успеваю я выйти во двор, как меня замечает вчерашняя женщина с кухни, и на этот раз меня опять отправляют мыть посуду. Однако попытка потрудничать снова срывается: появляется отец Антоний и говорит, что меня могут подвезти в город: нужно собираться.

Батюшка благословляет нас в дорогу и приглашает приезжать еще.

Выезжая с подворья, я еще раз бросаю взгляд на белоснежный собор Рождества Христова. Трудно поверить, что этот храм всего пятнадцать лет назад стоял грязный и пустой: таким прекрасным и величественным он выглядит сейчас. Дела Господни творятся на земле человеческими руками. Вокруг песчинки в раковине вырастает жемчужина...

После кончины преподобного вокруг места его стояния был построен монастырь святого Симеона Столпника (Калат-Семан). Он располагается к северу от сирийского города Алеппо. В монастыре сохранились остатки столпа святого

ОБРАЗ СТОЛПНИЧЕСТВА В ХРИСТИАНСКОМ ИСКУССТВЕ

ФОТО: WWW.RUTICON.RU

Преподобный Симеон Столпник Антиохийский.

Вкладная пластина; Сирия; VI в.

Франция. Париж. Музей Лувр.

26 x 29.6 см. Материал: металл серебро.

Техника: золочение, чеканка

С РАННЕХРИСТИАНСКИХ ВРЕМЕН СУЩЕСТВУЕТ ОСОБАЯ ФОРМА МОНАШЕСКОГО ПОДВИГА – СТОЛПНИЧЕСТВО. МОМЕНТ СТАНОВЛЕНИЯ ЭТОЙ ТРАДИЦИИ ПРИШЕЛСЯ НА КОНЕЦ ПЕРИОДА ГОНЕНИЙ НА ХРИСТИАН. НЕРЕДКО СВЯТЫЕ ОТЦЫ ВИДЕЛИ В СТОЛПНИЧЕСТВЕ НОВЫЙ ВИД ДОБРОВОЛЬНОГО МУЧЕНИЧЕСТВА, А ТАКЖЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ЯЗЫЧЕСКОМУ РЕЛИГИОЗНОМУ КУЛЬТУ ГОР, ГОРНИХ ДУХОВ И ИСПОЛИНОВ.

Основателем столпничества христианская традиция считает сирийского монаха Симеона Столпника, подвизавшегося на столпе более 30 лет. Святой Симеон пользовался исключительным авторитетом в христианском мире, к нему стекались толпы верующих за советом и наставлением, писали письма императоры. Почитание его как святого распространилось ещё при его жизни, особенно в сирийских общинах.

Подвигу святого Симеона последовали в V веке преподобный Даниил (память 11 декабря); в VI веке – преподобный Иоанн и Симеон Дивногорец, в отличие от первого Симеона (Столпника) называемый младшим (память 24 мая); в VII веке – Алипий, подвизавшийся на столпе 66 лет (память 26 ноября); в VIII веке – Феодосий, Едесский столпник (память 9 июля); в X веке – преподобный Лука Новый столпник, 45 лет пребывший на столпе (память 11 декабря); в XI веке – преподобный Лазарь Галисийский из Эфеса (память 30 июля) и др.

На Руси одними из первых столпников были святой Кирилл Туровский (память 11 мая) и преподобный Никита Переславльский (память 24 мая), XII век. В XV веке на столпе подвизался преподобный Савва Вишерский, скончавшийся в 1460 году (память 1 октября), в XVI веке – преподобный Нил Столбенский (память 20 декабря). Преподобный Серафим Саровский (память 14 января; XIX век), подражая святому Симеону, 1000 дней молитвенно предстоял Богу на камне и др.

«НАЧАТОЕ ТОБОЮ ДЕЛО – ОТ БОГА»

Подвиг столпничества зародился в Сирии. Десятилетиями древние подвижники находились на вершине башни, на небольшой огороженной площадке, чаще всего не покрытой навесом, где они переносили и паливший зной дня, и ночной холод, и ветер, и дождь; лишь иногда под площадкой устраивалось ложе. От самой площадки вниз шла лестница, так как высота столпа могла быть от двух до шестнадцати метров.

Первым, кто добровольно взял на себя столп тяжелое испытание, как мы уже отметили выше, был антиохийский святой Симеон, живший в первой половине V века (скончался в 459 году, память 14 сентября).

Житие преподобного повествует: «О такой жизни Симеона услыхали святые отцы, жившие в пустынях, и удивлялись его необычайным подвигам, ибо никто еще не изобретал себе такого жития, чтобы стоять на столпе. Желая же испытать его, послали сказать ему: "Отчего не идешь ты путем отцов наших, но изобрел другой – новый? Сойди со столпа и последуй житию древних пустынников". При этом научили посланных, чтобы они, если Симеон не послушается, силою заставили его сойти со столпа; если же послушает и пожелает сойти, то оставить его так стоять, как начал: ибо тогда, сказали они, ясно будет, что новый образ жития его – от Бога. Когда посланные пришли к Симеону и возвестили решение собора святых отцов-пустынников, то он тотчас ступил ногою на лестницу, желая сойти вниз. Видя сие, посланные закричали: "Нет, не сходи, святой отче, но пребывай на столпе: теперь мы знаем, что начатое тобою дело – от Бога. Да будет же Он тебе помощником до конца"».

После кончины преподобного вокруг места его стояния был построен монастырь святого Симеона Столпника (Калат-Семан). Он располагается к северу от сирийского города Алеппо. В монастыре сохранились остатки столпа святого.

Вскоре у Симеона появляется много последователей, а в церковном искусстве начинает формироваться традиция изображения святых столпников.

Так, к примеру, одно из самых ранних изображений преподобного Симеона происходит из Сирии и датируется 500 годом (на данный момент оно хранится в Лувре). Икона выполнена в технике чеканки. На небольшой пластине изображена колонна, на верхней площадке которой находится святой Симеон. С левой стороны к колонне приставлена лестница, а с правой находится огромная фигура извивающегося

змея с раскрытым пастью. Можно предположить, что змий в данном случае символизирует те искушения, с которыми боролся святой. Морская раковина с жемчужиной внутри, изображенная над головой столпника, является образом Христа, воплотившегося во чреве Пречистой Девы Марии. Впоследствии этот мотив в иконографии столпников встречаться почти не будет, но в ранний период формирования системы образа он несет важную смысловую нагрузку: установление подвига столпничества как подражание крестному пути Спасителя. Непосредственное изображение лика Христа над головой Симеона Столпника встречается на миниатюре, иллюстрирующей четвертый псалом «Хлудовской псалтири», византийского памятника XI века, хранящегося в государственном историческом музее (ГИМ) (*на иллюстрации справа*).

Становление традиции

Несмотря на то что изображение столпников появляется практически одновременно с самим подвигом, традиционная узнаваемая иконография формируется лишь к X веку. В древнейшем из сохранившихся иллюстрированных манускриптов — Минология императора Василия Второго, созданном в 980-х годах, — можно встретить сразу несколько изображений святых этого чина святости.

На миниатюре из этого агиографического сборника, иллюстрирующей житие преподобного Симеона, святой изображен в монашеских одеждах на вершине античной колонны (*на иллюстрации вверху*). На вопрос, почему колонна античная, есть несколько ответов. Во-первых, стоит вспомнить, что в византийских храмах действительно использовались фрагменты руин античных построек, так называемые сполии. Во-вторых, в контексте анализа иконографии важна сама трактовка этого образа, а именно то, что одним из значений восхождения преподобного на столп было низвержение почитания языческих идолов. Особую роль играет жест рук святого Симеона. Они находятся на уровне груди и повернуты ладонями к

зрителю. Традиционно такое положение рук считается жестом принятия благодати и часто встречается в изображениях столпников.

Персонажи, помещенные у подножия колонны, скорее всего, посланники отцов-пустынников, которые сначала призывали святого сойти со столпа, а затем признали благословение Божие на его подвиг.

В Минология есть миниатюра, изображающая еще одного преподобного столпника – Луку Нового (ок. 970-980) (*на иллюстрации внизу*).

Святой принял монашество и преуспел в иноческом житии. Ревность о духовном совершенстве сподвигла его обложить свое тело железными ветригами и взойти на столп. Пребывая на нем, он соблюдал строгое воздержание, в продолжение шести дней недели не принимал никакой пищи и только в седьмой день вкушал приносимую ему просфору и немного овощей; так на столпе провел он три года. Затем отправился на гору Олимп и, в конце концов, удалился в город Халкидон, где вновь взошел на столп и провел на нем сорок пять лет, прославляемый многими чудесами.

Трактовка образа преподобного Луки в данном памятнике во многом схожа с изображением Симеона, за исключением житийных подробностей. Так, столп святого Луки изображен в воде, а на заднем плане мы видим гору. Вероятно, это Олимп – когда-то почитаемое языческой античностью место, но освященное присутствием преподобного. В целом, данный пример говорит об уже сложившейся типологии образа столпников в церковном искусстве.

Но подвиг столпничества мог проходить не только на высокой башне или колонне. Так, например, преподобный Давид Солунский (ок. 540 года, память

26 июня), подвизавшийся в монастыре святых мучеников Феодора и Меркурия, поселился близ города Солуни (Фессалоники) и устроил себе шалаш на миндальном дереве, где прожил 70 лет. Он нес свой подвиг, пребывая в постоянной молитве, соблюдая строгий пост, терпя зной и стужу. Преподобный Давид получил от Бога дар чудотворений, многих исцелил от болезней. Всем, приходившим к нему, святой подвижник давал душеполезные советы. В связи с особенной формой столпа в иконографии преподобного Давида мы видим отход от установившейся типологии образа – подвижника на вершине колонны. На стенах парекклисиона монастыря Хора (Кахрие-Джами, 1316 – 1321, Константинополь) художник сохраняет поясной формат и жест принятия благодати, но изображает святого не на колонне, а на кроне дерева.

Впоследствии такая иконография закрепится за Давидом Солунским. И уже в XV веке на греческой иконе, происходящей из афонского монастыря Ватопед, мы видим, что Симеон изображен на колонне, а Давид – на кроне дерева (*на иконе вверху*).

Образы русских подвижников

На Руси приход столпничества связан с именем преподобного Кирилла, епископа Туровского (ум. 1183). Через некоторое время после принятия пострига в Борисоглебском монастыре, находившемся близ Турова, святой Кирилл заключил себя в столп, где некоторое время и пребывал, подвизаясь в посте и молитве. Тут он составил много благочестивых сочинений, чем приобрел известность во всей окрестной стране. Впоследствии Кирилл был поставлен в епископы города Турова. От современников он получил именование русского Златоуста.

На иконе преподобного Кирилла изображают со свитком в руках, так как, помимо подвига столпничества, святой оставил множество литургических и гомилиетических сочинений.

Что касается самого раннего примера изображения столпников на Руси, то он относится к XIV веку. Это фрески Феофана Грека (1340-1410) в церкви Спаса Преображения на Ильине улице в Великом Новгороде. В камере на хорах храма художник изобразил святого Симеона старшего, Симеона младшего Дивногора и Алипия. Феофан не случайно выбирал величайших духовных подвижников христианской веры, удостоенных лицезрения Господа в сиянии Божественного света. Будучи приверженцем исихазма, Феофан Грек изображает столпников, как бы объятых пламенем нетварного света (*на фресках вверху*).

Традиция несения подвига столпничества на Руси шла своим особым путем.

Преподобный Никита Переславльский (ум. 1186) устроил столп для своих подвигов, который находил-

ся не поверх, а внутри земли. Это была круглая яма или просто пещера.

К числу столпников Русской Церкви также причисляется преподобный Нил Столбенский, основавший в XVI веке монастырь на озере Селигер. Особым подвигом святого Нила было то, что он не ложился для сна, но спал сидя, опираясь на два больших деревянных крюка, вбитых в стену кельи.

Двадцать семь лет прожил преподобный Нил на Столбном острове, с великим терпением перенося всякие напасти, скорби и лишения.

Традиция изображения Нила Столбенского является собой уникальный пример деревянной скульптуры на Руси. Преподобного изображают в схимнических одеждах опирающимся на крюки и пребывающим в молитве. Скульптурное изображение святых не имело масштабного распространения в нашей стране, и огромное количество статуэток преподобного Нила, сохранившихся и по сей день изготавливаемых, — беспрецедентное явление в русском церковном искусстве. Из русских святых, принимавших на себя подвиг столпничества в последующие времена, стоит вспомнить преподобного Серафима Саровского

(ум. 1833). Преподобный нес такой подвиг 1000 дней и ночей. Каждую ночь он поднимался на огромный камень в лесу и молился с воздетыми руками, взывая: "Боже, милостив буди мне грешному". Днем же он молился в келии на принесенном из леса камне, сходя с него только для краткого отдыха и подкрепления тела скучной пищей. Иконография преподобного Серафима сложилась в период доминирования живописного стиля в русском церковном искусстве, поэтому мы часто встречаем образы, на которых святой изображен в свободной от строгого иконописного канона манере. Обычно это сцена моления на камне в лесу (*на иконе слева*).

Итак, почти полтора тысячелетия живет среди православных подвижников подвиг столпничества. Зародившись в Сирии еще в V веке, он нашел своих последователей среди величайших русских святых. И хотя сложившаяся традиция иконографии столпников в целом не претерпевала сильных изменений,

в разные эпохи церковное искусство всегда старалось подчеркнуть уникальность и неповторимость этого сложного подвига, который возлагали на себя решившие во всем следовать за Спасителем.

НА ЗАМЕТКУ ПАЛОМНИКУ

В ХРАМЕ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО Высоко-Петровского мужского монастыря города Москвы находится скульптурный образ преподобного Нила Столбенского с частью его святых мощей. Мощи были переданы в 2010 году наместником Нило-Столобенской пустыни архимандритом Аркадием (Губановым) в связи с возобновлением монашеской жизни в Высоко-Петровском монастыре. Святыня располагается в ХРАМЕ СПРАВА ОТ ВХОДА, РЯДОМ С ГЛАВНЫМ ИКОНОСТАСОМ. Обычно во время богослужения там молится братия обители, поэтому желающие поклониться святыне могут подойти к образу или перед началом богослужения, или сразу по его окончании. Богослужения в Высоко-Петровском монастыре совершаются ежедневно, начало в 8:00 и 17:00. В праздничные и воскресные дни в Сергиевом храме совершается поздняя монастырская Литургия в 9:00.

Костомарово. Русская Каппадокия

Голгофа в натуральную величину, Гефсиманский сад на склоне холма, гора Фавор, очертаниями ландшафта напоминающая Иерусалимский прототип. Для людей, населяющих Костомаровскую землю (что под Воронежем), эти топонимы были «своими», привычными еще до возобновления здесь Спасского женского монастыря.

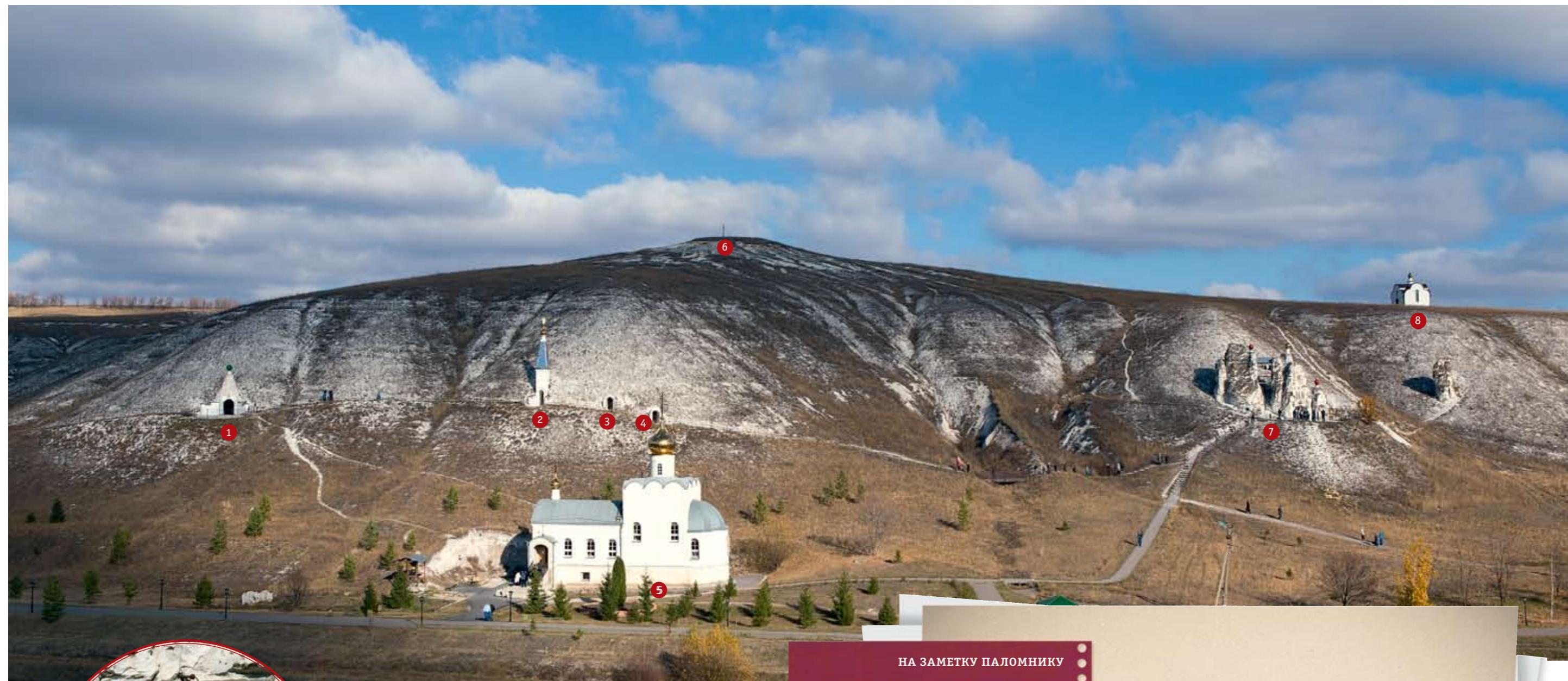
Когда эти названия появились – неизвестно. Тайной покрыто и происхождение меловых подземных храмов обители...

ОЩУЩЕНИЕ БЛИЗОСТИ ИНОГО
МИРА, ТАК НЕПОХОЖЕГО НА
НАШУ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ,
ВЫЗЫВАЕТ И УДИВИТЕЛЬНО
ПРЕКРАСНАЯ В СВОЕЙ
АСКЕТИЧНОСТИ ПРИРОДА,
И, В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ,
ПЕЩЕРНЫЕ ХРАМЫ И КЕЛИИ,
РАСПОЛОЖЕННЫЕ В ТОЛЩЕ
МЕЛОВОЙ ГОРЫ. НЕОТСТУПНОЕ
СТРЕМЛЕНИЕ К СВОЕМУ
ТВОРЦУ, НАВЕКИ ЗАПЕЧАТ-
ЛЕННОЕ В МОГУЧИХ МЕЛОВЫХ
СВОДАХ И СТОЛПАХ ПЕЩЕР-
НЫХ ХРАМОВ, СМИРЯЕТ НАШУ
ГОРДЫНЮ И ПРОБУЖДАЕТ
В ДУШЕ ПАМЯТЬ О ВЕЧНОМ

ищущая Елена (Золотухина)

- 1 Храм Преподобного Серафима Саровского
- 2 Пещера столпника
- 3, 4 Затворнические кельи
- 5 Храм Божией Матери "Взыскание погибших"
- 6 Поклонный крест на горе Голгофе
- 7 Спасский храм
- 8 Часовня священномученика Петра (Зверева), воздвигнутая в память блаженного Петра (Еременко)

НА ЗАМЕТКУ ПАЛОМНИКУ

● Адрес: 396532, Воронежская область, Подгоренский район, с. Костомарово, ул. Монастырская, 1 ● Телефон: (473-94)5-46-37 ● Электронная почта: smonastyry@gmail.com ● Будни: Литургия – 7:00, вечернее Богослужение – 17:00. ● Воскресные дни: Литургия – 8:30, вечернее Богослужение – 17:00. ● В праздничные и двунадесятые дни – 7:30. ● Пещерные храмы открыты для посещения. будни: с 9:00 до 17:00; субботние, воскресные, праздничные дни: с 10:30 до 16:00. ● Время проведения экскурсий: будни – с 9:00 до 17:00; накануне воскресных и праздничных дней, по воскресеньям и в праздники с 11:00 до 16:00. ● В монастыре имеется гостиница для размещения паломников. ● Для организованных групп заказ экскурсий не менее, чем за 3 дня по телефону: (473-94)54-637. ● Источник Тихвинской иконы Божией Матери находится примерно в 2-х км от монастыря на берегу реки Дон. ● В день памяти Тихвинской иконы Божией Матери, 9 июля, из монастыря по окончании Божественной Литургии совершается крестный ход с праздничным молебном и освящение воды на источнике.

Зеркало принимает образы того, к чему обращено... Так и человеческая душа: к кому любовью обращается, то в ней и видно. Когда к Богу обращается — образ Божий силою Святого Духа в ней изображается, когда к земным и мирским вещам склоняется — земной образ начертывается в ней

Святитель Михон Задонский

ВНЕ ЗОНЫ ДОСТУПА

От Москвы до села Костомарово в Воронежской области на поезде — ночь пути. С вокзала до Спасского монастыря добраться можно на попутке или автобусе, который, однако, ходит не часто. Нас же встречает водитель, с которым мы договорились заранее. Его замечание — "в монастыре не работают телефоны и отсутствует интернет" — приводит нас в искренний восторг: «Вот и славно! Хоть в тишине побудем».

Для начала осмотрели окрестности. Село Костомарово — одно из старейших поселений Придонья — встретило нас великолепным разноцветием осеннего пейзажа. Как на открытке: широкий Дон, рыбак в лодке, шелковистый ковыль на ветру, святой источник. Мы успели подняться на большой холм с одинокой березой на вершине и сделать панорамные снимки. И только после спонтанного променада отправились в монастырь, где нас уже ждала благочинная обители, монахиня Сергия.

Первая особенность Костомаровского монастыря, которую отмечаешь сразу, — тишина; мирской суете не даются стены обители. Монахини, едва завидев объектив фотокамеры, прятали глаза. А мать Сергия с улыбкой сказала нашему фотографу: «Ваш фотоаппарат — как пушка в лицо!»

— Мы ушли от мира и очень смущаемся, когда приходится общаться с журналистами. Мы не хотим ничего напоказ, — поясняет она. — У нас в монастыре даже сотовой связи нет.

Чувствуем себя неловко: с диктофоном и фотоаппаратами в руках мы здесь как белые вороны. Ощущение неуместности современных технологий будет сопровождать нас в течение всех трех дней пребывания в обители. Однако позже свои снимки, сделанные во время послушаний, монахини рассматривали с детским любопытством!

— Отделенности от мира мы не ощущаем, особенно в летнее время, когда в монастырь приезжает много

паломников, — отмечает игумения Елена. — Затишье у нас бывает с конца осени до начала весны.

На вечерней службе некоторые молитвы звучат на греческом языке. В праздники или по вдохновению по-гречески поют "Кирие Элейсон", Трисвятое и другие молитвы.

Литургия совершается каждый день. Окормляют обитель три священника. Богослужения в основном проходят в наземном храме, освященном в честь иконы Божией Матери «Взыскание погибших».

— В монастыре сложный, неустойчивый для строительства грунт — в нем много мела. Поэтому этот храм сначала был построен очень маленьким, а когда людей стало приезжать больше, к нему пристроили трапезную часть, — рассказывает мать Сергия. — На Рождество Христово и Крещение у нас много паломников и нижний храм с трудом вмещает всех желающих помолиться. Возможно, в перспективе возникнет необходимость строительства нового, более вместительного храма. Если на то будет воля Божия, Господь пошлет людей, которые помогут совершить это благое дело.

В пещерных храмах богослужения бывают на Рождество Христово и Пасху, в престольные праздники (1 и 29 августа, 30 сентября). В летнее время в Спасском соборе Божественную литургию служат каждое воскресенье. Ежегодно 1 августа, в день памяти преподобного Серафима Саровского, вокруг обители совершается крестный ход, на который съезжается множество богомольцев.

— В этом году была сильная жара, — отмечают сестры, — мы сомневались, пройдем ли по меловым горам и оврагам, но Господь дал сил. Один приезжий батюшка переживал, что не дойдет, а когда дошли, воскликнул: «Как, уже все?!»

Главная святыня монастыря — чудотворная икона Богородицы Костомаровская. На ней шесть отверстий от пули, выпущенных в лики Девы Марии и

Младенца Христа богоборцами в годы жестоких антицерковных гонений XX столетия. Образ написан на листе металла художником В. В. Шокоревым, жившим в конце XIX - начале XX века. Ростовое изображение Божией Матери в багровом мафории и синей тунике с Богомладенцем на руках иконографически напоминает «Валаамскую» и «Благодатное Небо». Раньше икона находилась в пещерном храме Спаса Нерукотворного, но после реставрации специалисты порекомендовали для лучшей сохранности установить ее в теплом и сухом месте. Сейчас образ постоянно пребывает в наземном храме Богоматери «Взыскание погибших», а на его прежнем месте — список, с удивительной точностью выполненный местным иконописцем. В 2002 году Костомаровская икона кровоточила...

Еще одна читаемая икона монастыря — «Святое семейство» с изображением отрока Иисуса, Девы Марии и Иосифа Обручника в трудах. Написана она в живописном стиле, просто и безыскусно. На литографии 1911 года этот образ назван «Святое Семей-

Монахи – это воины Христовы. Чем больше таких воинов, тем лучше общество в целом. Мирским зачастую некогда молиться, у них дела, работа, а наше призвание и задача – молитва Господу за мир. Монах каётся в своих личных грехах и молится за тех, кто просит его об этом монахиня Нектария

ство – учитель труда». Перед иконой множество свечей, возжигаемых паломниками, в вазах живые цветы, долго сохраняющие свою свежесть благодаря высокой влажности в пещере.

– Икона редкая. Мы привыкли видеть изображение Господа во славе, на престоле, а здесь он – простой труженик. Христос с родителями жили скромно, даже бедно, в любви и терпении. Святое Семейство все переносило благодушно. Поэтому и мы должны быть снисходительны друг к другу, каждый из нас в любой момент может упасть. По словам святых отцов, мы, как морские камешки, трепимся острыми углами друг об друга так, что порой искры летят,

зато потом гладкими становимся. Главное – уметь оправдывать человека, поставить себя на его место, и тогда Бог даст благодать правильно понять ближнего, потому что своими силами это не всегда возможно. Господь радуется, когда мы любим друг друга и прощаем, ведь Он наш Отец, а мы Его дети...

В обители также почитается написанная на фанерне икона святого Феодосия Черниговского, подаренная монастырю при открытии. Перед ней традиционно молятся об успехах в работе и учебе, поэтому студенты в Костомарово частые гости.

– Сейчас в обители 30 человек, все из разных областей страны, – рассказывает матушка Елена. –

ФОТО: ДАНИИЛ АФРИН

Желающим иноческого жития для начала необходимо просто пожить в обители. Человек должен на деле понять, что им движет. Не является ли его желание эмоциональным порывом, который быстро проходит, или некой мечтательностью, ничего общего не имеющей с реальной жизнью. Монашество – это Божие призвание, когда человек понимает, что это его путь. Что скорби, которые он испытывает, – его скорби; радости, которые обретает, – его радости; и ни на что другое он не желает этот путь променять. В монастыре начинается истинное самопознание человека, далеко не всегда для него приятное. Он должен быть готов здраво и честно взглянуть на самого себя. И, чем глубже человек познает себя, тем синхронительнее становится к ближним. На этом пути мы в обители все новоначальные, только постигаем азы монашеской жизни и о высокой аскезе не говорим.

ДИВЫ ДИВНЫЕ

В день нашего приезда погода стояла хмурая. Асфальтовое небо не оставляло надежды полюбоваться прекрасными видами Костомарово, о которых нам красочно рассказывали перед поездкой. Однако воскресным утром, в день памяти апостола Фомы, с одной стороны небо долины окрасилось в васильковый цвет, а с другой, над пещерами, разлилась густая пронзительная синева – словно распростерся богородичный покров. Мы не верили своим глазам, столь разительным было преображение!

Костомаровские пещеры, живописный ансамбль из подземных меловых сооружений (див), – свидетельство колоссальной духовной силы, которой обладали их безымянные создатели. Главный собор пещерного комплекса в честь Спаса Нерукотворного – самый древний, вход в него расположен у основания двух див, соединенных звонницей. На запад по склону три небольшие пещеры – бывшие кельи монахов-затворников. Отсюда узкая дорожка ведет к храму преподобного Серафима Саровского, особенностью которого являются вырезанные в меловой породе иконы и Распятие Спасителя. Чуть поодаль – длинный, темный извилистый коридор с низкими сводами, наполненный неземной тишиной. Здесь забывается мирская суeta... Это Пещера покаяния. Описать прочувствованное нами сакральное пространство словами – невозможно. Фотографии тоже бессильны...

– Все, что созидается в обители, делается с помощью благодати Божией, которая здесь пребывает –

ЭТИ ХРАМЫ НЕ ОДНО СТОЛЕТИЕ ХРАНЯТ В СЕБЕ ТАЙНУ ИМЕН СОЗДАТЕЛЕЙ, ТАЙНУ ИХ ПОДВИГОВ, МОЛИТВЕННЫХ ВОЗДЫХАНИЙ И ПОКАЯННЫХ ТРУДОВ. И БЕЗ ВСЯКИХ СЛОВ, САМИМ СВОИМ СУЩЕСТВОВАНИЕМ ОНИ ЯВЛЯЮТ НАМ СИЛУ ДУХА И ВЕРЫ НЕВИДИМЫХ ПОДВИЖНИКОВ, ТЕХ, «КОТОРЫХ ВЕСЬ МИР НЕ БЫЛ ДОСТОИН», КОТОРЫЕ «СКИТАЛИСЬ ПО ПУСТЫНЯМ И ГОРАМ, ПЕЩЕРАМ И УЩЕЛЬЯМ ЗЕМЛИ» (Ев..11:38) игумения Елена (Золотухина)

нашими немощными трудами мы не смели бы ничего создать. Господь всегда рядом, — говорит матушка игумения.

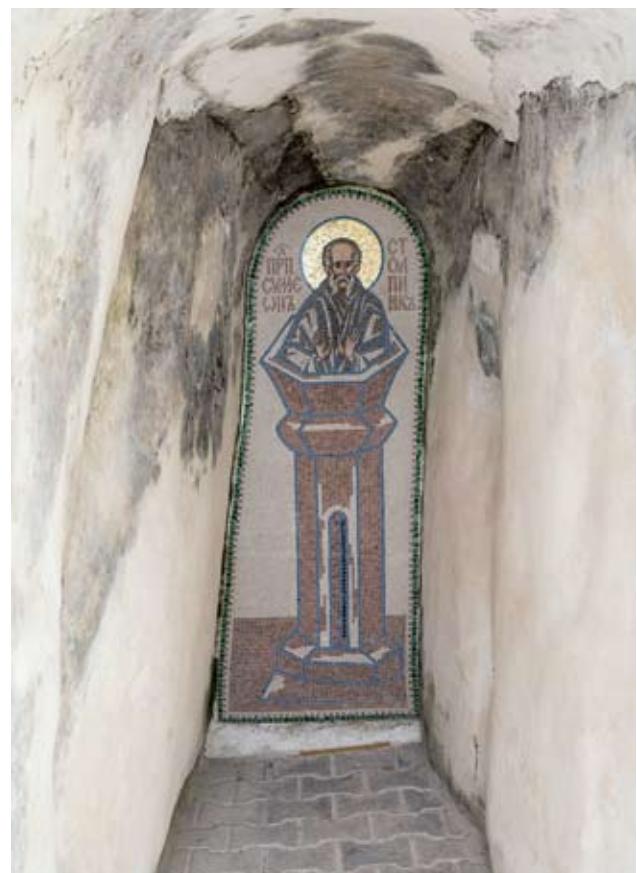
Многие отмечают сходство Донских подземных монастырей с древними пещерными сооружениями Каппадокии. Природный ландшафт Костомаровской обители тоже местами поразительно похож на причудливую скалистую местность Малой Азии. Меловая гряда тянется на 180 км, захватывая Волгоградскую, Белгородскую и Воронежскую области. Это бывшее морское дно. До сих пор попадаются ракушки, даже сухие водоросли разбросаны. «Кидаешь их в стаканчик с водой, и они расправляются», — замечают сестры.

О времени появления пещерных храмов не сохранилось никаких письменных свидетельств. Лишь гипотезы, помноженные на устные предания и воспоминания старожилов. Отсюда — множество легенд, сопровождающих историю происхождения пещерных див (от слова *диво*) и затворнических келий. Но существует общее мнение, что создавались они в несколько этапов.

Внутреннее строение пещер, где в уникальном орнаменте переплетаются различные культуры, не

одинаково: в храмах больше пространства, а в Пещере покаяния и кельях затворников узкие коридорчики, углубления и ниши. Такие постройки характерны для Киево-Печерской лавры.

После литургии мать Сергия показывает нам церковную лавку: сестры мастерят стеллы из мела с изображением Божией Матери Костомаровской, шьют рушники для образов, косынки, которые освящаются на чудотворной иконе и мощевиках, крестильные наборы и рубашки для детей и взрослых.

Берём два редких образа Спасителя «Пастырь Добрый» с овечкой на шее. Такая же икона есть в Пещере покаяния.

Из Костомарово обязательно следует привезти разнотравье — лечебный чай из трав с окрестных полей. Второй год сестры едят свой мед, его также можно приобрести в местной лавке. Ульи расположены вне монастыря, за горами, где растет много лип и акаций. Молоко, кефир, масло, сметана, сыр, яйца — все это в обители собственного производства.

Позднее мы неспешно вкушали монастырский обед из вышеперечисленного, ожидая сестру, которая проведет для нас экскурсию по пещерным храмам. За столом напротив монахиня с книгой. Оказалось, она и есть наш гид — давно на месте и спокойно ожидает, пока журналисты окончат трапезу. Мы сразу прониклись симпатией к матери Нектарии, ее спокойному голосу и радостным глазам.

ДЕДУШКА В БЕЛОМ БАЛАХОНЕ

Первый пункт экскурсии — Спасский храм. Когда-то его украшали прекрасные росписи, золотились оклады икон. Сегодня это гладкие с зеленоватой пlesenью меловые стены. Большинство икон сестры вынесли из пещер: от сырости они плесневеют. Их приносят сюда в праздники, крепят на колоннах, а потом вновь уносят.

Поднимаясь по ступенькам в гору, монахиня Нектария рассказывает: «Почему меловые скалы над пещерными храмами называют «дивами»? Потому что удивительные, Богом созданные, чтобы человек удивлялся, радовался. Такое название встречается и в научных трудах. Дивы созданы путем многовекового естественного воздействия ветра и дождей. Говорят, в древности они были выше, но местные жители

спиливали верхушки для постройки погребов. Сейчас часть уничтоженных див восстановлена. В советское время все было разрушено, храмы находились в запустении. В пещеры кидали гранаты, там образовались пустоты и обвалы».

Останавливаемся перед входом в храм: в солнечном свете искрятся кресты на куполах, переливаются краски на мозаичных иконах, выполненных уже в наше время. И надо всем этим великолепием лазурное небо без единого облачка.

— А это наш «сторож», он нас охраняет, — обращает внимание мать Нектария на одну из див. — Эта скала напоминает монаха, у него даже борода и скуфья есть.

И правда, приглядевшись, различаем человеческую фигуру, застывшую в камне...

Притвор храма имеет углубления. Когда-то здесь было три входных двери, которые, главным образом, выполняли защитную функцию во время частых нападений кочевников. В момент опасности мо-

нахи закрывали все двери, уходили вглубь пещеры, с других трех сторон их закрывала сама гора — как в крепости. Запасы хлеба и воды в пещерных храмах милостью Божией были всегда.

Раньше монахи жили в пещерах, но не в такой сырости, которая наблюдается сегодня, поскольку была хорошая вентиляция. Благодаря правильной вытяжке, температура внутри пещеры держалась в пределах 15 градусов тепла круглый год. На вопрос, живет ли кто-то здесь сейчас, монахиня Нектария улыбается: «Возможно, но мы приходим сюда только помолиться».

На стенах притвора вырезаны инициалы, даты, кресты.

— Искусство наших паломников. Людям хочется, если не написать что-то, то хоть крестик оставить на память.

Такие крестики, к слову, в пещерах практически повсюду, несмотря на развесенные сестрами объявления с просьбой не писать на стенах меловых див.

— Во времена запустения, бывало, молодежь на мотоциклах взлетала в гору забавы ради, — вздыхает наш экскурсовод. — Но знаете, некоторые из них приезжают в обитель, каются: «Как мы могли это делать?!»

Продвигаемся вглубь пещеры, слева ниша, где в древности находилась плащаница Божией Матери — место особой благодати.

— Когда монастырь восстанавливался и людей было мало, из ниши с плащаницей волнами шло благоухание. Теперь это уже прикровенно. Понимаете, раньше люди молились из глубины души, причем постоянно. А мы не умеем молиться, «поболтаем», грубо говоря, и все на этом. Преподобный Серафим Саров-

ский так пламенел любовью к Богу — вокруг него снег таял, когда он молился. Нам даже понять эти категории сложно: мы живем в другой плоскости.

— Возрождение обители началось в 1997 году, когда в Костомарово приехали три монахини из Задонска: Дионисия, Иасафа и первая настоятельница матушка Серафима, — продолжает мать Нектария. — Здесь ничего не было — пустырь. Поставили им два железных вагончика и все — спасайтесь. Повторяя подвиг предков-христиан, монахини безропотно переносили морозные снежные зимы, когда, чтобы не замерзнуть во сне, спали в вагончике по очереди, возили из деревни воду на санках, а когда заметало дороги, растапливали снег. Надежды на полноценную монастырскую жизнь было мало. Но помогали добрые люди, которых Господь приводил сюда, привозили хлеб, еду. Местные власти заасфальтировали дорогу, без которой тут попросту был бы остров, окруженный водой, монастырь-то в низине. Добровольцы расчистили стены пещерных храмов от копоти. Ну а чтобы возводить обитель — да кто ж сюда пойдет! Однажды отцу Александру Долгушеву, благочинному, приснился сон, в котором он шел в глубине пещеры, где мы с вами сейчас находимся, навстречу ему выходит старец и говорит: «Видишь, какие стены черные! Будете их очищать, вместе с этим будут очищаться ваши души». Отец Александр поехал к митрополиту Мефодию, рассказал ему о видении и услышал в ответ: «Я же говорил: надо возрождать монастырь, а ты сомневался!» Постепенно стали строиться, и, к общему удивлению, все зашевелилось — Господь благословил.

— Монахи — это воины Христовы. Чем больше таких воинов, тем лучше общество в целом. Мирским зачастую некогда молиться, у них дела, работа, а наше призвание и задача — молитва Господу за мир. Монах каётся в своих личных грехах и молится за тех, кто просит его об этом. Опыт революции показал, что отрицание бытия Бога и Церкви к добру не приводит. Я выросла в обычном светском обществе, особо не имела дарований, к молитве в том числе. Постепенно Господь так управил, что заинтересовалась Православием, стала ходить в храм, изучать историю Церкви. И мне так понравилось, я почувствовала — вот где хорошо! Приехала пожить в Костомарово и осталась, поняла, что это мое. Монашество — это призвание от Бога. Как в любой профессии есть люди, отмеченные особым даром, — врачи, военные,

РАНЬШЕ ЛЮДИ МОЛИЛИСЬ ИЗ ГЛУБИНЫ ДУШИ, ПРИЧЕМ ПОСТОЯННО. А МЫ НЕ УМЕЕМ МОЛИТЬСЯ, «ПОБОЛТАЕМ», ГРУБО ГОВОРЯ, И ВСЕ НА ЭТОМ. ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ САРОВСКИЙ ТАК ПЛАМЕНЕЛ ЛЮБОВЬЮ К БОГУ – ВОКРУГ НЕГО СНЕГ ТАЯЛ, КОГДА ОН МОЛИЛСЯ. НАМ ДАЖЕ ПОНЯТЬ ЭТИ КАТЕГОРИИ СЛОЖНО: МЫ ЖИВЕМ В ДРУГОЙ ПЛОСКОСТИ *монахиня Нектария*

учителя, — так и в монашестве. Главное, следовать голосу совести. Тогда, даже если путь будет трудным, он все равно будет радостным. Поэтому нужно найти свое призвание в жизни и выполнить послушание перед Богом. В этом случае будет удовлетворение: и самому человеку хорошо, и рядом с ним хорошо; и себя не мучает, и других.

В Спасском храме мы осмотрели придел святых мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии — изящный, красивый. В этом приделе в основном расположены иконы с изображением святых жен: мучениц Екатерины, Татианы, Елизаветы Федоровны, преподобных Марии Египетской и Евфросинии

Полоцкой. Акустика в храме потрясающая, служба слышна в каждом уголке помещения.

— Пример святых мучениц показывает, что ничто не мешает нам быть с Богом: ни богатство, ни юность, ни старость. Если человек хочет быть с Богом, он будет с Ним.

Со свечой в руке мать Нектария углубляется в темный коридор пещеры.

Останавливаемся перед Крестом с изображением Спаса Нерукотворного, вырезанным в толще меловой стены. В годы богооборчества на этом месте было крупно написано слово «шут». Такое встречалось и в древности, когда на месте языческих капищ

Костомарово привлекает большое количество людей. Многие отмечают, что испытывают здесь отдохновение, облегчение в скорби, радость, внутренне раскрепощаются, набираются света, тепла, любви. Монастырь назван в честь Самого Спасителя, поэтому, думается, всех, кто сюда приезжает, приглашает Сам Бог. Это сложно объяснить словами, это просто чувствуешь *монахиня Сергия*

созидали христианские храмы. «Господь — Творец, любое зло Он может претворить в добро», — улыбается мать Нектария.

Проходим в ту часть храма, где молились старцы-схимники.

— Для монашествующих слава человеческая — яд, поэтому схимники молились в тайне.

Хлеб и воду затворникам передавали через крохотное окошко, а саму келью замуровывали. Глубокие ниши в стенах, вероятнее всего, предназначались для мощей, которые тут когда-то были. В лихолетье ниши засыпали, и потом, когда обнаруживали пустоты в стенах, вскрывали их, обыскивая гробы в поис-

ках золота. Но, к собственному разочарованию, находили только свечи.

На следующем повороте, справа от коридора, маленькая келья с распятием в углу. На стене пулеевые отверстия, в стеклянной рамке — засохшие багровые пятна. Мать Нектария поясняет: «Пятна проявились при очищении стен от копоти. Мы не можем утверждать, что это кровь, но, возможно, Господь таким образом нам напоминает, что здесь пролилась человеческая кровь ради Христа. Поэтому первая игумения монастыря Серафима благословила взять пятна в рамочку, чтобы люди прикладывались, прошли крепости душевной и телесной. В военные годы

основные святыни монастыря были вывезены, над монахами устроили расправу — жестоко били, мучили, а потом расстреливали, хотя ни политической, ни социальной угрозы они не представляли».

Поднимаемся на поверхность.

— У многих, кто уходил в монастырь, родные были неверующие. Проходят годы, и начинаешь думать, что, наверное, человек не меняется и твои молитвы остались бесплодными. А потом поговоришь с ним и осознаешь, что у него вдруг изменилось восприятие мира и он даже больше тебя в чем-то понимает. Значит, все не зря.

Направляемся к затворническим пещерам и храму преподобного Серафима Саровского.

В монастыре три затвора. Заходим в «квартиру» монаха-отшельника, метр на метр. В углу каменный «столик» с иконами и свечами, которые оставляют паломники, маленькое отверстие в стене для приема пищи. Вход замуровывался снаружи. В других затворнических кельях — мозаики с изображением преподобных Арсения и Симеона Столпника, святых Прохора и Иоанна Богослова.

Храм святого Серафима Саровского — самый «молодой» в Костомарово.

— По преданию, его построили в 1903 году, как раз тогда прославили батюшку Серафима. В этом храме преподобный явился одному рабочему, когда еще не было монастыря. Во время восстановительных работ мужчина внезапно увидел молящегося дедушку в белом балахоне и в ужасе выскоцил из пещеры. Храм сразу закрыли, кто-то поехал за благочинным, другие остались караулить, чтобы старец не сбежал. Но когда вновь открыли двери, внутри никого не было. На иконе святого Серафима Саровского рабочий узнал старца в балахоне.

Напоследок мы посетили Пещеру покаяния и поднялись на Голгофу.

— Путь в пещере темный, извилистый, как наша жизнь, — говорит мать Нектария. — Кто-то идет без свечки, в темноте, не зная, что его ждет за поворотом. Неожиданно пещера расширяется, и путника встречает икона Николы Ратного с мечом. По преданию, в глубине пещеры духовно опытный старец принимал исповедь у желающих покаяться в содеянных грехах. Люди выходили отсюда преображенными. Сейчас старцев нет, но покаянный дух присутствует и поныне...

На куртке матери Нектарии белеют буквы «ХВ» — пасхальная радость.

— Нам выдали одинаковые куртки, и, чтобы не перепутать, я вышила на рукаве «Христос Воскрес». Это очень помогает от уныния: я смотрю на эти буквы и сразу вспоминаю Пасху. Когда унываешь, можно пропеть Пасхальный тропарь или канон почтить.

Монахиня Нектария не только провела для нас интереснейшую двухчасовую экскурсию с подробным рассказом о пещерных храмах, но и поделилась мыслями о духовной жизни, за что мы ей крайне признательны.

“НЕ УСТАЮ БЛАГОДАРИТЬ БОГА...”

На следующий день все вернулось на круги своя: промозглая погода, серое небо. Перед отъездом еще раз взбираемся на Голгофу. По этой дороге идут паломники ко Кресту Христову. Издалека белый песок на горе напоминает снег. Порывистый ветер сбивает с ног... Вспоминаются слова матери Нектарии: «У каждого свой крест, своя Голгофа и своя Пасха. Не забывайте, что за Голгофой обязательно будет Пасха Красная».

Присоединяемся к панихиде, которую в часовне священномученика Петра совершил батюшка с группой паломников. «За окном выюга, ветер треплет ковыль, — обратился он к собравшимся после того, как отзвучало последнее «Вечная память», — так и вы направьте свои стопы к Пещере покаяния, дабы там с помощью Божией преодолеть собственную внутреннюю выюгу. А теперь вперед, на Голгофу!»

У часовни три сгорблленные фигуры: старушки, прихрамывая и держась друг за друга, прикладывают к мозаичной иконе на восточной стороне часовни. Вместе идем ко Кресту. Бабушки все повторяют: «Слава Богу, добрались, слава Богу за все!» Когда старушки уходят, остаешься на вершине один пред Крестом...

— Костомарово привлекает большое количество людей, — мать Сергия провожает нас до ворот. — Многие отмечают, что испытывают здесь отдохновение, радость, набираются света, тепла, любви. Наш монастырь назван в честь Самого Спасителя, поэтому, думается, всех, кто сюда приезжает, приглашает Сам Бог. Не устаю благодарить Господа, что я в монастыре. Приезжайте к нам зимой, просто так, не по работе, без фотоаппарата (*смеется*). В это время года у нас сказочно...

Ни одной тайны Русской Каппадокии мы не разгадали. Но в столицу возвращались, вспоминая васильковое небо над Костомарово в день апостола Фомы...

И Преподобный ЛАРИОН ВЕЛИКИЙ

«Бог явил людям
СВОЕГО РАБА
И ПРОСЛАВИЛ ЕГО»

Одним из ближайших учеников преподобного Антония, или, по крайней мере, одним из первых подвижников его круга, был святой Иларион Великий

Преподобный Иларион родился в 251 году в селении Фавафе недалеко от Газы. Родители его были греками, совсем юным они отослали сына в Александрию для завершения эллинистического образования. Он получил классическое среднее образование язычника, пройдя неплохую школу риторики, поскольку вскоре начал ораторскую практику и довольно успешно. Неизвестно, правда, на каком по-прище – адвоката или учителя красноречия.

В Александрии святой Иларион познакомился с христианами, принял крещение и, как положено благочестивому неофиту, резко отодвинул все языческие радости, усердно посещая христианские собрания. Это было время активных гонений императора Диоклетиана, которые в Египте, как известно, приняли особенно яростный характер. Поэтому обретение новой веры грозило немалой опасностью для юного подвижника. Стремился ли тогда он пострадать за Христа или это казалось не его путем, не совсем ясно. Мы знаем, что преподобному Илариону хотелось подражать святому Антонию Великому и Господь привел его к знаменитому монаху. Произошло это около 306 года, когда авва

Антоний вышел из своего двадцатилетнего затвора. Напомним, что результатом предыдущего периода жизни святого Антония было обретение бесстрастия. Поэтому замечания на предмет «строгости нрава великого аввы, обличения и ревности в увещании» оставим на совести блаженного Иеронима Стридонского, написавшего житие святого Илариона.

Можно предположить, что блаженный Иероним перенес на облик преподобного Антония собственные черты. Но что, по-видимому, соответствует действительности, — юный Иларион остро почувствовал, насколько расхищает благодать духовно недисциплинированное человеческое сообщество. Поэтому с некоторыми сочувствующими ему монахами он покинул святого Антония ради большего уединения.

Чему он мог научиться у знаменитого отшельника за два месяца? Антоний Великий ведь и учить-то не любил, а больше утешал приходивших к нему. Молодого Илариона утешать было рано: он и подвига не начинал. Но двух месяцев постоянного и внимательного пребывания со святым человеком достаточно для того, чтобы понять, к чему нужно стремиться, каким должно стать ему самому лет через тридцать-сорок.

А вот другая, более поздняя интерпретация ученичества святого Илариона у преподобного Антония: «Он пробыл некоторое время при святом Антонии, присматриваясь к его равноангельской жизни, усердным и частым молитвам, рукodelию и беспрестанному труду, посту и воздержанию, любви к близким, нестяжательности и иным подвигам иноческого жития». Другими словами, молодой подвижник, несомненно, перенял у великого отшельника чисто внешние детали подвига. И, повторимся, напитался неповторимым ароматом святости преподобного Антония.

Юный Иларион был уверен в помощи Божьей и, возможно, в какой-то степени в собственных силах (по молодости). Поэтому отправился на родину для самостоятельного труда. Раздав бедным и родным причитавшуюся ему часть имущества, юноша поселился в семи римских милях (около 10 км) от города Маюмы. С самого начала он был склонен к предельному нестяжанию. Об этом говорит тот факт, что святой Антоний дал ему кожаную одежду, поскольку у Илариона не было даже теплых вещей.

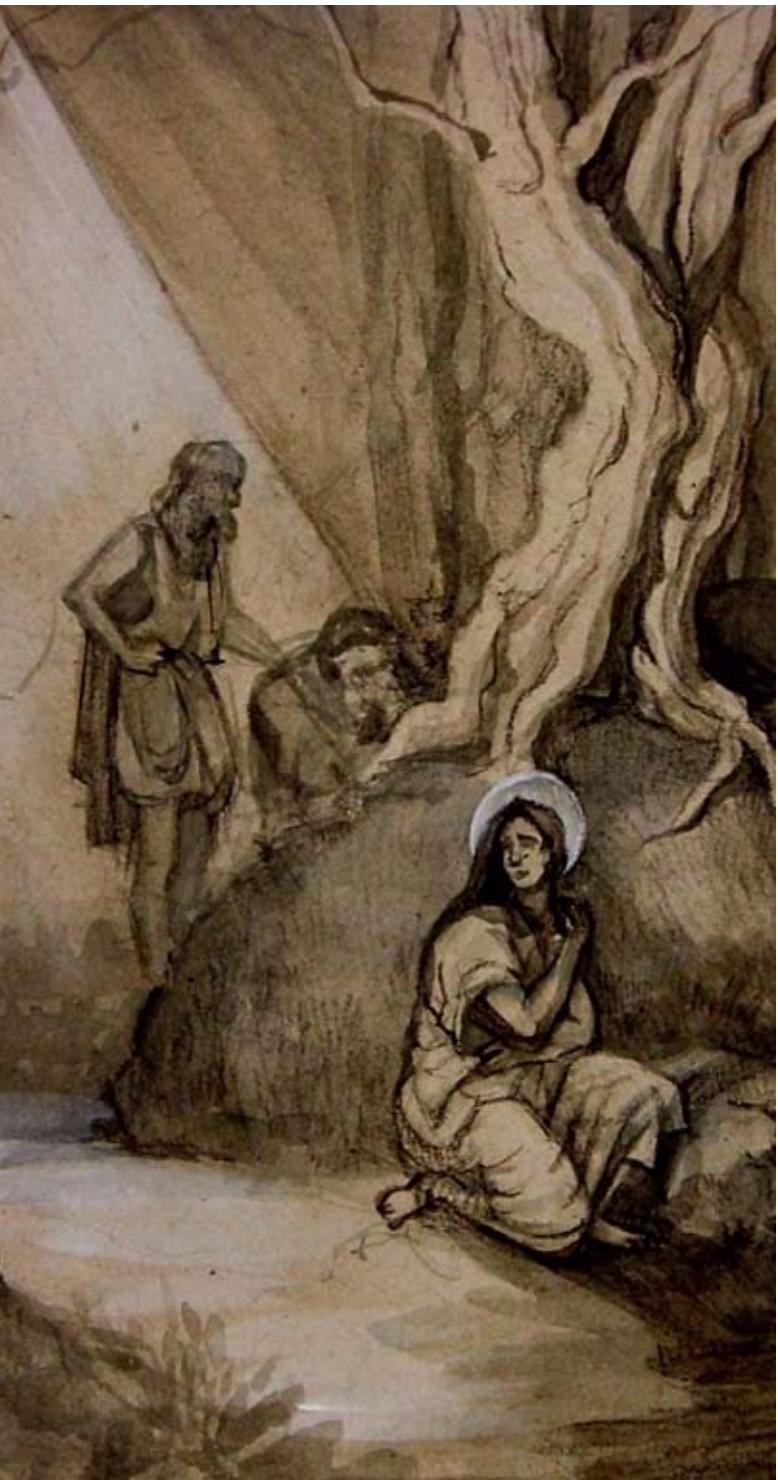
Обстоятельства обрекли его на кочевую жизнь. В той местности было много бандитов, поэтому он по-

стоянно перемещался между озером, болотом и морем. Но Господь хранил будущего святого. Однажды, когда Илариону было 18 лет, его хотели ограбить, но ночью в темноте не нашли. А днем грабители спросили, вроде как в шутку, что бы он стал делать, если б подвергся нападению. «Нагой не боится разбойников», — ответил юноша. — «Но ты можешь быть убит!» — «Могу. Поэтому и не боюсь, что приготовил себя к смерти». После этих слов разбойники искренне покаялись. В старости святой Иларион признался, что смерти все-таки боялся. Конечно, этот страх был Божиим даром и свидетельством смирения преподобного.

Приступив к самостоятельному подвигу, монах начал с «умеренной» аскезы: проводя день без пищи, подкреплял силы небольшим количеством инжира. Со временем порция уменьшалась, а период поста увеличивался. Одет преподобный был весьма скучно: грубая власяница и кожаный плащ святого Антония (надо думать, старенький, ведь разбойники на него не позарились). Довольно долго он жил в шалаше, а потом построил из кирпича-сырца домик, в который можно было только вползти. Там подвижник прятался от непогоды, а спал на голой земле.

Наибольшую проблему представляли бесовские нападения. Каких только помыслов не предлагали ему духи тьмы! Иларион боролся с ними прилежной молитвой, воздержанием от еды по три-четыре дня, физической работой. Подчеркивается, что он старался изгонять помыслы из глубины сердца. Ему являлись призраки и привидения: «плач детей, рыдания жен, рыканья львов, шум и смятение. Во время искушений он осенял себя крестным знамением, вооружался щитом веры и, пав на колени, приносил Богу молитву». Преподобный обесцеливал, призраки не иссякали. То он видел возле себя обнаженных блудниц, то роскошные яства, то воющего волка, то дерущихся гладиаторов. Причем тот, кого убивали, падал к ногам святого и умолял похоронить его. Временами было так тяжко, что он даже бил себя со словами: «Осел, я отучу тебя брыкаться, буду кормить тебя не ячменем, но соломой, голодом и жаждой сделаю тебя слабым... я буду управлять тобой при помощи жары и холода, так, чтобы ты больше думал о еде, чем о распутстве». Преподобный держался очень стойко, изо всех сил стремился обращать ум к Богу и ни на что более. Через два десятилетия он в этом преуспел.

С 330 года началось общественное служение святого Илариона. Проведя в отшельничестве более двадцати

НАГОЙ НЕ БОИТСЯ РАЗБОЙНИКОВ

ПРЕПОДОБНЫЙ ИЛАРИОН ВЕЛИКИЙ

лет, он стал молитвенно помогать приходившим к нему и просившим исцеления. Обращались к преподобному самые разные люди: крестьяне, военные, спортсмены, высокопоставленные вельможи. Вознаграждения он не принимал. Некий с детства одержимый военный чиновник выпросил у императора Констанция эвакуации — командировочные удостоверения, позволявшие пользоваться государственной почтой — честно объяснив императору, что едет лечиться к преподобному Илариону. Естественно, тот его исцелил. Во время посещения случилось интересное: святой авва заговорил на сирийском языке, которого прежде не знал. Аналогичный случай мы находим в жизни нашего современника, афонского старца Паисия Святогорца. Действительно, Господь всегда Один и тот же! Военный чиновник хотел отблагодарить святого большой суммой золотых, но получил от него ячменный хлеб и добродушное, но назидательное замечание: «Те, которые питаются подобным хлебом, золото ценят не больше грязи». Плату, которую ему предлагали за исцеления, преподобный советовал отдавать нищим и причины долгих болезней у людей нередко усматривал в том, что человек большие средства тратит на врачей вместо того, чтобы давать милостыню.

Следует отметить, что бессребреничество было отличительной чертой не только древнего монашества, но и всей древнейшей Церкви. В частной жизни не только рядовые верующие, но и праведно жившие вельможи и даже императоры на себя тратили немного, одевались скромно, ели простую пищу и в малых количествах, а все сэкономленное раздавали бедным. И канонизировали их, по большому счету, не столько за заслуги перед Церковью, сколько за праведный образ жизни. По такому же принципу в древности выбирали священников и архиереев. Известны церковные иерархи, к примеру, святители Спиридон Тримифунтский и Иоанн Милостивый, которые, подвигаясь, прежде всего, на поприще помочи нуждающимся и живя по Христу, будучи мирянами, стяжали благодать чудотворения. Такие люди есть и в нынешней Церкви, но поскольку они еще живы, разглашать их подвиги неуместно. Конечно, во главе этого дивного воинства Христова стояли и стоят подвижники, подобные святому Илариону, то есть отвергшиеся всего совершенно.

Постепенно возле преподобного стали селиться иноски. Слово «монах», как известно, происходит от слова «монос», что означает — «один». Самые древние

иноки духовные подвиги проводили в одиночестве. Бывало, селились по 2-3 человека, строили небольшую халабудку (по-другому сложно назвать домик из пальмовых листьев или саманного (соломенного) кирпича), нередко однокомнатную, больше похожую на гроб, чем на жилье, где можно только кое-как укрыться от непогоды. Иногда к строению лепились одна-две крохотные каморки для хранения еды и рукоделия.

Из жития понятно, что у монахов преподобного Илариона имелись небольшие огородики и виноградники, но заводить деньги, даже в небольших количествах, считалось душегубительным делом. «Он имел отвращение к инокам, которые с некоторою изменой своим обетам берегут собственность на будущее и соблюдают бережливость или в издержках, или в одежде, или в чем-либо другом, что преходит с веком». Преподобный ощущал запах скучности, исходящий от вещей таких людей и даже от того, что росло у них в огороде. По запаху предметов, к которым прикасался человек, святой подвижник мог определить, «каким демоном тот охвачен».

Блаженный Иероним свидетельствует: «Ведь не было тогда монастырей в Палестине, и никто до святого Илариона не знал монахов в Сирии. Он был в этой провинции основателем такого образа жизни и занятия и наставником в нем. В Египте у Господа Иисуса был старец Антоний, а в Палестине — юноша Иларион».

С течением времени количество монахов в окрестностях Газы, которых окормлял Иларион Великий,росло. Насколько можно судить по скучным данным, приводимым блаженным Иеронимом, это были не общежительный монастырь и не лавра, а отдельно стоящие в пустыне келии отшельников, названные в житии монастырями. Вероятно, впоследствии у этой обители сложился какой-то центр, поскольку блаженный Иероним говорит о ее разрушении во время гонений Юлиана Отступника (361-363) и последующем восстановлении. По мнению Й. Хиршфельда, монастырь преподобного Илариона находился близ деревни Дейр-эль-Балах (дословно «Монастырь пальм»). Поскольку материалом для келий монахов-пустынников служили такие недолговечные средства, как пальмовые ветви и сырцовый кирпич, то от построек ничего не осталось. Местное предание утверждает, что деревенская мечеть построена на месте зала для молитв некогда существовавшего здесь монастыря. Недавно была высказана гипотеза об отождествлении обители Илариона Великого с руи-

нами на Телль-Умм-эль-Амр близ селения Дейр-эль-Нусейрат в 10 км от Газы, где в 1997-2001 годах был раскопан крупный монастырский комплекс, возникший в IV веке и достигший расцвета в VI столетии. Решающим аргументом в пользу этого отождествления послужила мозаичная надпись на полу храма над местом расположения небольшой крипты-склепа: «Молитвами и заступничеством святого отца нашего Илариона помилуй нас. Аминь». Согласно предположению археологов, в этой крипте были помещены мощи Илариона Великого после их перенесения с острова Кипр. Впоследствии святыню поместили в более обширную крестообразную крипту под алтарем церкви. Хиршфельд отождествлял руины Дейр-эль-Нусейрат с монастырем Серида, ученика преподобного Варсонофия Великого.

**ПРОКЛЯТ ТОТ, КТО БУДЕТ ИСКАТЬ
ОТДОХНОВЕНИЯ ТЕЛЕСНОГО РАНЕЕ
ДУХОВНОГО. БУДЕМ МОЛИТЬСЯ, ПЕТЬ,
СОТВОРИМ ДОЛГ ПРЕД ГОСПОДОМ
И ЗАТЕМ ПОСПЕШИМ В ВИНОГРАДНИК**

преподобный Иларион Великий

«Взамен строгого одиночества преподобный Иларион стремился создать иноческую общину, — пишет А.И. Сидоров. — Прежнюю разрозненность среди монахов он считал вредной для целей истинного подвижничества и показал в обители Газской первый пример общинного монашеского жития. Его обитель не имела определенных правил, но в одно целое и неразрывное их связывали не правила, а личность основателя монастыря, в большем или меньшем подчинении у которого находились все члены братства».

Палестинские иноки активно посещали подвижников Египта. Вскоре с благословения преподобного по всей Палестине стали возникать монастыри. Ученики уговорили его обойти и утвердить новообразованные обители. С тех пор раз в году перед сбором винограда святой посещал учеников, чтобы наставить их в вере и «воспламенить в них ревность к Богу». В путешествии авву сопровождало около 3000 желающих приобщиться к монашеской жизни. Во вре-

мя одного из таких походов, по дороге к своему ученику, он обратил ко Господу целый языческий город (Элусу).

К 63-м годам великий подвижник был известен по всей Палестине духовными дарами прозорливости, исцеления, изгнания бесов, а также бесчисленными чудотворениями. Вокруг было много братии, и людей, жаждущих его благодатной помощи, приходило все больше. Старец затосковал о безмолвии и о том, «что получил на земле свою награду» в виде славы земной. Два года скорбел преподобный.

После преставления Антония Великого в 356 году начинаются странствия святого Илариона в поисках безмолвия. Взяв с собой несколько учеников, он сел на осла и покинул место своих подвигов. Около десяти тысяч человек отправилось вслед за подвижником — и монахи, и миряне. Когда они его догнали, авва сказал: «Я молился Господу, и Он повелел мне идти отсюда, чтобы не видеть скорби, имеющей постигнуть Церковь Божию, не смотреть на разорение святых храмов, попрание алтарей и пролитие крови моих чад. Не удерживайте же меня». Что он имел в виду? Возможно, происки набиравших силу ариан, но вероятнее всего — гонения Юлиана Отступника, который в тот момент не был даже кесарем и по приказу которого впоследствии, как уже говорилось, действительно был разрушен центр общин преподобного Илариона.

Почитатели и ученики семь дней не отпускали своего наставника. В дальнейший путь он взял сорок наиболее выносливых братьев. Они отправились в Египет, где авва общался с подвижниками северного округа и христианами, пострадавшими от ариан. Затем он совершил паломничество к местам подвигов и упокоения святого Антония. Вернувшись в египетский город Афродитополь, отпустил иноков, оставив возле себя только двух учеников. С ними он удалился к желанному безмолвию в ближайшей пустыне.

После кончины преподобного Антония было сильное бездождье. Услыхав об авве Иларионе, жители окрестных селений пришли к нему, прося молитв о даровании дождя. Вместе с вымоленным дождем безмолвие святого закончилось...

Он перебрался в Оасимскую пустыню. Пришедший к власти Юлиан Отступник издал указ о разорении монастыря преподобного в Газе (что и было исполнено), а самого монаха убить. Однако гонение быстро прекратилось, и в Оасимскую пустыню к нему опять

**ТЫ, ДИАВОЛ, НЕ УСТРАШАЕШЬ МЕНЯ
ТАКОЮ ГРОМАДОЮ ТЕЛА: И В ЛИСИЦЕ,
И В ВЕРБЛЮДЕ ТЫ ОДИН И ТОТ ЖЕ**

преподобный Иларий Великий

стал проникать народ. Подвижник отправился искать уединения в Ливийские пустыни, а оттуда — на Сицилию. Вместе с учеником Зиноном, сопровождавшим его из Палестины, святой Иларион поселился возле горы Нихон, но и там его нашли болящие. Благодаря людской молве, любимый ученик преподобного Иисихий, скрывавшийся в период гонений в пустыне, смог вновь обрести своего старца. С двумя другими учениками они отбыли в новую пустыню близ далматского города Эпидавра. Но и там буквально через несколько дней их нашли люди, по просьбам которых подвижник избавил город от страшного змея, жившего неподалеку и уничтожавшего скот и людей. Кроме того, остановил молитвой море, грозившее затопить город во время землетрясения.

«Бог явил людям Своего раба и прославил его», — говорит автор жития Илариона Великого. Но от этой славы бежит преподобный на Кипр, поселяется не вдалеке от Пафоса. Однако «по Божию повелению собрались бесноватые со всей страны числом до 200, мужи и жены, пришли к подвижнику и, по его молитвам, освободились от недуга». Наконец, великий пустынник нашел дикое и красивое место среди гор, где «был цветущий сад и заброшенный идольский храм со множеством живших там бесов. Из-за них и труднодоступности места никто не осмеливался приходить к отшельнику». Здесь в 367 году его навестил Епифаний, с которым святой Иларион познакомился, еще живя в своем монастыре около Газы. Преподобный предсказал ему избрание архиепископом Кипрским.

Пять лет «отдыхал» Иларион Великий от человеческой суетолоки. И все же однажды к нему опять принесли бесноватого. С тех пор все вернулось на круги своя: народ снова пошел к святому авве. Один из его учеников — блаженный Зинон — умер, а Иисихий по просьбе преподобного отправился навестить палестинских братьев. Прозревая грядущую кончину, святой Иларион составил завещание для братии, распорядился нехитрым имуществом (Евангелием, написанным собственной рукой, власяницеей и куколем), которое завещал любимому Иси-

хию, и стал готовиться к смерти — последнему испытанию на земле. «Он начал изнемогать телом».

Умирая, преподобный Иларион говорил своей душе: «Выходи, душа моя, что ты боишься. Выходи, что ты смущаешься! 80 лет служила ты Христу и боишься смерти?» Мы видим, что даже такой великий муж, умом понимая, что за гробом ему ничего не грозит, душой все же трепетал перед смертью. Страх смертный свидетельствовал «меру возраста Христова». По просьбе святого местные жители похоронили его в саду, где он жил. Погребение совершилось сразу же после кончины, чтобы тело преподобного не сделали предметом поклонения. Иисихий, вернувшись из Палестины, хотел перенести останки учителя на родину, однако жители Кипра, вдохновляемые огромным количеством исцелений, исходивших от святых мощей Илариона Великого, так стерегли их, что только через десять лет блаженный Иисихий смог тайно унести тело. Он перенес мощи в Маюм, где преподобный основал свою первую иноческую общину.

Житие святого Илариона Великого было написано блаженным Иеронимом Стридонским в основанном им монастыре, рядом с храмом Рождества Христова в Вифлееме, около 391 года — спустя всего 20 лет после смерти подвижника. Хотя историческая достоверность сообщаемых фактов биографии нередко ставилась под сомнение и некоторые исследователи называли житие «романом», несомненно, что преподобный являлся историческим лицом, а блаженный Иероним, помимо собственных представлений о том, какими должны быть монах и монашеское делание, располагал свидетельствами очевидцев — в первую очередь, учеников святого аввы. Сочинение также основывалось на не дошедшем до нас энкомии (хвалебной песни) святителя Епифания Кипрского, лично знавшего преподобного Илариона. Вскоре после написания жития был сделан его перевод на греческий, о чем сообщает сам блаженный Иероним. Данные о святом Иларионе Великом также приводятся в «Церковной истории» Созомена (правда, они мало что добавляют к сведениям жития) и в сборнике *Apophthegmata Patrum* (2-я половина V века).

Использованная литература:

- Блаженный Иероним Стридонский. «Житие преподобного отца нашего Илариона Великого», Творения, том 4
 Святитель Димитрий Ростовский. «Жития святых», октябрь
 А.И. Сидоров. «Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества»
 А.Б. Ванькова. «Иларион Великий», статья из «Православной Энциклопедии», том 22

Алексей Беглов

«Слово о старчестве»

Неакадемические размышления тайной монахини

Для большинства людей Валентина Ильинична Пузик (1903–2004) была доктором биологических наук, профессором медицины и выдающимся исследователем в области туберкулеза, возглавлявшим много лет лабораторию в Институте туберкулеза Академии медицинских наук. Только некоторые знали ее как Матушку Игнатию. Уже с начала 1920-х годов Валентина Ильинична стала духовной дочерью Зосимовских старцев, приняла монашеский постриг – монашеский подвиг она совершила втайне от друзей, коллег, ученой общественности

С 1940-х годов монахиня Игнатия начинает свою литературную деятельность, пишет на церковные темы. Ее книги по понятным причинам «врашивались» в сравнительно узком кругу церковного самиздата. Круг этот составлялся людьми, так или иначе близкими к старой Зосимовой пустыни и, соответственно, к зосимовской традиции. При этом стоит отметить, что, несмотря на ограниченный ареал распространения ее сочинений, монахиня Игнатья по праву может считаться выдающимся церковным писателем как по охвату тем, так и по масштабам своих исследований. К теме старчества она обращалась несколько раз в своей жизни, на разных этапах своего литературного творчества. Уже первое законченное произведение матушки Игнатьи – био-

графия её духовного отца схиархимандрита Игнатья (Лебедева), сегодня прославленного в качестве преподобномученика (одного из последних старцев Зосимовой пустыни и московского Высоко-Петровского монастыря), – фактически было посвящено и проблемам духовного руководства, и проблемам старчества. В этой книге есть и рассуждения об особенностях зосимовского старчества, об особенностях вообще духовного руководства в условиях гонений. Данная биография была написана в 1945 году. При этом еще через несколько лет, в конце 1940-х годов, матушка пишет работу, которая была специально посвящена старчеству – «Слово о старчестве».

По существу, это сборник ее размышлений, в которых она обращается к наставникам XIX столетия – старцам Оптиной пу-

стыни, Зосимовой пустыни. Книга интересна тем, что автор подробно останавливается на особенностях взаимоотношений старца и ученика, на тех сокровенных сторонах общения, которые превращают их в единую духовную семью, делают старца отцом, сопровождающим послушника в жизнь вечную, а послушника — его преданным сыном. Примечательны страницы «Слова о старчестве», на которых автор размышляет, как жить подвижнику, прежде всего монаху, в условиях исчезновения старческих традиций. То есть пытаются найти ответ на вопрос, «как искать указания воли Божией в таком мире, где непосредственное духовное руководство оскудело, где многие традиции прерваны».

Ещё через несколько лет, в 1952-1953 годах, матушка Игнатия написала книгу отчасти автобиографическую, которая в её рукописях именовалась «Материк, или книга о духовных сестрах». Этот труд посвящен истории духовной семьи преподобномуученика Игнатия. И если в первой книге 1945 года главным героем был сам отец Игнатий, то здесь «главным героем» становится его духовное руководство и тайная монашеская община как результат духовного руководства. Несмотря на то что в книге нет каких-либо теоретических рассуждений о старчестве, матушка Игнатия подробно останавливается на «механизме» зосимовского духовного руководства, особенно в условиях гонений. Кроме того, мы видим здесь даты взросления духовной семьи преподобномуученика Игнатия (Лебедева).

Наконец, еще через несколько десятилетий, в 1980-е годы, в преддверии 1000-летия Крещения Руси, матушка снова пишет книгу, непосредственно посвященную старчеству, — «Старчество на Руси». Эту книгу она называла «приношением» тысячелетней истории Русской Церкви и в том числе истории русского монашества. Сочинение состоит из двух разделов. В первом, который построен отчасти по хронологическому, отчасти по типологическому принципу, матушка фактически описывает свое видение духовных школ

русского монашества и русского старчества в его историческом разрезе, начиная от святых домонгольской Руси и заканчивая собственно русским старчеством, где традиционно даёт интересный мемуарный очерк о зосимовских старцах. Второй раздел посвящен отдельным старцам и построен как духовное размыщение монахини над сохранившимся от них документальным наследием, прежде всего письмами. Здесь есть параграфы, посвященные самым разным подвижникам, известным в качестве духовных руководителей, например, Оптинскому старцу преподобному Амвросию. И есть страницы, посвященные подвижникам, которые малоизвестны или которые не воспринимаются как духовные руководители. Например, очень интересные размышления о святителе Игнатии (Брянчанинове) как о старце, о затворнике Георгии Задонском, о таком духовном наставнике, как Георгий Александрович Троицкий. Книга заканчивается размышлениями о наследии духовного отца матушки на материале его писем из заключения.

Особенность произведений матушки Игнатии о старчестве заключается, прежде всего, в том, что это не академические труды. Матушка рассуждает как духовный искатель, который сам прошёл школу старчества. Можно сказать, что она пишет о старчестве изнутри — прежде всего, изнутри зосимовской традиции. Именно раскрытием, выявлением зосимовской традиции её работы особенно ценны — не только как мемуарный источник об отцах знаменитой пустыни, но и рассказом о том, как сама эта традиция осознавала духовное руководство и старчество. В своих размышлениях матушка, безусловно, опирается на оценки, которые закладывает её духовный наставник. Например, в «Подворье старцев» — второй части «Старчества на Руси» — чётко видно, что она ориентируется на оценки отца Игнатия и других зосимовских старцев, с которыми общалась монахиня Игнатия.

Все перечисленные книги были опубликованы.

Монахиня Игнатия (Пузик)

Хотелось бы воссоздать образ зосимовского старца в его основных чертах, с сохранением главного, принципиального направления этого великого всечеловеческого делания по воссозданию душ человеческих в новую тварь о Христе Иисусе Господе нашем. Здесь, естественно, сохранились индивидуальные качества каждого из этих великих нeliцеприятных делателей на ниве Господней, но они же содержали и общий дух, усвоенное направление в понимании основ веры, основ спасения, основ духовного подхода к каждой ищущей этого спасения человеческой душе.

Зосимовский старец был, прежде всего, целен в воспринятом им мудровании о спасении. Это была непоколебимая, целостная, горячая и живая вера во Христа-Спасителя, Христа-Искупителя, Восстановителя всех душ, ищущих истинного окормления и руководства. Зосимовского старца отличала большая простота, непосредственность, иногда будто бы некоторая детскость в восприятии внешних условий и обстоятельств жизни духовного чада. Вместе с тем, вникая в эти условия жизни, выясняя детально, как сложился быт, условия работы или учения, старец, бе-рущий человеческую душу на свои плечи, был тверд и решителен в своих указаниях.

«Зачем нужны этому монаху такие подробности обо мне, — думал иногда вновь приходящий к зосимовскому иноку. — Никто ведь никогда на исповеди раньше не интересовался условиями моей жизни. Это даже как-то странно...». Но именно это внимательное ознакомление с тобой и делало то, что в следующий раз, пришедши на исповедь, ты уже чувствовал себя не чужим: в твоем положение кто-то вникал, о тебе кто-то заботился, даже болел — ты вдруг чувствовал, что обрел нечто родное, дорогое тебе; тебя изумляла проявленная забота; ты удивлялся, откуда могла идти такая нежная материнская о тебе попечительность. А старец уж приметил тебя: в словах твоей исповеди, а часто и между слов, угадывал растерянность в восприятии мира и вместе — желание обрести путь, и уже открывал тебе неизъяснимую любовь Отца Небесного. Ты был пленен открывающейся тебе перспективой внутренней жизни, удивлен, растерян, но и обрадован, и все это вместе — верно и властно — уже сотворяло тебя духовным чадом старца, во всем доверившимся ему.

А решение старца в ответ на твоё доверие было, как указывалось выше, полным и всеобъемлющим: тебе уже указывался путь, уже предначертывалась дорога твоей жизни. Далее зосимовский старец приучал пришедшего к нему к чистому и полному откровению. Из души необходимо было выделить и объявить на свет покаяния то, что казалось небольшим, но было, может быть, наилучше неприглядным, постыдным. Старец проявлял при этом необычное терпение, сострадание и поистине материнскую любовь. Казалось, часами он мог заниматься душой и терпеть, пока она оказывалась способной покаяться чисто и назвать все свои неправды их подлинными именами. Такое откровение совершало чудо: из труда чистого откровения, с одной стороны, и приятия открытых неправд, с другой, образовывалось подлинное родство о Го-

споде, подлинная живая внутренняя жизнь со всеми ее деталями; теперь уже каждое слово старца было свято.

Когда проходил период начального привыкания души к старцу, когда создавались верные отношения духовного родства, для ученика мог наступать и период больших испытаний. Духовный отец, заботясь о внутреннем возрастании, мог проявлять требовательность, строгость, обходить молчанием, казалось бы, неизбывные беды его чада. Проходила для последнего пора, когда он видел проявление одной любви и милости к себе — напротив, его встречали одни скорби. Бывало, рассказываешь о своих бедах горьких, а старец молвит спокойно: «Что-то я оглох на это ухо», — и молчание, никакого ответа на твои вопросы. Это — или ты гордый подходил к старцу, не обретши внутри спасительного смирения, или время пришло тебе обучаться терпению, пожданию обстояний для вящей пользы твоей, для твоего будущего, грядущего, которое старец угадывал впереди в твоей жизни.

«Вотвидишь, — иногда говорил старец, — этому дам просфорочку, поддержу его: он новоначальный, требует помощи, заботы; а другому, уже привыкшему, не дам: он сможет потерпеть». В целом же оружиями правды, десными и шумами, вел старец душу к Богу путем непрелестным, твердым; путем, одному этому лицу присущим. Пути эти были очень различны для различных людей: одни остава-

*Зосимовские старцы
преподобные Герман и Алексий*

лись на своей работе и продолжали трудиться; другим давалось твердое указание заканчивать образование; одни, по свойству их душ, горящих огнем любви к Богу, уходили полностью на служение Церкви; были и такие, которым спасителен был только путь супружеской жизни. И каждый, нашедший свой путь, радовался около своего старца, верил ему и очень горячо и свято его любил. Доверие же

ЗОСИМОВСКИЙ СТАРЕЦ ПРИУЧАЛ ПРИШЕДШЕГО К НЕМУ К ЧИСТОМУ И ПОЛНОМУ ОТКОРОВЕНИЮ. ИЗ ДУШИ НЕОБХОДИМО БЫЛО ВЫДЕЛИТЬ И ОБЪЯВИТЬ НА СВЕТ ПОКАЯНИЯ ТО, ЧТО КАЗАЛОСЬ НЕБОЛЬШИМ, НО БЫЛО, МОЖЕТ БЫТЬ, НАИБОЛЕЕ НЕПРИГЛЯДНЫМ, ПОСТЫДНЫМ. СТАРЕЦ ПРОЯВЛЯЛ ПРИ ЭТОМ НЕОБЫЧНОЕ ТЕРПЕНИЕ, СОСТРАДАНИЕ И ПОИСТИНЕ МАТЕРИНСКУЮ ЛЮБОВЬ

СТАРЦЫ ЗОСИМОВСКИЕ, ПРИНЯВ ЗАВЕТ ИХ ВЕЛИКОГО АВВЫ СТАРЦА АЛЕКСИЯ, ТВОРИЛИ ДЕЛО СПАСЕНИЯ ДУШ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ, НЕ ВНИКАЯ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СУЖДЕНИЯ О ТОМ, ПРАВИЛЬНО ЛИ ВЕДЕТ СЕБЯ РУКОВОДЯЩАЯ ЦЕРКОВНАЯ ВЛАСТЬ; ОДНО БЫЛО НА ПОТРЕБУ – ПРИВИТЬ ОБРАЩАЮЩИМСЯ К НИМ ЛЮДЯМ СМИРЕННОЕ И ОДНОВРЕМЕННО КРЕПКОЕ МУДРОВАНИЕ О ЖИЗНИ, ОБ ОТНОШЕНИИ К ЛЮДЯМ, О ПОВЕДЕНИИ В ОБЩЕСТВЕ И СЕМЬЕ

Преподобный Алексий Зосимовский
и преподобномученик Макарий Моржов

окрыляло руководителя и создавало вокруг него радостную, спокойную обстановку, состояние обоюдной чистой любви, взаимного уважения, даже счастья. Жизнь духовная обретала всю свою полноту.

Все это можно было созерцать в те годы, когда Зосимова пустынь была закрыта и некоторые из ее насельников должны были

переселиться в столицу. Здесь, по неизвестному Промыслу Божию, возник тот источник, тот кладезь подлинной духовной жизни, которому мог прикоснуться любой житель многомиллионного города, любого возраста, любой профессии, любого семейного положения. Старцы зосимовские, приняв завет их великого аввы старца Алексия, творили дело спасения душ человеческих, не вникая в человеческие суждения о том, правильно ли ведет себя руководящая церковная власть; одно было на потребу – привить обращающимся к ним людям смиренное и одновременно крепкое мудрование о жизни, об отношении к людям, о поведении в обществе и семье.

Зосимовские старцы тем духовным чадам, которые избирали одинокую жизнь, вменили работу в государственных учреждениях, как послушание в монастыре. И послушник должен был относиться к своему послушанию со всей совестью, со всей ответственностью, со всей любовью. Таким образом в условиях нового государственного строя могла осуществляться та великая идея, которая была сформулирована как монастырь в миру. Идея монастыря в миру – идея богочеловеческая: монашество не могло прекратиться, когда упразднены были монастырские стены. Монастырь в миру – монастырь без стен и одежды – мог быть осуществлен теми, кто искал служения единому Богу в своей жизни. Теперь эти незримые для мира иноки должны были, по мысли старцев, нести свое по-

слушание в миру со всей ответственностью и серьезностью, как перед очами Божиими.

Эти незримые для мира иноки, конечно, становились, так же, как и их духовные отцы, исповедниками Христовыми и терпели много различных скорбей и притеснений. Мучениками становились они, так как жизнью своей исповедали Бога, а свидетельство о Боге – основной подвиг мученика. Многие из духовных детей старцев впоследствии стали и подлинными мучениками, будучи удалены из столицы в ссылки и лагеря.

Руководство старцев бывшей Зосимовой пустыни заключалось также и в том, что их чада получали доступ к чтению духовной литературы в должной, необходимой для правильного возрастания последовательности. Прежде всего, это была святоотеческая литература, писания святых отцов о постепенном вхождении в духовную жизнь. Одной из первых и основных книг была книга аввы Дорofея, изображающая ход внутренней жизни инока. Из нее черпали ученики старцев новое понятие о жизни, о необходимости покаяния, смирения, терпения и спасительного послушания старцам и условиям жизни и труда. Там же давались указания вновь возрастающему духовному человеку о мире, жизни, людях, об отношении к близким, к вещам, о хранении совести в отношении их. Далее следовала книга о восхождении к доброделанию, «Лествица» святого Иоанна Лествичника, а также прекрасная книга о различных сторонах и вопросах духовной жизни святых Варсонофия и Иоанна, где можно было получить ответ, духовное разъяснение на любой вопрос, который вставал на пути духовной жизни.

Затем следовали книги отечественных подвижников – святителей Игнатия Брянчанинова и Феофана Затворника и других русских старцев (схиархимандрита Гавриила, затворника Георгия Задонского), а также жития преподобных Сергия Радонежского, Серафима Саровского и др. Большой любо-

вью пользовалась книга старцев Зосимы Верховского и Василиска, а также, естественно, жизнеописания и письма оптинских старцев. К Добротолюбию с его большой сложностью и глубиной, как и к творениям преподобного Исаака Сирина, духовные дети зосимовских старцев получали доступ не сразу, а уже по прочтении основных книг и руководств к духовной жизни. Эти книги содержат в себе значительную высоту, не всегда понятные указания на особые состояния внутренней жизни, не всегда доступную тонкость духовных переживаний.

Таков был Промысл Божий, что духовное учение о спасении, возделанное и взращенное в одной из великих пустынь, достигло наших больших городов и влилось в церковную жизнь, «осолило», оживило, возрадовало и возродило эту жизнь свидетельством подлинного духовного подвига, показало его возможность и необходимость даже в горькие дни переживаемого нами века.

Владыка Варфоломей,
игумен Митрофан и послушница

Иван Пырков

ХЛЕБОМ ОТ БЫЛИЯ И СОЛИЮ ОТ ПЕПЛА

В своем удивительном труде «Святые Древней Руси» ГЕОРГИЙ ПЕТРОВИЧ ФЕДОТОВ, ОДИН ИЗ САМЫХ ГЛУБОКИХ И ДАЛЕКО ВИДЯЩИХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ, ВОССОЗДАЁТ УНИКАЛЬНУЮ ДУХОВНУЮ АТМОСФЕРУ ДРЕВНЕРУССКОГО УКЛАДА

Через эпоху, когда впервые в России печатается эта книга, академик Д.С. Лихачёв с необычным даже для себя запалом восклицает во вступительном слове: наконец-то развеян окончательно миф о культурной отсталости наших предков, наконец-то явлен столь необходимый обществу пример того, что «старое не устаревает». Г.П. Федотов, вне всяких сомнений принадлежащий к выдающимся фигурам Православного Возрождения, с особым внутренним трепетом в главе «Святые Киево-Печерского патерика» ведёт рассказ про преподобного Прохора Лебедника, монаха Печерского монастыря, русского святого. Вот как он пишет: «Своеобразное служение миру носит Прохор Лебедник, постригшийся в конце XI века. Своё прозвание он первоначально получил от изобретённой им формы постничества. Он никогда не ел другого хлеба, кроме приготовленного из собранной им самим лебеды... Поликарп, автор его жития, подчёркивает особую легкость его жизненного пути («легко проходя путь») как воплощения Христовой бедности: «бысть житие его, яко единого от птиц»... «на неоранне земле ненаселянна пища бываше ему». Во время голода аскеза святого превращается в подвиг благотворения. Он печёт свой хлеб из лебеды для множества приходящих к нему, и горький хлеб чудесно становится сладким».

Георгий Петрович, для которого родным был саратовский берег Волги, трудился над едва ли не главной своей книгой, находясь вдали от России, в Париже, в изгнании. Но и отсюда он с болью в сердце и видел ставшее обыденным в русской земле насилие, и знал про разрушение храмов, влекущее разрушение душ, и помнил, конечно, про чудовищный голод в Поволжье,

унёсший миллионы человеческих жизней. Однако могли он предположить тогда, в начале тридцатых, имея даже в запасе прозорливость философа, что хлеб из лебеды станет вскоре для его соотечественников символом великих испытаний и предметно-образным, зримым воплощением великой скорби. Спустя десятилетия после Великой Отечественной зачерствевшие узурнички будут лежать за стеклом в качестве музеиных экспонатов, и экскурсовод с указкой в руках будет рассказывать пришедшему на экскурсию школьникам о том, как собирали лебеду, как перемалывали её в серо-бурую муку, больше похожую на муку, о том, как пекли такие вот чёрные кирпичики. А ещё – будет в этом рассказе тихое слово о Пискаревском кладбище. И чьи-то детские глаза обязательно проблеснут слезой. Тема пустынной травы в нашем родном слове – это тема отчуждения, сиротства, горя. И в то же время – родства. «Как знак отхлынувшей беды, // А я с бедой знаком, // В музее хлеб из лебеды // Чернеет за стеклом. // Похож он чем-то на руду, // Давно окаменел. // В лихом году, в каком году // И я подобный ел...» Так писал когда-то мой отец, поэт Владимир Пырков, чьё детство пришлось на военное лихолетье.

Можно ли, живя в России, говорить спокойно про хлеб из лебеды? Можно ли рассуждать отвлечённо, без кровной пристрастности, о «служении миру» Прохора Лебедника?

Очень важно, думается, что хлеб, раздаваемый святым, «испрашиваемый» у него нуждающимися, был, по преданию, вкуснее самого дорогое — пшеничного. А краденый этот хлеб становился горек, словно полынь. Так объединяются в повествовании

о жизни святого лебеда и полынь, растущие на пустырях и высоких, появляющиеся там, где разор и запустение. Но, быть может, в том-то всё и дело, что сорная трава превращается истинной верой в дар Божий, в этом-то и чудо.

В Смоленске родился пещерский чудотворец. Он принял постриг в Киево-Печерской лавре от игумена Иоанна. Жил он в пору княжения Святополка. Святополк Изяславович, прослышиав про чудесные хлеба Прохора, велел выкрасить несколько хлебов, а несколько попросить у Божьего угодника, чтобы проверить слух о «сладком» — дарованном, и «горьком» — выкрашенном хлебе. Но и убедившись в правдивости рассказов, великий князь не смягчил своего недоверчивого нрава и сурового отношения к простым людям. Он ввёл налог на соль, и соль в городе Киеве стала дороже золота. И вновь пришёл страждущим на помощь Прохор Лебедник: он собрал золу, и обратилась она в драгоценные кристаллы.

Какая интересная параллель: сладкий и горький вкус, соль и зола. То, без чего нельзя жить, и то, что остаётся от сгоревшей, прогоревшей дотла жизни. Было ведь когда-то такое слово старорусское — «тло». То есть, основа, основоположение, испод, донышко, нечто остающееся, неистребляемая часть. И ведь как важно: не просто золу собирал Божий угодник, а золу со всех монашеских келий. Значит, было в ней что-то чудесное!

Житие Прохора Лебедника — удивительный пример того, как лежащая в основе помыслов и поступков вера, соединённая с жертвенностью, способна изменить мир в лучшую сторону. Не силой или бранью преображается всё сущее, а добрым делом, сотворением сътной еды из сорного стебля и спасительной соли из бесполезного пепла.

Откупщики пожаловались Святополку, что, мол, весь серый товар скупил Прохор Лебедник, а теперь раздаёт его бесплатно и сбивает цену. А теперь представим такую картину. Врываются в жилище преподобного обыскивающие, переворачивают всё вверх

дном и, наконец, находят мешочки, где спрятаны, как они думают, соляные запасы. И приносят их торжественно на княжеский двор, и раскрывают там по приказу Святополка. Вот разворачивают они одну тряпичку, потом другую, третью — и видят завёрнутый в них пепел. Выбросив же никчемный пепел за ворота, изумляются, что снова сделался он солью...

После этого случая Святополк изменил своё отношение и к Прохору Лебеднику, и к монахам Печерского монастыря, и к простым жителям. Великий князь как будто бы понял вдруг, что такое соль земли, и стал мудрее, и мягко-серднее. В том ли чудо, что пепел обратился в соль? В том ли промысел Божий, что из лебеды щедрый хлеб испёкся? Или в том, прежде, что наделённый могучей силой правитель (что был, по словам Татищева, «сребролюбив и скуп») проникся искренней молитвой, встретив в Прохоре Лебеднике невольного наставника? Святополк усердно с тех пор молился, советовался с преподобным, склонял перед ним голову. В 1107 году бился он с половцами, но, узнав, что пещерский старец при смерти, не мешкая, воротился в Киев, получил благословление. Великий князь собственноручно отнёс тело святого в ближние пещеры лавры. После он поспешил к войску и одержал важную в истории Руси победу.

Воды извилистой реки Сулы отразили торжество праведного оружия и радость объединяющихся русских князей. И после, перед тем как принять решение, Святополк Изяславович всегда молился у гроба преподобного, мысленно держал ответ пред его памятью.

На иконе преподобный Прохор Лебедник держит в руках хлебы, в которые как бы вкладывает тепло своего сердца и щедрость своего подвига. Старое не устаревает. Пайка из лебеды всё так же памятна и всё так же горестна для нас. И всё так же тёпл и желанен он, хлеб бескорыстия, жертвенности, любви и веры. «Преподобне и чудотворче, отче Прохоре,/ препитавый во гладе алчущия хлебом от былия и солию от пепла,/ напитай и нас пищею духовною,/ моля Христа Бога/ о душах наших».

Монастырский Вестник

Официальное периодическое издание
Синодального отдела по монастырям и монашеству

№ 2[14] февраль 2015 г

Свидетельство о регистрации
СМИ ПИ ФС 77-57229 от 12 марта 2014 г.

Без возрастных ограничений

Учредитель — Религиозная организация
«Синодальный отдел по монастырям
и монашеству Русской Православной Церкви»

На обложке фото: Даниил Африн

Главный редактор — игумен Петр (Еремеев),
наместник Высоко-Петровского
ставропигиального мужского
монастыря г. Москвы

Заместитель главного редактора —
иеромонах Пантелеймон (Королев)

Выпускающий редактор — Сергей Кириллов
Редакция:

Христина Полякова

Дарья Гордиенко

Даниил Африн

Лидия Чуплыгина (дизайн и верстка)

Ирина Володина (корректор)

Авторы:

Святитель Амфилохий Иконийский

Архимандрит Елисей

Игумения Феоксения

Екатерина Орлова

Елена Балашова

Юлия Гойко

Анастасия Михалос

Дарья Майская

Алексей Беглов

Иван Пырков

Распространение:

Александр Свалов

Александр Казаков

тел.: 8 (495) 796 14 95, 8 (495) 624 34 81

эл. почта: mon.vestnik@gmail.com
28petrovka@gmail.com

Адрес редакции: 127051,

Россия, Москва,

ул. Петровка 28/2,

Высоко-Петровский

ставропигиальный мужской

монастырь г. Москвы

e-mail: mon_vestnik@mail.ru

Тираж 3000 экз.

Отпечатано в типографии Патриаршего
издательско-полиграфического центра,
г. Сергиев Посад

ОФИЦИАЛЬНЫЙ
САЙТ
СИНОДАЛЬНОГО
ОТДЕЛА
ПО МОНАСТЫРАМ
И МОНАШЕСТВУ
РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ
ЦЕРКВИ

<http://monasterium.ru/>

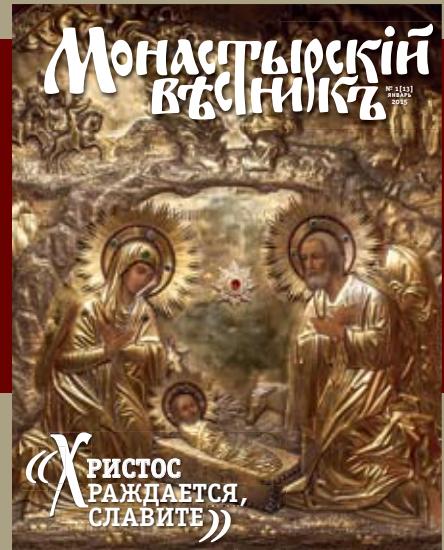

ФОТО: ДАНИИЛ АФРИН

**ОТКРЫТА
ПОДПИСКА
НА ЖУРНАЛ**

Монастырскій вѣстникъ

Вы сможете без задержек получать свежие выпуски официального издания Синодального отдела по монастырям и монашеству, журнал с интересом и пользой привлекающим иночествующие. «Монастырский вестник» расширит ассортимент книжных лавок, ориентированных на паломников.

О Т Д Е Л Р А С П R O С T Т Р А Н Е Н И Я

28petrovka@gmail.com

8 (495) 796 14 95